1 мая

ОГОНЁК

№ 18 АПРЕЛЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НАШИ современники

Валентина Слесаренко — потомственная астраханская рыбачка. Окончив среднюю школу, девушка поступила на рыбозавод имени Н. К. Крупской.

Дружно работает бригада, в которой трудится Валентина, соревнуясь за право именоваться бригадой коммунистического труда. В своем обязательстве девушки записали: «Отдадим все свои силы, энергию и способности делу строительства коммунизма, будем воспитывать в себе и своих товарищах качества членов коммунистического общества».

Все девушки решили в ближайшие годы получить среднетехническое образование. Валя готовится поступить в техникум.

Днем работа, вечером — над учебниками. Но находится время и для любимого занятия — художественной самодеятельности. Девушки поют, читают стихи. А Валентина Слесаренко всегда с успехом ведет программу концертов в заводском клубе.

Фото А. Заплетина.

На первой и четвертой страницах обложки рисунок Г. К. Шубиной.

Да здравствует 1 Мая — день международной солидарности трудящихся, день братства рабочих всех стран!

Братский привет всем народам, борющимся за мир, за демократию, за социализм!

Маевка

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Освеженный грозой короткою,
Дышит полдень парным дождем...
Вот мы пригородной слободкою
На маевку с тобой идем.

Все рассчитано здесь заранее,
Предусмотрено все у нас,
И наигрывает «страдания»
Гармонист для отвода глаз.

Пусть вокруг с напряженной миною
Рыщет «филер», сбиваясь с ног.
В общем, дело совсем невинное:
Люди сели и пьют чаек.

Рядом с черствой, сухою сайкою
Бережливо нарезан сыр.
И шумит над лесной лужайкою
Небогатый рабочий пир.

Дымкой легкою и нечеткою
Скрыта рощица впереди.
Под фабричной косовороткою —
Прокламации на груди...

На маевках ведь не бывали мы,
Отшумели они давно.
Только в книгах о них читали мы,
Только видели их в кино.

И как вечное вдохновение,
И как верность одной любви —
Пусть сменяются поколения —
Это в нашей живет крови.

Вижу в белом сады вишневые,
Небо с чистой голубизной...
Не напрасно рожденье нового
Люди связывают с весной.

И врагам, хоть убей, не верится,
Что опять, как из года в год,
С беспощадной закономерностью
Начинается ледоход.

Каждой ласточкой, прилетающей
В наш умытый дождями край,
Каждой веточкой расцветающей
Нас приветствует Первомай.

И опять этот праздник празднуя,
Нашей правде сынов уча,
Ты выходишь на площадь Красную
С той же ленточкой кумача.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 18 (1663) 37-й год издания

26 АПРЕЛЯ 1959

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

ВЕКСЛЕР В. И.

ЗИНОВЬЕВ Л. П.

МИНЦ А. Л.

РУБЧИНСКИЙ С. М.

ВОДОПЬЯНОВ Ф. А.

КОЛОМЕНСКИЙ А. А.

Премия присуждена за создание синхрофазотрона на 10 миллиардов электроновольт.

БАЛУХОВСКИЙ Н. Ф.

ГОРЕВ Н. А.

ЛИТВИНОВ В. Р.

Премия присуждена за открытие и разведку Шебелинского газового месторождения в Украинской ССР.

КОВАЛЕВ Н. Н.

КОЛТОН А. Ю.

Премия присуждена за создание мощной поворотнолопастной гидротурбины для Волжской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина.

ПОПОВ И. С.

Премия присуждена за научный труд «Кормление сельскохозяйственных животных».

ШАФАРЕВИЧ И. Р.

Премия присуждена за работы по алгебраической теории чисел.

АБДУЛЛАЕВ Х. М.

Премия присуждена за научные работы о роли гранитоидов в постмагматическом рудообразовании.

ПУСТОВОЙТ В. С.

Премия присуждена за разработку методов селекции и семеноводства, создание и широкое внедрение высокомасличных сортов и ежегодное сортообновление подсолнечника.

ВУКАЛОВИЧ М. П.

КИРИЛЛИН В. А.

ШЕЙНДЛИН А. Е.

Премия присуждена за теоретические и экспериментальные исследования теплофизических свойств воды и водяного пара при высоких параметрах.

СВИСТУНОВ А. Н.

Премия присуждена за коренные усовершенствования методов строительства доменных печей в СССР.

КИРИЧЕНКО Ф. Г.

Премия присуждена за разработку методов селекции, создание и широкое внедрение в колхозно-совхозное производство зимостойких и урожайных сортов озимой пшеницы.

ЗДРОДОВСКИЙ П. Ф.

ГОЛИНЕВИЧ Е. М.

Премия присуждена за научный труд «Учение о риккетсиях и риккетсиозах».

АУЭЗОВ М. О.

Премия присуждена за роман «Путь Абая» (книга первая—«Абай», книга вторая — «Путь Абая»).

ДОВЖЕНКО А. П.

Премия присуждена за литературный киносценарий «Поэма о море».

ПОГОДИН Н. Ф.

Премия присуждена за драматическую трилогию: «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая».

КИБАЛЬНИКОВ А. П.

Премия присуждена за памятник В. В. Маяковскому в Москве.

СМИРНОВ Б. А.

Премия присуждена за исполнение роли В. И. Ленина в спектакле МХАТ «Третья патетическая».

ШТРАУХ М. М.

Премия присуждена за исполнение роли В. И. Ленина в кинофильме «Рассказы о Ленине».

СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ В. П.

Премия присуждена за песни: «В путь», «Подмосковные вечера», «Версты», «Если бы парни всей земли», «Марш нахимовцев».

ХАЧАТУРЯН А. И.

Премия присуждена за балет «Спартак».

ПЕРВЫЕ СУДА ПРОШЛИ ШЛЮЗЫ СТАЛИНГРАДСКОЙ ГЭС. Это были теплоход «Пенза», ледокол «Кубань» и баркас № 14.

Сталинградские гидростроители одержали новую крупную победу: по искусственному водному пути под стенами города-героя открылось сквозное движение волжского флота.

Фото В. Сметанникова.

ТРИУМФ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА. С огромным успехом проходят в США выступления балета Большого театра Союза ССР. Все билеты давно распроданы. Газеты полны самых восторженных отзывов.

На снимке: советские артисты на улице Нью-Йорка.

Фото Г. Соловьева.

ПРИЕМ В ЧЕСТЬ М. А. ШОЛОХОВА устроил на днях в Париже Национальный комитет писателей Франции.

На снимке: Эльза Триоле и Луи Арагон беседуют с М. А. Шолоховым (слева).

Фото из газеты «Юманите».

СОЮЗ СПОРТИВНЫХ ОБЩЕСТВ И ОРГАНИЗАЦИЙ СССР создан на днях решением Всесоюзной учредительной конференции.

На снимке: участники учредительной конференции знатные советские спортсмены: В. Куц, Г. Шагинян, Л. Калинина, В. Муратов, В. Чукарин.

↓ Фото К. Толстикова.

ИРЖИ ГАНЗЕЛКА И МИРОСЛАВ ЗИКМУНД НАЧИНАЮТ НОВОЕ БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ по странам Европы, Азии, Австралии и Океании на двух автомашинах «Татра-805». Вместе с ними отправляются механик Ольджих Халупа и врач Роберт Вит.

На снимке: участники экспедиции у киноаппарата, которым им предстоит заснять десятки тысяч метров пленки. Слева направо: Роберт Вит, Ольджих Халупа, Мирослав Зикмунд и Иржи Ганзелка.

Фото Я. Новотного.

ИЗ МЕТАЛЛА, СОБРАННОГО ШКОЛЬНИКАМИ Оренбургской железной дороги, на Харьковском заводе транспортного машиностроения построены два тепловоза.

На днях в депо Оренбург ребята торжественно вручили паспорт и ключи тепловоза «Пионер» ТЭЗ-270 одному из лучших машинистов, А. И. Антюхову.

На снимке: пионер Саша Истратов разрезает ленточку перед новым тепловозом.

Фото И. Баранова.

ЧАРЛИ ЧАПЛИНУ 70 ЛЕТ

16 апреля, в день семидесятилетия Чарли Чаплина, наш корреспондент позвонил по телефону в швейцарский город Вэвэ, где живет и работает замечательный артист.

Восемь часов вечера по московскому времени. Начальник смены междугородной станции Галина Кудрина говорит:

— Чаплин у телефона!..

От имени всех читателей журнала «Огонек» мы передаем мистеру Чарли Чаплину поздравление с днем рождения и сердечные пожелания доброго здоровья. Артист взволнован. Он говорит:

— Всем моим дорогим друзьям — людям Советской страны, всем читателям журнала «Огонек» — я передаю большой, дружеский привет. Горячо обнимаю вас, мои дорогие!.. Вы, советские люди, помогали и помогаете мне творить. Все годы я ощущал вашу моральную поддержку. Я счастлив, что добрые силы мира побеждают мрак и невежество. Пусть на всей большой и прекрасной планете Земля всегда будет мир!..

Чарли Чаплин с младшей дочкой.

СВОЕ СЛОВО

Главный инженер проекта модернизации цеха Д. Г. Яковлев (справа) и слесарь Виктор Родионов за отладкой автоматизированного фрезерного станка.

Фото А. Узляна.

Илья ЗВЕРЕВ

— Вот,— сказал мой спутник.— Обратите внимание!

И справа и слева от нас тянулись длинные, серого кирпича, здания цехов.

Почти на каждой стене лозунги. В некоторых местах надписи поистерлись, в других —большие неровные буквы проступают совсем отчетливо.

«За высокую культуру и высокую технику!» — написано на торце углового здания. И в конце огромный восклицательный знак.

Надпись, наверное, ровесница стены. Так и видишь людей тридцать второго года — комсомолку в кумачовой косынке и парня в юнгштурмовке. Взгромоздившись на лестницу, они выводят эти красные пламенные слова...

— Высокая культура, высокая техника...— задумчиво повторил мой спутник, инженер Фесечко.

Николай Федорович Фесечко работает на заводе со дня его пуска, и перемены в быстротекущей жизни должны быть для него особенно впечатляющими. Наш разговор, начавшийся еще в кабинете, все время вращался вокруг одной темы: судьбы старого завода в вечно обновляющихся, вечно меняющихся условиях.

И хотя, повторяю, завод был совсем нестарый — ровесник пятилеток,— тема у нас формулировалась именно так.

Собственно говоря, привело меня на этот завод, инструментальный завод «Фрезер» имени Калинина, упоминание о нем на XXI съезде партии. С трибуны съезда прозвучала похвала фрезеровцам за модернизацию старого оборудования, за приспособление его к требованиям сегодняшнего, даже завтрашнего дня.

Если вдуматься, то невидная работа, хорошо начатая на московском «Фрезере»,— одна из типичнейших работ семилетки. Когда мы произносим это слово — «семилетка»,— мы, конечно, прежде всего видим ультрасовременные автоматические линии, «думающие машины», атомные установки — все то техническое великолепие, которым поражают залы Всесоюзной промышленной выставки. Действительно, у нас сооружаются десятки, может быть, сотни новых, совсем новых предприятий со свежим, с иголочки (вернее сказать — с резца), оборудованием.

Но ведь мы начинаем семилетку не так, как начинали первую пятилетку, не на голом месте. Остается в строю многомиллионная армия машин, рожденных вчера и позавчера. Как быть с ними, так удивительно быстро стареющими? Омолаживать? Или сдавать в металлолом? Или оставлять в неприкосновенности,— пускай дотягивают лямку, какие ни есть?

— Вот именно,— обрадовался Фесечко.— Над этим мы и задумались, над этим и заставили думать механиков и проектантов. Ведь у нас каждый цех, как геологическая карта: можно различать пласты. Это — отложение такого-то периода, это — такого-то. Только, конечно, не пласты, а станки.

И на самом деле, картина получается довольно пестрая.

Вот шумят, искрят, плюются маслом старенькие станки в рыжих проплешинах, в ссадинах и подтеках. На их потертых боках латинские буквы, слагающие имена фирм: «Вандерер», «Цинциннати», «Шток». Заморские чудеса первой трети века. А рядом станочки посвежее, с выпуклыми литерами «КП» — краснопролетарской маркой. И, наконец, совсем современные — большие, красивые, совершенных форм станки последнего выпуска. Все это рядом, под одной кровлей, в одном пролете.

Что же это за цепь, где, образно выражаясь, одни звенья стальные, другие жестяные, третьи веревочные? Ненадежная цепь, конечно.

Но вот еще одна шеренга машин, вызывающая совсем другое ощущение: автоматическая линия. У истока ее спокойно сидела на скамеечке ее хозяйка, пожилая женщина в выцветшем синем халате, и присматривала за станками. А в другом конце линии сидела ее подруга в такой же непринужденной позе, характерной, скажем, для лифтерши или представительницы какой-либо другой неторопливой профессии, но никак не для работницы напряженнейшего производства.

Мы разговорились с первой из хозяек, Тамарой Афанасьевной Рассыпновой. Оказывается, она еще недавно была накатчицей, резьбу накатывала вручную. Это была такая работа!.. «За три смены без разгибу делали то, что сейчас за одну шутя делаем»,— определяет она перемену. И, не удержавшись, пускается в рассуждение на эту приятную тему. По ее словам, не одни конструкторы из института продления жизни, а и все рабочие, вплоть до нее, Тамары Афанасьевны, или ее напарницы Ксении Зотовой — вот той женщины, которая сидит напротив, — участвовали в создании автоматической линии. Люди из института продления жизни запроектировали перестройку старых станков, ребята в ремонтном цехе воплотили все эти проекты в металле, а потом уж всей семьей внедряли, доводили, отлаживали.

Но что это за институт продления жизни? В конце концов выяснилось, что так, и не совсем шутя, привыкли называть Оргстанкинпром — проектно-технологический и экспериментальный институт. Его проекты облегчают и возвышают труд, продлевают жизнь не только машинам, но и рабочим: значит, все правильно, пусть и носят себе неофициальное лестное название.

Сейчас к работам по автоматизации «Фрезера» привлечены и новые силы — ЭНИМС (Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков), СКБ-6 (Специальное конструкторское бюро), СКТБ (Специальное конструкторское технологическое бюро)...

Слесарь Анатолий Андреевич Наумов — человек молодой, но весьма солидный, у него тридцать пять рационализаторских предложений внедрено и еще с десяток «плавает» в разных инстанциях.

Анатолий Андреевич, которого, впрочем, все здесь зовут просто Толиком, так определил задачу своего участка:

— Мы берем, что есть, и приспосабливаем к будущему.

По его словам, раньше все молились на станок, считали его чем-то неизменным, свыше данным, а сейчас стали полными хозяевами, как мичуринцы над растениями, и так могут переделать и этак, как угодно. Он чувствует себя товарищем, даже соавтором руководителя бригады Оргстанкинпрома Дмитрия Георгиевича Яковлева. («Между прочим, замечательный инженер, голова!»)

И с мальчишеским удовольствием вспоминает, как помог ему наладить автомат по штамповке квадратов, на метчиках. («Он мне говорит: «Смотри, Толя, не поворачивается»,— а я говорю: «Потому не поворачивается, что впритык стоит метчик, его отжимать надо». И Яковлев послушался, переделал».)

Я видел этот автомат в строю среди других: клеймильных, бес-

Промышленная телевизионная установка испытывается в цехе метчиков. Инженер Б. Боев наблюдает за работой фрезеровщицы В. В. Денковой.

центрово-шлифовальных и прочих; он действительно работал, как часы.

Анатолий Андреевич назвал цифру «сорок два». И ее повторяли в каждом цехе, в каждом отделе заводоуправления. Столько будет на «Фрезере» автоматических линий. Так записано в плане.

План... Он заключен в ледериновую папку с золотым тиснением. Золотом вытиснено: такой-то совнархоз, такое-то управление, такой-то завод. Но главное не сказано. Не сказано то, что составляли этот план не только в совнархозе, главке и дирекции, что творцом его был весь заводской коллектив. И называется он «Перспективный план технического перевооружения завода на 1959—1965 годы».

Прежде чем рассказать кое-что о сути этого документа, хочется поделиться волнующими подробностями, чисто техническими подробностями составления этого документа. Были организованы двадцать бригад (бродильных, что ли, затравочных), в каждой из которых сосредоточивалась работа по одному узловому вопросу. Была бригада по сверлам, были еще по метчикам, плашкам, заготовительной базе, управлению производством и так далее.

В бригады вошли конструкторы и ученые, инженеры цехов, самые дельные мастера и рабочие. Задача у таких бригад была не просто определить контуры будущего, но и привлечь к составлению плана многих, привлечь всех. Чтобы в этом деле участвовал каждый из шести с половиной тысяч фрезеровцев, чтобы каждый чувствовал себя «немножко Госпланом».

Люди, знающие производство досконально, до последнего станочка, до малой детали, относились к плану, как к чему-то почти личному. Кто-то требовал автоматизировать в первую очередь труднейший процесс центрования метчиков. Кто-то настаивал на автоматизации шлифовки, заточки и клеймения сверл — финишных операций, сдерживающих весь поток. Кто-то яростно отстаивал другую очередность. Но частностями не ограничивались — говорили о направлении развития цехов, оперировали цифрами, ссылались на опыт ближних и дальних. Речь шла о большой технической политике...

Восьмизначными цифрами исчислялись те, кто обсуждал пути перестройки управления промышленностью, кто спорил о судьбах МТС, о контрольных цифрах семилетки. В последнем обсуждении участвовало семьдесят миллионов человек.

Что же, коллектив «Фрезера» сумел в большом, всенародном разговоре найти свое слово!

— Но надо понять, что дело не в одной модернизации,— сказал мне Федор Васильевич Комаров, директор «Фрезера».— В том-то и смысл, в том-то и красота плана, что он как бы сводит вместе пятилетки и семилетку, что он предусматривает гармоническое сочетание приспособленной старой техники с новой и новейшей.

И директор, вначале казавшийся мне человеком суховатым, добавил со страстью:

— Процесс обновления будет идти у нас беспрерывно... Как в природе...

Семилетка «Фрезера» — это не только автоматизация оборудования, но и автоматизация межцехового и внутрицехового транспорта, управления производством.

Реформируя производство, приспосабливая его к высшим требованиям семилетки, создатели перспективного плана натолкнулись на «веревочное звено» там, где его и не ожидали. Оказалось, что система управления производством — то единственное в заводской жизни, что оставалось неизменным,— никуда не годится.

И вот завод призвал на помощь ученых из Института труда, чтобы на основе всего самого современного, самого совершенного разработать схему управления и регулирования производства.

На заводе будет своя телевизионная система, которая позволит с центрального пункта следить за всеми важнейшими узлами производства—от заготовительной базы до склада готовой продукции. Фототелеграфные аппараты будут мгновенно размножать чертежи, с которыми сейчас столько возни. Сведения из цехов заводоуправление сможет получать по телетайпу. Счетные машины на центральном информационном пункте будут сводить данные о выпуске продукции.

Или еще одна новость. Поднимешь телефонную трубку: «Алло, технический архив? Говорит третий цех. Дайте чертеж «ЗС-52». И через несколько минут получишь на своем приемнике отпечаток. Никакой нервотрепки, никаких промедлений. Аппарат печатает с ватмана, с кальки и с синьки, берет и тушь, и карандаш, и чернила.

Когда заседал заводской партийно-хозяйственный актив, в фойе клуба устроили выставку технических новинок, уже полученных на «Фрезере».

— И все это будет работать рядом с теми станочками, с которыми мы свой завод открывали,— восхищались люди.— Дистанция!

Да, от первой пятилетки до семилетки пройден удивительный путь! Это, как нигде, почувствуешь на «Фрезере» — ровеснике нашей индустриализации.

Из почты «Огонька»

ГОРДИМСЯ УСПЕХАМИ ДРУЗЕЙ

Третий год я работаю геологом в Китае, в провинции Гуйчжоу. Об этой провинции, расположенной в горах Юго-Западного Китая, раньше говорили так: «В Гуйчжоу не найдешь трех му ровной земли, трех хороших дорог, не встретишь трех человек с тремя фынями...»

За какие-то десять лет после освобождения здесь произошли большие изменения, типичные для Китая в целом. Некогда бедная, бездорожная, оторванная от центров страны провинция изменила свой облик. Геологи открыли месторождения разнообразных полезных ископаемых. Трудящиеся провинции выплавили в прошлом году 600 тысяч тонн чугуна и 84 тысячи тонн стали. Провинцию прорезали первоклассные шоссейные дороги, по ним идут новые отечественные автомашины. А недавно в Гуйяне, главном городе провинции, состоялось открытие первой железной дороги.

До освобождения страны жители провинции в течение десятков лет облагались налогами для ее строительства, но деньги расхищались, а дороги все не было. И вот теперь вступил в строй последний участок дороги Дуюнь — Гуйян в 145 километров. Дорога соединила далекую провинцию с промышленными и культурными центрами страны. Строительство этого отрезка дороги явилось наиболее сложным: на каждый километр приходится до 130 метров туннелей и железнодорожных мостов.

Открытие дороги стало праздником для всех жителей провинции.

Посылаю фотоснимок: первый поезд подходит к вокзалу.

Ин. ЩЕГЛОВ, геолог.

г. Гуйян.

Турнир без побежденных

Сало ФЛОР

Итак, московский показательный турнир окончился победой трех советских шахматистов — Д. Бронштейна, В. Смыслова и Б. Спасского. Как правило, любители шахмат не любят такого «эндшпиля». Но на этот раз каждый скажет: хорошо, что турнир завершился именно так. В. Смыслову по своему положению полагается быть впереди. Д. Бронштейну остро необходим был успех. Что касается Б. Спасского, то было бы странно, если бы он нарушил правило молодежи и не оказался во главе турнира.

На одно очко от тройки победителей следует другая тройка: молодой чемпион Москвы Е. Васюков должен быть доволен тем, что находится в компании с настойчивым чемпионом Венгрии Л. Портишом и шахматистом высокого класса игры (и роста) М. Филипом. Наш гость из Чехословакии сказал на закрытии турнира, что он доволен своим результатом, поскольку впереди него оказались только советские шахматисты. «Но к этому в шахматном мире давно привыкли»,— заметил М. Филип.

Редкий случай в практике: и следующие три места тоже разделили три участника — Ф. Олафссон, З. Милев и Л. Аронин. Участник турнира претендентов Ф. Олафссон, конечно, никак не может быть доволен дележом 7—9-го места. Время до турнира претендентов в сентябре — октябре еще есть, и молодому исландцу необходимо сделать творческие выводы. Симпатичный болгарский мастер З. Милев приехал на московский турнир с абсолютной уверенностью, что он займет... последнее место. Вообще-то шахматисту никогда не следует ехать на турнир в таком уж слишком «мрачном» настроении. Но так или иначе, а Милев уезжал из шахматной Москвы с довольной улыбкой. Если бы Л. Аронин от первого до последнего тура не так часто играл по отношению к своим соперникам роль «благотворителя», то он вполне мог бы выполнить норму для получения звания гроссмейстера. Между прочим, следует отметить, что норма — 7 очков из 11 — слишком высокая. Семь очков набрали только победители турнира.

Перед последним туром исчезла постоянная улыбка у популярного в Москве датского гроссмейстера Б. Ларсена. Ему грозила неприятная опасность оказаться на последнем месте. А это ведь неудобно для молодого талантливого гроссмейстера. Ларсена «выручил» А. Лутиков. Когда Лутиков сдался и Ларсен выиграл свою первую партию в турнире, он воскликнул: «Поздно, очень поздно я разыгрался!» Но, как известно, лучше поздно, чем никогда. Когда на закрытии турнира Ларсену за его победу над Лутиковым вручили еще приз за красивейшую партию турнира, датский гроссмейстер был совсем доволен. Все хорошо, что хорошо кончается!

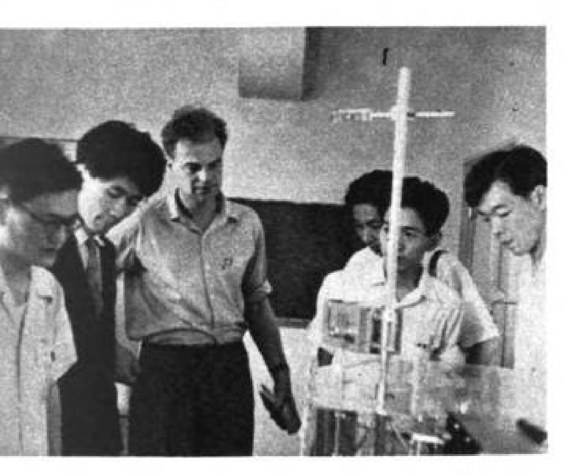
Кстати, о призах. В этом турнире все участники получили призы и памятные подарки. Это был турнир показательный, турнир без побежденных, или, как говорит гроссмейстер Бронштейн, «нормальный турнир», турнир без отбора.

Приз журнала «Огонек» — фотоаппарат «Зоркий» — вручен одному из трех победителей — Б. Спасскому. Если талантливый гроссмейстер теперь станет еще и известным фоторепортером, то лишь благодаря этому факту.

С. Флор вручает приз «Огонька» Б. Спасскому.
Фото А. Бочинина.

А. М. Прохоров на прогулке в Париже.

СОЛДАТЫ



Н. Г. Басов в гостях у японских ученых.

НАУКИ

И. РАДУНСКАЯ

Двенадцать лет назад, вскоре после изобретения синхротрона — ускорителя заряженных частиц,— молодой ученый Александр Михайлович Прохоров задумал выяснить, нельзя ли использовать этот новый замечательный прибор в качестве источника радиоволн. Конечно, синхротрон создан, чтобы разгонять электроны до скоростей, близких к скорости света, а вовсе не для того, чтобы использовать рождаемые ими радиоволны. Но как знать... Ведь и радио было изобретено как средство связи, а развилось в почти всеобъемлющую область техники.

После того, как тяжелое ранение отбросило Прохорова с фронта Отечественной войны, он и в науке остался разведчиком. Сменив тяжелые будни войсковой разведки на нелегкие дни научного поиска, Прохоров проявлял удивительную настойчивость.

Примерно через год после начала работы с синхротроном к Прохорову присоединился студент-практикант Николай Геннадиевич Басов. Война наложила свой отпечаток и на его жизнь. Со школьных лет он стремился к точным наукам, но началась война, и, окончив после десятилетки фельдшерскую школу, Басов ушел на фронт. Лечил и спасал раненых, укрывал дымовыми шашками переправы, демонтировал заводы, где гитлеровцы изготовляли отравляющие вещества. Тяжело отравленный, попал в госпиталь.

И вот он студент при кафедре теоретической физики; заканчивает инженерно-физический институт на год раньше срока, выполнив дипломную работу, половину которой составил эксперимент. Здесь впервые сказался его научный «почерк»: теоретик по образованию и по склонности, Басов — тонкий знаток и любитель эксперимента. Впоследствии друзья шутили: «Фельдшер медицины и доктор физики».

Первый этап совместной работы молодых ученых не дал науке много нового. Они пришли к выводу, что из синхротрона не сделаешь хорошей радиолампы.

Выбор правильного направления — основное и в походе, и в политике, и в науке. Наиболее обещающие пути в науке лежат на границах различных областей, на стыках новых рубежей техники. Одно из таких направлений — радиоспектроскопия, наука, развившаяся в послевоенные годы. Она позволяет изучать молекулы и атомы с точки зрения их способности поглощать радиоволны. Это была та область работы, к которой наши друзья были подготовлены лучше всего. Прохоров, радиофизик по образованию, основательно проварился в «котле» Физического института Академии наук СССР, в котором непрерывно клокотали дискуссии по вопросам теории элементарных частиц, атомного ядра и космических лучей. Басов же, теоретик по образованию, полностью овладел техникой сантиметровых волн и обращался с волноводами и резонаторами так же свободно, как радиолюбитель с детекторным приемником.

Итак, они взялись за радиоспектроскопию. Начали просвечивать различные газы радиоволнами и, изучая поглощение волн, расшифровывали строение и свойства молекул. Они рассказывают:

— Это увлекательная, но кропотливая работа. Ее можно сравнить с разгадкой хорошего кроссворда. Трудно сказать, что сложнее в этой работе: расчеты или опыт. Вначале не знаешь, как подступиться, а потом не можешь оторваться.

Итак, ученые выясняли способность атомов и молекул поглощать. Но им все чаще не давала покоя одна волнующая мысль. Если молекулы способны поглощать радиоволны, почему бы им их не излучать? Впрочем, эта мысль была не нова. Еще Эйнштейн открыл, что молекулы, попавшие в электромагнитное поле, способны не только «впитывать» энергию в виде порций — «квантов», но и «выделять» поглощенные кванты под действием внешнего поля. Но какой в этом прок? Энергия кванта так ничтожно мала, что не заслуживает внимания практика. Разве одной электрической лампочкой можно осветить город? Только тысячи одновременно сияющих ламп могут выполнить эту задачу.

Если бы заставить молекулы «вспыхнуть» разом! Это так увлекало, что не жаль было многих и многих часов, отданных размышлениям. А размышления зачастую окутывались в одежды, сотканные из формул и уравнений. Формулы спорили, часто противоречили одна другой и приводили в отчаяние ученых, которые их писали. А иногда формулы вдруг соглашались друг с другом, ободряли выдумавшие их головы и сулили надежду.

Уравнения рассказывали, что молекулы могут излучать такие постоянные по частоте радиоволны, каких не дает ни один из ранее созданных приборов. Что молекулы никогда не старятся и всегда будут вести свою радиопередачу на строго фиксированной волне, что молекула — самая совершенная и долговечная в природе радиостанция. Словом, если заставить молекулы дружно «высвечивать» радиоволны, то они будут обладать чрезвычайно ценными свойствами. За это стоило бороться.

Басов и Прохоров оказались в положении людей, которые знают, что струны скрипки способны звучать чарующим образом, и не могут одного — научиться извлекать из них нужные звуки.

Иногда размышления принимали такие реальные очертания, что казалось, сами молекулы подсказывали ученым:

«Чтобы отдать людям свою энергию, мы должны обладать ее запасом. А ведь мы разные. Есть среди нас и совсем слабенькие».

Действительно! В толпе на улице есть энергичные люди, шагающие бодрой походкой, и просто гуляющие, и старушки, с трудом преодолевающие даже ровную дорогу. Так же и молекулы в веществе все разные. То есть химически они подобны, они все молекулы одного и того же вещества, но обладают различной энергией. Чтобы все молекулы стали энергичными, в них надо вселить бодрость!

Может возникнуть вопрос: что же это за переливание из пустого в порожнее? Снабдить молекулы энергией, чтобы они потом ее же и отдали? Ну, нет! Чтобы получить гусиное сало, гуся вовсе не кормят салом. Для этого есть более дешевые продукты. Чтобы получить от молекул радиоволны, их совсем не обязательно «кормить» радиоволнами такой же ценности. Для этого можно найти «корм» попроще. Их можно и освещать, и нагревать, и снабжать энергией другими способами. Весь фокус в том, чтобы дешевыми средствами получить радиоволны, драгоценные по качеству.

Можно пойти и по другому пути. Что, если разделить молекулы, обладающие разной энергией? Так впоследствии и поступили в одном из вариантов Басов и Прохоров. Они отделили энергичные молекулы от слабеньких, и первые, подбадривая друг друга, хором «зазвучали» в специальном резонаторе, рождая необыкновенно стабильные колебания. Но и «подкормку» можно произвести разумно. Так родилась знаменитая система «трех уровней».

Это, однако, пришло позже... Сначала все было лишь в головах ученых и на бумаге. Это была теория, об основных положениях которой в 1952 году на Всесоюзной конференции по радиоспектроскопии рассказал Басов. Но даже если бы наши ученые создали одну лишь теорию, их имена все равно были бы вписаны в историю науки.

Басов же и Прохоров воплотили свои идеи в жизнь...

А жизнь вокруг бьет ключом. Физический институт Академии наук СССР живет кипучей жизнью исследовательского центра космической эпохи. Парторганизация института, которой одно время руководил Басов, сплачивает коллектив, направляет его на выполнение важнейших научных задач. Как никогда, сильна в наши дни борьба идей и мировоззрений. И Прохоров, не жалея сил и времени, работает пропагандистом марксизма-ленинизма.

...Теория, созданная молодыми учеными, уже воплотилась в осязаемые контуры приборов, о которых знает весь мир. Несколько лет назад А. М. Прохоров был приглашен в Англию на съезд Фарадеевского общества, где об аналогичных исследованиях, проведенных независимо в Колумбийском университете в Нью-Йорке, рассказал доктор Таунс. Здесь обнаружилось, что, хотя поиски обеих групп довольно близки, советские ученые глубже разработали теорию явления и создали более удачную экспериментальную установку.

Приборы Басова и Прохорова получили название молекулярных генераторов и усилителей. Генераторы испускают необычайно стабильные радиоволны, при помощи которых ученые создали часы уникальной точности: за 100 лет они не ошибутся и на одну секунду.

Сейчас Николай Геннадиевич и Александр Михайлович обдумывают серию новых опытов. Они хотят с помощью молекулярных часов попытаться проверить правильность предсказаний теории Эйнштейна о зависимости скорости течения времени от величины силы тяжести, уточнить сведения о неравномерности вращения Земли. Таким образом мы пополним наши знания о законах вселенной, о внутреннем строении нашей планеты и о составе атмосферы.

Молекулярные генераторы в будущем смогут корректировать работу всех крупных радиостанций. На их основе построят новые системы радионавигации. Молекулярные генераторы найдут широкое применение в радиогеодезии и картографии и позволят построить точные карты всей поверхности земного шара.

Молекулярные усилители обладают очень тонким «слухом». Они совершенно «бесшумны». Поэтому они способны уловить даже самое слабое излучение, идущее на Землю из глубин вселенной. Из этой радиопередачи люди смогут узнать о строении далеких туманностей и составе атмосферы планет. Улавливая излучение атомов межзвездного водорода, молекулярные усилители помогут исследовать его распространение и движение, что имеет огромное значение для космогонии.

Уже сегодня молекулярные усилители применяются в радиолокации и радиоастрономии. В будущем они сыграют большую роль в установлении связи с новыми космическими ракетами, в создании новых видов радиосвязи: тропосферной, метеорной и волноводной.

Все эти замечательные перспективы открываются благодаря трудам скромных советских ученых, докторов физико-математических наук Н. Г. Басова и А. М. Прохорова.

В СТАЧЕЧНОМ ПИКЕТЕ

Закрытая владельцами шахта в Орню.

Шахтеры и металлисты борются. Демонстрация бастующих в Шарлеруа. Идут рабочие, инженеры, учителя. «Мы хотим полной занятости, чтобы обеспечить хлеб насущный».— написано на плакате.

Изабелла БЛЮМ, Эмиль КАВЕНЕЛЬ

В те времена, когда буржуазия Бельгии еще шла к подъему, вид индустриального Боринажа не лишен был внушительности. Бесчисленные шахтные копры, заводские трубы, рабочие поселки, высокие терриконы. И повсюду особняки шахтовладельцев с роскошными подъездами. Как и феодальные замки средневековья, многие из этих особняков, выстроенных в новороманском стиле, могли бы сейчас служить музеями: в середине прошлого столетия они свидетельствовали о могуществе «баронов угля».

Но посмотрите, что осталось сейчас от этих «храмов свободного предпринимательства». После первой мировой войны начался упадок. Финансовая олигархия, новый хозяин Боринажа, постепенно и намеренно обессиливает его. Вы видите приходящие в упадок дороги и каналы, закрывающиеся заводы, заброшенные шахты; и вы слышите вместе с тем обещания, речи, туманные намеки на лучшее будущее...

Шахтеры, которым политические руководители пускали пыль в глаза год за годом, поддавались некоторое время этим иллюзиям. Но жизнь брала свое; она учила тому, что право завоевывается в борьбе. В наши дни эта истина стала достоянием всех трудящихся Боринажа.

...В феврале этого года горнякам шахты «Краше» в Фрамри стало известно, что их шахте, недавно построенной, грозит та же судьба, что и прочим шахтам Боринажа. Весь коллектив шахты — подземные и наземные рабочие, служащие, старшие мастера, штейгеры — единодушно поднялся на борьбу. Их поддержали другие рабочие района, а затем постепенно и все шахтеры угольных бассейнов Валлонии.

В Боринаже борьба имеет свои традиции. Бастующие вырывали из мостовых булыжники, опрокидывали вагоны трамваев, на перекрестках строили баррикады.

Горняцкий народ, народ горячей крови, почувствовал новый прилив энергии. Он пошел в наступление с открытым забралом, поминая иногда недобрым словом своих профсоюзных руководителей, которые чаще ставили палки в колеса, чем поднимали боеспособность стачечников.

В дни революционного подъема, полные надежд и энтузиазма, бастующие горняки наблюдали с издевкой, как в бессилии мечутся жандармы. Приносили плоды и листовки, митинги, демонстрации. И рабочие, сплоченно боровшиеся против закрытия шахт, почувствовали свою силу. После мощной сорокавосьмичасовой стачки борьба закончилась тем, что правительство капитулировало, обещав выполнить требование стачечников: обеспечить работу шахт до конца 1959 года.

Но у Европейского объединения угля и стали, стоящего за спиной шахтовладельцев, в запасе много разных уловок. Это содружество финансовых магнатов хочет ограничиться жалкими подачками рабочим, продолжая свою политику медленного умерщвления шахт во имя высоких цен и высоких прибылей на рынке угля.

Население угольных районов Боринажа стало понимать, что для решающей победы недостаточно одной лишь стачки, что начинается период длительной и упорной борьбы. Конечно, это будет по-прежнему борьба за работу и хлеб насущный. Но в дни последних стачечных боев шахтеры убедились и в другом. Они поняли, что Европейское объединение угля и стали, эта опора агрессивных планов НАТО, является постоянным источником кризиса в бельгийской угольной промышленности и причиной постепенного умирания Боринажа.

Стачка в Боринаже — это первое серьезное выступление против экономической диктатуры Европейского объединения угля и стали, против «Малой Европы», «всеобщего рынка» и других подобных детищ НАТО. В Бельгии больше не верят в «спасительную» роль этих организаций. У людей раскрываются глаза на истинное положение вещей. Они требуют прекращения политики «холодной войны», обеспечения мирного сотрудничества между народами, обуздания толстосумов, которые, прикрываясь флагом НАТО, лишают трудящихся работы и хлеба.

Бастующие разобрали мостовую, остановив движение трамваев на улице Мобеж в Ваме.

Полиция и войска мобилизованы против забастовщиков.

РАБОЧИЕ ШЕРЕНГИ ПЛАНЕТЫ

Для половины планеты день 1 Мая стал днем торжества свободного труда. Но для миллионов тружеников в странах капитала это день битв за права человека. Там трудящиеся подсчитывают в этот день свои силы, перед каждым рядовым армии труда возникают картины былых классовых битв и тех сражений, которые он ведет в наши дни.

Молодое поколение советских людей лишь из книг знает, что такое бесправие рабочего человека, безысходность безработицы, голодные дети вокруг пустого стола, что такое полицейские дубинки. Наша молодежь не всегда представляет себе, как трудна борьба тех — сражающихся на другой половине планеты. Бастовать — это значит для них поставить семью на грань голода, а самого себя — под угрозу потерять работу навсегда.

Перелистайте страницы борьбы последнего времени. События, запечатленные на них, происходили на берегах Атлантики, на земле Италии, Франции, Латинской Америки. Всюду одинаково остается непреклонной воля трудящихся к борьбе.

Эти рассказы мы услышали от руководителей зарубежных профсоюзов, гостивших в Москве. Мы передаем их в литературной записи.

ПЛОЩАДЬ ОБРЕТАЕТ ИМЯ

ИЛЬЯРО ГУАЦЦАЛОККА, генеральный секретарь палаты труда Модены (Италия)

Худенький черномазый мальчонка, висевший на ограде заводских ворот, первым закричал:

— Бронемашины! Полиция!

Его голосок всколыхнул огромную толпу, сгрудившуюся у ворот.

Заскрежетав тормозами, машины подрулили к заводу, и полицейские, выскакивая на ходу, устремились в людскую гущу. Впереди пробивался полицейский комиссар. Через минуту он потонул в половодье человеческих тел и голосов.

И вдруг разом гул стих. Навстречу комиссару вышел секретарь заводской внутренней рабочей комиссии. Он заговорил. Обращаясь к мрачноватому вооруженному человеку, секретарь говорил терпеливо, как говорят с детьми, еще не постигшими сути событий:

— Поймите, право рабочих бастовать предусмотрено конституцией. А хозяин наплевал на него. Итальянскую конституцию превратили в пустую бумажку.

Он объяснил все сначала, все, что уже каждый стоящий у ворот знал наизусть. Сюда, на завод в Мирандолу, поступило новое оборудование. Оно вынуждало рабочих к гораздо большему напряжению, чем старое. Рабочие потребовали увеличения зарплаты. Предприниматель отказал. Они забастовали. Тогда хозяин уволил 20 рабочих — для устрашения остальных. Через час машины в цехах молчали, повсюду на заводе гудели митинги. И вот теперь...

Секретарь объяснял терпеливо. Но комиссар оборвал его:

— Теперь отправляйтесь по домам, а завтра — на работу!

Никто не тронулся с места. Комиссар кивнул подтянувшимся к нему полицейским. И сразу заработали дубинки.

Это была настоящая схватка, оттого никто не заметил, сколько она длилась. Люди опомнились только тогда, когда двоих, выкручивая им руки, полицейские волокли к машине. Уже из кабины какой-то полицейский бросил:

— Завтра и другие сядут в тюрьму.

Наступило и завтра. Город Мирандола ощутил, как мала его площадь Конституции: в этот день сюда стеклись жители ближайших городов и деревень провинции Модена.

До начала этого грандиозного митинга люди на площади и прилегающих улицах перекидывались словами.

— А что у вас, тоже история с новым оборудованием? — Мирандольский рабочий кивнул незнакомцу, сидящему на повозке.

Тот усмехнулся:

— Какое там оборудование! Мы крестьяне. Вот привез продукты для бастующих. Разве ты не слышал? Крестьянская лига приняла решение идти с рабочими!

— А я даже и старое оборудование забыл: третий год без работы,— откликнулся кто-то сзади. — Но мы, безработные, не отстанем от вас.

— При чем тут оборудование? — вставил четвертый. — В моей зеленной лавке, как ты понимаешь, машинам делать нечего. Но мы все должны быть вместе.

Его слова перекрыл голос из репродуктора:

— Демократический муниципалитет поддерживает вас, товарищи! Он выделил сто тысяч лир в поддержку бастующим.

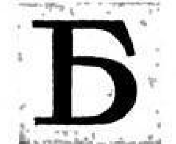
Площадь Конституции тысячеголосо ответила ему. Ее название обретало новый, действенный смысл.

МОЛОДОСТЬ СТРАНЫ

ЭНРИКЕ ПАСТОРИНО, генеральный секретарь Всеобщего союза трудящихся Уругвая

В марте по дорогам Уругвая всегда тянутся вереницы грузовиков. Кузова полны овощей и фруктов, и деревни машут этому щедрому шествию.

День безработного



езработица все растет в странах капитала. И с ней крайняя нужда и безысходность приходят в дома миллионов людей труда...

Вот что рассказал в своем мартовском номере журнал «Италия Домани» о судьбе одного безработного.

Марио Бьянки — квалифицированный итальянский строитель-каменщик. Более двадцати лет живет он в Риме, где его руками построено немало красивых домов. Но сам он ютится с семьей в одном из унылых бараков, которых так много на окраинах Рима. Правительство неоднократно обещало, особенно накануне очередных выборов, «благоустроить кварталы бедноты». На эти цели было даже отпущено 504 миллиона лир. Но, как поспешил уточнить недавно министр общественных работ Тоньи, 400 миллионов из этой суммы будет израсходовано на строительство... церквей!

Марио Бьянки 45 лет, но годы труда и лишений преждевременно состарили его. Во время одного из очередных увольнений строителей хозяин постарался отделаться и от него. Так он попал в число двухмиллионной армии итальянских безработных.

И все же Марио Бьянки считает себя счастливее многих своих товарищей. После долгих мытарств ему удалось получить маленькую розовую книжицу, дающую право на получение временного пособия по безработице. Теперь он может рассчитывать на 230 лир в день да еще на 80 лир, выдаваемых на каждого ребенка. Много ли это, судите сами: килограмм хлеба стоит 130 лир, а килограмм мяса — 1 600. «Счастливчик» Марио Бьянки состоит на учете биржи труда, а это тоже не всякому удается.

Хотя надежды найти работу почти нет, Марио Бьянки изо дня в день продолжает свои тщетные поиски. Смотрите, как проходит его день — типичный день безработного, очевидца и жертвы бесчеловечного преступления, которое капиталистическое общество совершает над людьми, лишая их права на жизнь и на труд...

Безрадостно пробуждение безработного. Новый день несет новые мучительные заботы. Притихшие, грустные дети убедительнее всяких слов напоминают о том, что надо начинать безнадежный рейс по Риму.

Поэтому когда на шоссе, ведущем к Монтевидео, появились эти грузовики с картофелем, для всех это показалось делом привычным. Но машины не мчались, как всегда, а двигались медленно, притормаживая то и дело. Люди, стоящие в кузовах, высыпали картофель в корзины, в фартуки женщин, ждущих у обочин, и, не взяв денег, уезжали дальше...

Накануне в крестьянские кооперативы, продающие обычно государству сельскую продукцию, хлынули толпы суетливых и нагловатых молодчиков. Они заходили в дома и без обиняков заявляли:

— Покупаем картофель. Торговаться бессмысленно. Правительство отказалось устанавливать цены: урожай слишком большой.

Бывало и раньше, что приобретение урожая отдавалось на откуп спекулянтам. Но на этот раз развязные молодчики с чем пришли, с тем и ушли: крестьяне наотрез отказались продавать продукты. Тогда и возникла идея бесплатной раздачи картофеля. Пусть так, но не спекулянтам по бросовым ценам. А через несколько дней колонны крестьян пришли в столицу. Это уже не были разрозненные деревни — это была родившаяся Федерация крестьянских кооперативов.

Март этого года раскрыл трудящимся Уругвая необъятный и могучий смысл слова «единство». Вместе с крестьянами улицы столицы заполнили и рабочие демонстрации: бастовал заводской люд. Кончив работу в четыре часа дня, рабочие на грузовиках прибыли на площадь Парламента.

На улицы вышло и пятнадцать тысяч пенсионеров. Старики и старухи шли, поднимая транспаранты: «Повышение пенсий! Землю — крестьянам!»

У бело-розового здания парламента над головами шестидесяти тысяч уругвайцев стрекотали камеры кинохроники, объективы киноаппаратов ловили перепуганные лица депутатов парламента, выглядывавших из-за гардин.

Кто-то, взобравшись на трибуну, крикнул:

— Граждане! Не давите, тут старики!

И тогда другой, оттеснив его, произнес в микрофон:

— Тут нет стариков. Тут молодость страны, потому что молодость борется!

Старики зааплодировали первыми. Аплодисменты, как взметнувшаяся стая птиц, взвились над толпой, ширясь и сливаясь в единый гул.

Это был голос всего Уругвая.

И ЗЕМЛЯ И ВОДЫ — ИСЛАНДСКИЕ

ЭДВАРД СИГУРДССОН, член Исполкома Объединения профсоюзов Исландии

Кефлавик — старый рыбацкий город, и о его отважных рыбаках знает вся Исландия. Правда, в последние годы имя этого города стало связываться с названием американской военной базы, которая обосновалась вблизи города. Американские военные обложили Кефлавик радарными установками. Все это делается, как уверяют американцы, для «защиты Исландии». Но вот жизнь сама опровергает эту ложь.

В сентябре 1958 года исландское правительство приняло решение о двенадцатимильной рыболовной зоне. Это решение было встречено с радостью по всей Исландии: раньше крупные иностранные рыболовецкие суда, которые вели лов в этих районах, оттесняли маленькие суденышки исландских рыбаков. В Рейкьявике, столице Исландии, профсоюзы устроили большой митинг, какого никогда раньше не было. На митинге профсоюзы заявили, что борьба за двенадцатимильную зону — это борьба за право на труд. Рабочие Кефлавика поддержали решение правительства.

Законное право Исландии на рыболовную зону не признала только одна великая держава — Англия. До сих пор английские траулеры в сопровождении военных кораблей, как пираты, вторгаются в исландские воды.

Однажды небольшое судно исландской береговой охраны заметило в пределах двенадцатимильной зоны английский траулер. Исландские моряки потребовали от капитана пиратского траулера, чтобы он следовал за ними. Англичанин отказался. Пока шли переговоры, из-за горизонта показался военный корабль под английским флагом. Он встал между исландским судном и траулером, направил свои орудия на исландских моряков и предложил им немедленно отходить. Капитан английского военного корабля потребовал также, чтобы исландские моряки, поднявшиеся на борт траулера, немедленно покинули его. Исландцы отказались: они действовали по законам своего государства. Тогда капитан английского корабля приказал арестовать исландцев и доставить их на борт. Три дня находились исландские моряки на английском военном корабле. Потом, ночью, английский корабль подошел тайком к Кефлавику, высадил исландцев в шлюпку, а сам ушел, скрывшись в темноте.

Когда моряки добрались до Кефлавика и рассказали всю историю, новая буря возмущения поднялась в Исландии. Профсоюзы устраивали митинги, принимали протесты и направляли их правительству. Наивные удивлялись: «Как мог английский военный корабль незаметно подойти к самому берегу? Ведь там повсюду стоят американские радары!».

— Хорошо же нас «защищают» американцы! — говорят исландцы. — Не нужно такой защиты. Мы хотим, чтобы и земля исландская и воды вокруг нее были исландскими!

И мы добьемся этого!

ПОЕЗДА НЕ ВЫШЛИ НА ЛИНИЮ

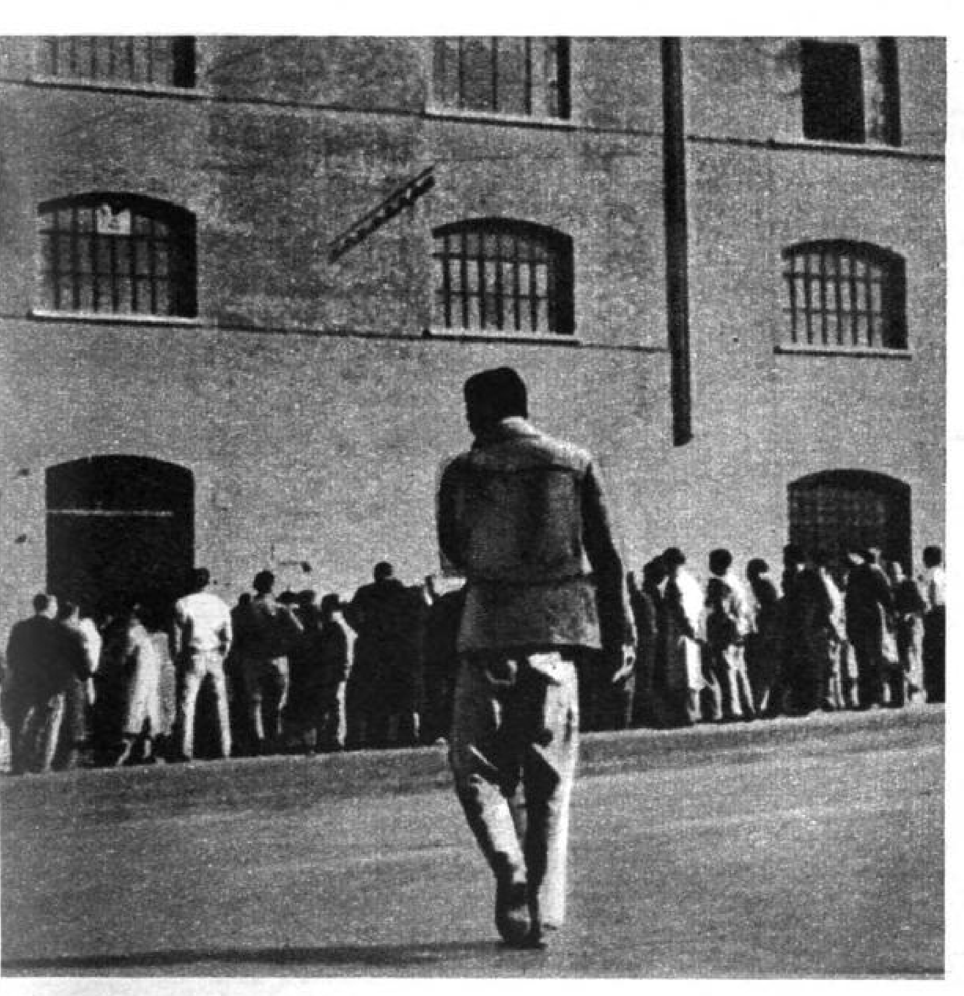
ГЕОРГИОС АРАПИС, секретарь Демократического профсоюзного движения Греции

К станции электрической железной дороги на площади Омония в Афинах подбегает короткий — всего в два вагона — состав, втягивает в себя с платформы толпу и спешит дальше, к Пирею. А через три минуты у платформы уже стоит новый состав, готовый везти других афинян — кого на работу, кого на отдых к морю.

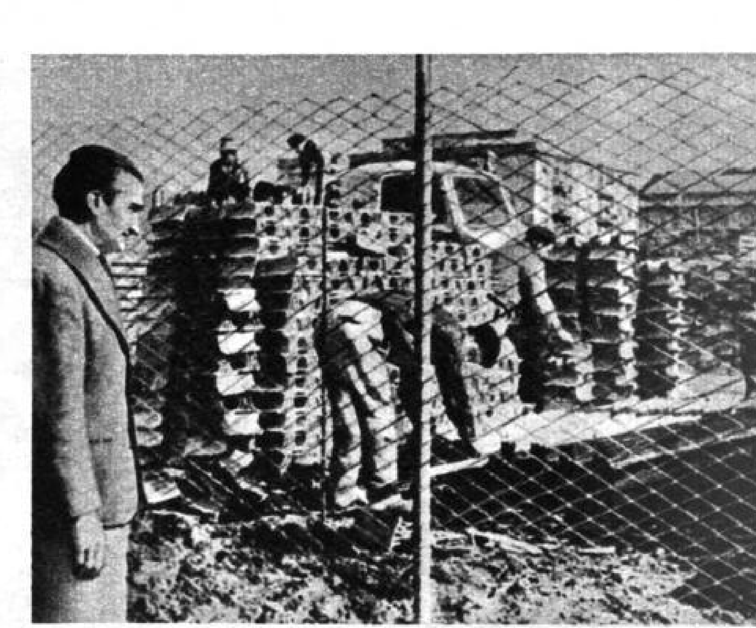
Но однажды этот четкий ритм был нарушен. Компания, владеющая дорогой — кстати, она контролируется в основном английским капиталом, — решила удлинить путь электрички. Когда это было сделано, компания подняла цены на билеты. Доходы компании возросли в полтора раза — с семи до одиннадцати миллионов драхм. Неизменной осталась только заработная плата рабочих, хотя обязанностей у них стало больше.

После работы за чашкой кофе рабочие вели разговоры.

— Увеличат! — говорили одни. — Ведь четы-



И все же сегодня он опоздал. У дверей биржи труда задолго до открытия уже выстроилась длинная очередь. Но скоро все разойдутся, услышав обычный ответ: нет работы!



Как тянутся к работе руки опытного каменщика! Но от этих людей, которые еще трудятся, его отделяет не только решетка, а целая пропасть.

Приходится ловить любую возможность. За услужливо открытую дверцу автомобиля могут отблагодарить мелкой монетой или сигаретой... Но, увы, чаще дело кончается небрежным «благодарю».

ре миллиона драхм в карман положат! Должны увеличить.

— Ищите благодетелей! — отвечали им насмешливо другие.— Не потребуем — ни гроша не получим!

Профсоюз работников электрической железной дороги постановил: добиться от хозяев повышения заработной платы на тридцать процентов. Директора компании только улыбались. Отказ.

Есть в Греции министерство труда, которое должно улаживать споры между рабочими и предпринимателями. Туда отправился Димитриос Яхнис, кондуктор и руководитель профсоюза. В министерстве его выслушали. Но ничего не изменилось. И тогда рабочие решили бастовать.

Не вышли на работу восемьсот пятьдесят человек — не только те, кто был непосредственно связан с электричкой, но и те, кто подавал ток, кто ремонтировал вагоны.

Компания стала терпеть убытки. Хозяева пытались поддержать движение с помощью штрейкбрехеров, но таких не нашлось.

Компания упорствовала. Рабочие тоже стояли твердо, хотя им становилось все труднее. Так прошла неделя, вторая, третья...

Сбережения и запасы питания у рабочих подходили к концу. Вечерами железнодорожники видели, как их жены пересчитывают последние гроши. Но утром, собравшись на митинг, они снова говорили:

— Продолжаем, друзья!

И компания вынуждена была уступить! Правда, хозяева соглашались поднять зарплату всего лишь на три процента. Но все же и это была победа!

Через несколько дней в дирекцию пришло письмо из асфалии — политической полиции. В нем сообщалось, что Димитриос Яхнис, руководитель забастовки, «взят на подозрение как политически неблагонадежный человек».

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК И МИНИСТРЫ

ЖАН ШЕФЕР, секретарь ВКТ (Франция)

Жак привык видеть отца веселым. Когда он возвращался с работы, Жак бросался ему навстречу. Отец подхватывал его крепкими руками, подбрасывал к потолку. Но сегодня отец вернулся озабоченным. Он только погладил Жака по голове и, еще не сняв пальто, протянул жене конверт.

Жак еще был маленький и никогда в жизни не видел живого министра. Он не знал, что министры западных стран подписали договор об «общем рынке». Он не знал, что последствием этого договора был и тот конверт, который отец принес домой.

Такой конверт получил не только отец Жака, но и еще пятьсот рабочих завода металлических конструкций в Фив-Лилле. Письмо извещало, что дирекция намерена их уволить. Рабочие знали причину: недавно на заводе была произведена модернизация оборудования. Чтобы поддерживать производство на прежнем уровне, теперь нужно было меньше рабочих. А увеличивать выпуск продукции фирма опасалась: западногерманская конкуренция из-за «общего рынка» стала острее, и это не сулило прибылей от увеличения выпуска продукции.

На заводе в Фив-Лилле работали члены различных профсоюзных организаций: Всеобщей конфедерации труда, «Форс увриер», христианских профсоюзов. Руководство двух последних профсоюзных организаций не всегда поддерживало боевую линию ВКТ. Но на этот раз все профорганизации завода выступили вместе. Когда компания отказалась удовлетворить требования рабочих, на заводе началась забастовка. Ее поддержали другие заводы Лилля.

Компания столкнулась с единой волей всех рабочих. На улицы Лилля вышло несколько тысяч человек. Среди них были не только руководители профсоюзов, но и политические деятели. Впервые после долгого времени шли вместе члены парламента от коммунистической и социалистической партий.

Среди демонстрантов шел и отец Жака, держа сына на руках.

— Смотри, сынок! — говорил он Жаку. — Видишь, сколько народу? И все они за тебя, малыш!

Борьба была короткой. Через две недели дирекция стала уступать. Она согласилась, например, не увольнять рабочих до тех пор, пока они не подыщут себе работу, не выселять уволенных из домов компании.

ПОЛФЛАГА

ДОМИСИАНО СОТО ВЕРГАРА, секретарь Единого профцентра трудящихся Чили

Пробиваясь сквозь шумливое сборище женщин, высыпавших на улицу, парень кричал:

— Полфлага! Полфлага надо поднять, как делают северяне!

Никто не спросил парня, что это значит. С тех пор, как здесь, в шахтерском районе Лиркен, закрыли мелкие шахты и тысяча триста сорок человек остались без работы, вести о забастовках в стране передавались из уст в уста. Шахтеры знали о том, что рабочие северных провинций Чили во время забастовок подымают скрытые наполовину крышами домов государственные флаги. Полфлага — в знак того, что правительство служит только части народа — богачам.

Женщины говорили наперебой:

— Что же, теперь совсем голодать нашим ребятам? И так уж мужчины только пять дней в неделю работают! Что они там, в Сант-Яго, думают? Не слышал, что они решили?

Парень взгромоздился на тумбу и, буйно жестикулируя, заговорил:

— Они заготовили законопроект о замораживании зарплаты и о новых налогах. Решили просить у Соединенных Штатов заем в 250 миллионов долларов. Хотят давать кредиты крупным монополиям, а мелкие шахты и предприятия закрывать. Вы знаете, как люди зовут этот проект? «Проект голода».

Женщины зашумели.

— Единый центр профсоюзов, — крикнул изо всех сил парень, — призвал всех: «Бороться!»

...Это было два месяца назад. Но до сих пор в Чили люди вспоминают Лиркен. Чилийцы знают, что это слово вместило в себя борьбу всех без исключения жителей района, их стойкость.

Шахтерские знамена, взмыв в районе Лиркен, зашумели по всей стране. Они не были приспущены наполовину. Рабочие флаги были подняты высоко вверх, развернуты во всю ширь полотнищ. Они звали трудового человека к открытой борьбе за свои права.

А. СЕРБИН, Г. ШЕРГОВА

День на исходе... За спиной Марио Бьянки остается большой сверкающий огнями город, который выжал его, как лимон, и выбросил за ненадобностью. Ноги гудят от усталости, без отдыха домой не добраться. Он ложится на голую землю... А дома вновь с немым укором его встретят глаза голодных детей...

Фото из итальянского журнала «Италия Домани».

ITALIA DOMANI

ANNO II - N. 10 ROMA 8 - III - 1959

Виа Венето — улица роскошных магазинов и ресторанов, излюбленное место иностранных туристов. Эти люди, пьющие прохладное кьянти, не задумываются над тем, как горек случайный кусок хлеба безработного.

ЖЕМЧУЖНЫЙ ОСТРОВ

Рассказ

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

В войну мой папа был третьим помощником капитана. И было мне тогда шесть лет. И вот пришло нам с мамой известие, что отцов транспорт подорвался на мине. Рассказали это маме моряки, отцовы товарищи. Пришли и говорят:

— Что ж делать... Война. У тебя сын, жить надо.

Пошли в пароходство сами от себя и пристроили маму буфетчицей на теплоход. Мама и говорит морякам, отцовым товарищам:

— А его куда? Можно бы, конечно, в школьный интернат, да годами не вышел.

Подумали они, пришли на другой день и говорят:

— Вот что, Мария. Есть на острове Жемчужном старик-пантовар. Морякам первый друг. У самого девять сыновей в моряках. Трое на флотах погибли, а внуков старик сам вырастил. А сейчас и внуки не в малые люди вышли. Старик подходящий, во Владивостоке известный и нам согласие дал, малого твоего возьмет.

На другой день упаковала мама мои пожитки, меня за руку — и на катер. Идет катер по морю к острову Жемчужному. Час идет, два. Уткнулся я в мамино плечо, как сейчас помню. А потом голову на колени ей уронил и сплю. А сам сквозь сон слышу, мама будто другой пассажирке и говорит:

— Вот, везу его на чужую сторону к чужому человеку. Дитя от себя отрываю.

А та женщина говорит:

— Что ж, голубка, не плачь, не горься. Иной раз чужой человек родней своего. Война, теперь все мы родные, кровью связаны. А ежели старый человек, он твое дитя жалеть будет.

Вот подошел катер к острову Жемчужному. Была осень, и, помню, мамка крепко меня закутала и повязала теплый платок поверх пальто, так что мне было рукой не шевельнуть. Снесла она меня на пристань на руках, а потом на землю спустила. Зашагали мы по широкой дороге, по грязи. Гляжу вниз, а рядом со мной мамины ноги в калошах. И так мне тогда показалось, что всегда они будут рядом со мной шагать. Хоть я, верно, об этом думать не думал, а только после понял, что не будут они шагать рядом. Далеко будет мама. А я остаюсь тут. Один.

И вот, помню, завиднелся издалека дом. Крыша широкая, окошки маленькие. А вокруг деревья. Постучала мама. Вошли мы. Сидит за столом дед. Глаза красные, сам, видать, выпивши. В руках самокрутка, на столе кисет. А в кадке растение, невиданное, с большущими листьями, пальмой звать. Ух и большая, аж до самого потолка! И не хватило ей места, простору, загнулась пальма и пошла расти наискосок.

Дед на нас поглядел и говорит:

— Не женское дело — моряка растить. Вернешься, поглядишь, какой он тут стал. А платок долой! Не моряцкое это дело — в платки кутаться.

А мамка и говорит:

— Вы уж за ним, Матвей Иваныч, приглядите.
— Отчего ж,— говорит,— это можно — приглядеть.
— Он у меня,— говорит,— гордый, плакать не будет, нет.
— Гордый? Тьфу на евонуюгордость! Что такое есть гордость? Звук пустой.
Мамка этак на него поглядела и больше, помнится, ничего не сказала.

Утром мама уехала. Вышел я на улицу, иду по дороге, опустил голову. Нет со мной рядом маминых ног. И будто я что понял. Дальше пошел. Но не заплакал, нет. Это по правде о себе сказать могу: реветь не ревел. Иду, иду... Вышел на большую поляну. И хоть осень стояла на дворе, а трава еще высокая. Иду один. Вокруг меня большие деревья. Шуршат листьями. Закинешь голову так, что закружится она, и глядишь вверх. Ветки высоко уходили. Шептали что-то свое. Опустил голову и вижу: далеко на краю поляны, между деревьями, стоит олень. Я хоть маленький был, а все же мне показалось: не может такого быть, это мне снится. Надо понять: человек я был городской. Вырос во Владивостоке. И чуда такого никогда не видел. Нижние ветки дерева стояли голые, будто обглоданные. Высовывались из-за ствола дерева оленьи рога, большие, ветвистые. И вдруг задрожали они, от дерева оторвались и как полетят в воздух! Ушел олень. И опять показался олень — другой. Оленье стадо: ланки и детеныши. Шкурки у них рыже-коричневые, в белых пятнышках. Как будто сквозь дерево просвечивало солнце и легло на них. Обрадовался я и побежал к ним навстречу. Но они догадались, что я человек,— и ну тикать! Убежали.
Под деревом стояла ланка, обгладывала нижние ветки, задрала морду. Шелохнулся я — она как сорвется и полетела, побежала.
Я сел на камень и вдруг вижу: в камнях лежит у моих ног ланкин детеныш. Рыженький, как трава. В пятнышках, как от солнца. Я его

на руки взял. Ротик у него крохотный, глаза большие, как у человека. Нос дрожит, а ножки такие, что и сказать нельзя. И весь он ростом с маленькую собачку. Ланка спрятала его между камней, думала, никто не найдет, а я нашел. Стал я его качать и гладить, стал целовать в нос, а он носом дрыгает, ресницами моргает, меня не боится.
Ланка увидела, что я держу ее детеныша, стала вдали и глядит, наклонила голову. И тут ко мне подошел человек. Как лесовик, только молодой, веселый. Спрашивает:
— Ты откуда взялся такой?
Я отвечаю:
— К деду приехал. Пантовару.
— А как тебя звать? — спрашивает.
— Саша.
— Тезка, значит. Я тоже, между прочим, Александр. А теперь давай,— говорит,— положи ее детеныша и пойдем со мной.
Потом я узнал, что человек этот — зверовод, специальность такая, понимаете? И недавно из Москвы приехал: техникум кончал. Взял он меня за руку и повел. И чудо: шли мы, шли, а впереди клетки, вольерами звать, а в них лисицы, а звать их чернобурки. Глядят на меня, злые, морды вострые, шустрые, и мечутся в своих вольерах.
И вдруг нам навстречу девушка, а звать ее было Светланой. Красивая. Как сейчас помню. Светлые, кучерявые были у нее волосы, в колечках. А на голове платок. Она спросила про меня:
— А это кто?
Зверовод объяснил:
— Саша. Саша-маленький в отличие от меня.
И бывает так, поверьте: сразу я эту Светлану полюбил. То ли по мамке скучал, то ли так она присела хорошо и руки так хорошо ко мне потянула. И к себе взяла. Сапоги мои ей сразу стеганку испачкали, но она ничего, а рядом со мной ее щека и рядом глаз, как глазок ланкина детеныша, только голубой. И смотрит на меня тот глаз и весь светится и сияет, будто только меня она на этом острове искала.
— Зернышко мое,— говорит,— чернявое мое, клякса моя, Саша ты мой золотой!
И пошли мы по дороге, я посередке, а они по бокам. А потом Светлана говорит:
— Вот дедушки твоего дом. Иди.
А я вижу: не дедушкин дом передо мной.
— Да нет,— говорит Светлана,— дедушкин. Поди, там дед сидит.
Домик низенький, крыша тоже низкая, а окошки до того маленькие, что и выразить не могу. И всюду кругом зелень и осенние цветы.
Светлана и говорит:
— Это дед твой насажал. Он у тебя озорной. Всего наглядишься.
Пошел я по дорожке, толкнул дверку, вхожу, а там и вправду дед. Вижу дедову спину. Пахнет в доме чем-то горьким и сладким. А дед сидит, над столом наклонился, а рядом — оленьи рога, хоть верьте, хоть нет. Оленя нет, а рога есть, тут лежат.
Пошел я вперед, а дед не слышит. Я руку протянул, рога тронул. Они похожи на вербу, такие же седые, пушистые, и на руке моей остался жирный след. Отдернул я руку, гляжу, оленьи рога повалены друг на дружку, во все стороны торчат. Гляжу дальше. Там еще стол, а на нем торчком опять оленьи рога. В доме печь, поленья трещат, от печи идет жар. И еще смотрю: песок пересыпается из пузырька в пузырек тонкой струйкой. Я хотел пузырек тронуть, тут дед меня и заметил.
— Сгинь,— говорит.— Думаешь, это тебе игрушка? Это часы, производственный инвентарь. Геть отсюдова! К бабке иди. Молоко пей.— А сам вытаскивает из печи оленьи рога, ну, как пекарь хлеб.
И вижу я: у деда руки красные. Никак кровь! А он, будто ему ничего. Меня больше не видит, а сам поет, как будто так надо, чтобы руки были в крови. И полон тот дом дымом: от горького дедкина курева, от печного жара,— и света в нем мало, окошки цветками заслонены. А дед шурует в печке и, знай, поет.
— Прочь,— говорит,— иди, не путайся под ногами! Лети пташкой, покуда цел. Сгинь,— говорит,— сделай мне такое великое одолжение.
Я и пошел. А дедушка как выглянет в дверь и крикнет мне вслед:
— В правую сторону не ходи, слышь, не ходи! Чтоб этого у меня не бывало! Как направо пойдешь, попомнишь! Убью!
«Должно, выпивши»,— подумал я. И пошел искать Светлану. Вижу: дом, и лестница при нем высокая, а у порога собака. Поднялся я, толкнул дверь — и тут Светлану нашел. Сидит Саша-большой, а около — Светлана. Голову наклонила и плачет.
Это был Саши-большого дом. На стенах полки, на полках книжки, на полу волчья шкура. Светлана сидела на волчьей шкуре и плакала. Я кинулся к ней, и, правду скажу, то ли обрадовался, что нашел ее, то ли скучно мне было без мамы, то ли не хотел, чтоб дед меня убил и в печи спек, то ли жалко мне стало Светлану, только я бросился к ней и кричу:
— Тебя кто обидел? Он у меня попомнит! Убью!
А Саша-большой говорит:
— Действительно, на острове и так сырости довольно много, поэтому у нас с Сашей к тебе коллективная просьба это дело прекратить. Идем,— говорит,— *тезка*, потому что есть такие люди, которые... Пойдем прочь...
Не тут-то было. Сашин пес впустить меня впустил, а выпускать не хочет. Оскалил зубы и долго скулил, покуда Саша не велел:
— Пусти, Зодиак!
«Что за имя такое? — думаю.— Наверно, не расслышал я. Не Зодиак зовут собаку. Забияк, наверное, ей имя».
...И длинный же был тот первый день. А в небе солнце только еще стало садиться. И пошел я шагать по острову и опять пришел на поляну, где жили олени и ланки. Я усталый, голодный был. Сел на камень под дерево, а вокруг меня как шатер из листьев.
Вспомнил я свою мамку — это теперь я знаю, что, должно быть, она меня вспоминала. Моряки говорят: мысль бежит, как депеша. Ежели кто о ком крепко думает, тот о нем вспомнит. И зачем моя мамка так обо мне в тот день вспоминала?
Взглянул я вверх, а сквозь листву смотрят на меня глаза — мамкины, большие. Гляжу: ланка. Дрожит мой лиственный шатер. Притаился я, прижался спиной к стволу дерева. А вокруг меня, как зыбь морская, листы дрожат. И глядят на меня человечьи глаза. Я шелохнулся, вздохнул. И она полетела, понеслась, копытечки ее ударили в землю — была ли она, не была, а может, мне это сон приснился такой, не знаю! И тут, слышу, кличут меня.
— Саша! Саша! — бабка кричит, дедова жена.
— Я тут,— говорю и вышел из шатра.
— Где ты шлялся, горе мое? Ноги мои немолодые, по острову летать не могу. Своих девять вырастила и внучат — видимо-невидимо. Мне и корову подоить, и в дому прибрать, и деду угождать, и печь топить, а тут еще за тобой бегай. Это каждый ума решится. Иди в дом, ешь давай!

Наутро проснулся я, а все вокруг веселое стоит: деревья, цветы. А дороги сухие. Встал я и пошел по широкой дороге.
Море есть и во Владивостоке. Только мы жили далеко от гавани. Правда, издалека море было видать. Но берег морской будто увидел я в первый раз на острове Жемчужном. Синее и там, далеко-далеко, с небом встречается. На берегу — рыбацкие катера. Увидел меня капитан, засмеялся и говорит:
— Айда с нами, пацан!
Мне тогда шесть лет было, я всему верил. И говорю ему:
— Ладно!
И пошел по сходням прямо к нему. А он руки расставил и как захохочет!
— А мамка не будет тебя искать?
А я отвечаю:
— Мамка далеко. Я один тут, на чужой стороне.
Капитан брови поднял до самого околыша.
— Чего? — говорит.— Какая такая тебе чужая сторона? Да ты чей?
— А ничей,— говорю.— Я у деда-пантовара живу.
Катер отчалил и пошел в море. Сперва шел тихо. Видно было на берегу рыбзавод. Большие бочки. Женщин было видать в платках. Потом быстрей пошел катер, и стало видать деревья: на острове они большие, а с катера маленькие. И вот уж только клин островной в море, а там и его не видать. Кругом вода. А капитан наверху, у штурвала, стоял. Он не старый был, не то что мой чужой дед. Я поднялся наверх и опять гляжу на него от сапога. А ему не до меня. Он смотрит в море. И чтото вниз кричит своим рыбакам. Перед капитаном окошки, а в окошки дождем бьет море. Внизу, на палубе, грохочет лебедка. Это рыбаки, как теперь понимаю, на дно спускали траловую сеть.
— Не вертись,— сказал капитан,— вниз, к ребятам, иди.
Я и пошел.
Матросы-рыбаки были в резиновых сапожищах, сапожища—как у Кота в сапогах. И куртки резиновые. А море било о палубу, хлестало дождем. Лебедки лязгали, кричали что-то свое матросы. А сверху, от штурвала, гудел капитан.

Никто меня сперва не примечал. Все были заняты своим делом.

Медленно, чуть покачиваясь, стала подниматься со дна моря траловая сеть. Я не знал ей тогда названия, только вижу: поднимается и летит кверху подвешенный к стальной руке, к железной кляме, глазастый мешок. Мешок бьется, дышит, а из мешка торчат ракушки, и страшная живая лапа тянется из дырки. Дрогнул мешок, побежала в море последняя вода, и стал он клониться к палубе. Сам развязался, и медленно стала сочиться рыба.

Да только ли одна рыба? Траловая сеть скользит по дну морскому. И подбирает все, что попадется ей на пути. Видали бы вы ракушки дальневосточные! Тут были ракушки большие, как глубокая тарелка, розовые, голубые. Мокрые, еще в морской воде. Ну и блестели же они! Тут были ракушки, похожие на большую ладонь. А рыбины! Одноглазые, белобрюхие, плоские, камбалой звать. Рыба сиреневая, рыба лиловая, большая и маленькая — и все это дышало, билось, гнулось, ударяло друг друга. Гора из живых чешуй, лиловых, красных, желтых, как песок прибрежный. А над всем — чудовище. Глаз у него человечий. И руками ко мне подбирается. Как заору! А лебедки к тому времени замолчали. Матросы и говорят:

— Это кто такое есть? Откуда взялся?

А я ору и ничего такого не отвечаю. Зашелся, помню. Ору и думаю: никак не иначе, это и есть та правая сторона, дед меня за нее убьет, зачем пошел. И вдруг слышу:

— Это он спрута испугался! Не бойся, не отдадим!

И пошли все в кубрик, и меня взяли. Тут тепло. А кухарка — кухаркой матрос был в фартуке — подает на стол жареную рыбу и говорит:

— Не рыдай, ешь!

Я говорю:

— Это кто рыдает? Я не рыдаю!

А есть не стал. Матрос говорит:

— Может, перцовки тебе угодно? Так у нас нет. Во время работы не пользуемся.

Капитан говорит:

— Ну, чего разорался?

А я не знаю, что отвечать. Говорю:

— Перцовки угодно!

Ну и смеху было! Они потом это дело по всему острову пустили. Так что мне дня три проходу не было. Все про меня объясняли: это, мол, тот парнишка, что перцовки жаждал. Компанейский товарищ попался. Не иначе, как отец его — моряк.

— Ешь рыбу давай,— велит капитан.— Ты такой рыбы и не едал никогда. А деду кланяйся. Капитан, скажи, с катера «Смелый» привет шлет. Он у тебя старик подходящий и всякую живую тварь любит: и зверя, и дерево, и таких вот, как ты, малолеток.

Вернулись мы на берег. Рыбу привезли. А спрута матросы кинули за борт. Не успели сходни спустить, гляжу, сидит на камне бабка и причитает. А вокруг нее рыбачки. Сошел я на берег, а она меня за руку хвать, объясняет:

— Горе мое, наказанье мое! — И волочит в дом.

В дому под пальмой сидит чужой дед: пришел обедать. Ну, думаю, скажет она ему, что был я на правой стороне. Бабка на стол мне супу поставила. Я глаза поднял, гляжу, а в окне, приложив к щекам ладони, глядит на меня с улицы Светлана, глядит и смеется.

Поел я, выхожу к Светлане; она ко мне наклоняется и шепотом говорит:

— Видишь конверт? — И в руки мне конверт сует.— Ты вот что, иди к Саше и письмо ему отдай. Отдашь?

А я:

— Чего ж, это можно. Отдам.

И пошел к Саше-большому в дом. У порога — Забияк. Я ему в нос конверт сунул и говорю:

— На, нюхай. Я письмо несу.

Тот понюхал и пустил меня в дом. Гляжу, никого нет. Походил я по комнате, все книги перетрогал, волку, который на полу, ногой в морду поддал, а Саши-большого все нет. Решил, уйду; пошел было наружу, а Забияк меня не пускает. Пустить пустил, а уйти опять не дает. Что ж, думаю, мне до ночи, что ли, тут сидеть и ждать? Встал на верхнюю ступеньку и ну кричать:

— Саша! Саша-большой! Тебе Светлана письмо написала!

Саши нет, а люди внизу глядят и смеются.

— Эй,— слышу, кричат из-за угла,— эй, товарищ зверовод, где ты? У тебя почтальон.

Долго ли кричали, не знаю, только гляжу, бежит он по дороге весь красный, а я сверху:

— Тебе письмо от Светланы! — И протягиваю ему письмо над Забияковой головой.

А он, видать, издалека бежал. А тут, как я это скажу, еще припустился. Прямо, думал я, из него дух вон. А во всех домах стоят хозяйки, глядят на нас и смеются. Как он это письмо из моих рук дернет и нет, чтобы спасибо сказать, а только пот с лица отер и говорит:

— Иди давай отсюда, иди, сматывайся!

А после меня Светлана спрашивает:

— Отдал письмо?

— Отдал,— говорю.

— А он что?

— А он как выдернет, как крикнет: «Давай сматывайся!»

И зачем я ей это сказал? Все лицо у нее задрожало, как у мамки моей, когда она со мной прощалась. И так мне ее жалко стало! До сих пор не забуду, как задрожало Светланино лицо!

* * *

Остров! А что такое остров? Он как корабль в море. Окружен со всех сторон водой. И деревья его всегда полощутся на ветру, потому что со всех сторон ветры морские. У острова — четыре стороны, и какой бы ни был ветер, хоть северный, хоть восточный, а все по острову бьет. И куда ни пойдешь по острову, всегда придешь к морю. Куда ни глянешь, повсюду море. Утром и вечером, днем и ночью — со всех четырех сторон.

Домов на острове не так чтобы очень много. И все они по острову раскиданы. А на нашей, на самой чужой стороне, где чужой дедушка, клетки с лисицами и ланка, домов совсем мало. И ребят не было. Играть не с кем, совсем товарищей нет. Только ланка да олени, да и те поодаль держатся.

Вечером загорались окошки в двух дедушкиных домах: в доме, где печка, и в другом, где пальма. А у Саши-большого окошко загоралось, когда я спал. Он поздно домой приходил. Луна над островом рано вставала. Еще небо бывало светлое, а она уже висит над деревьями. Желто-белая. Темнеет небо — и луна золотистая заливает полянку. И еще на дворе светло, а оленья поляна вся в серебре, и глядят издалека олени, бродят стаями, перебирают траву ланки тонкими ножками. Прыгнет олень — понесутся его рога между землей и небом.

А мне скучно. Товарищей нет. И вот один раз сижу на поляне и вижу: идут из лесу два человека.

— Неправда,— говорит один, и будто это Светланин голос.

— Гу-гу-гу,— отвечает ей другой.

— Уеду я отсюда, не могу я здесь! — говорит Светланин голос.

А другого голоса не слыхать. Вижу, только руки его хвать ее за плечи, и думаю: а может, это на самом деле Светлана? Куда же она уйдет? Кругом море. И так я думал: вот остров, и оба мы с ней на чужой стороне. У дедки — бабка и пальма. У рыбаков — рыба и капитан. У Саши-большого — Забияк. А у меня никого, и у нее никого. И пошел я под луной навстречу ей. Мне бы ей крикнуть: «Светлана, хочешь, я к тебе жить пойду?» Только так тихо было кругом и так мне тяжко стало, не смог я сказать ничего. А там, где Светлана и тот, другой, тихо стало, и только листья над ними полощутся, шибко шепчутся. Подошел ближе, смотрю, Саша-большой. За плечи он ее обхватил.

— Светлана! — позвал я шепотом.

Как они оба вздрогнут! Саша и говорит:

— Он меня по всему острову ославил! Мало тебе? Пришила ты его ко мне, что ли?

А она на корточки села, наклонилась ко мне близко так. Провела рукой по моей щеке, прижала к себе и говорит:

— Он меня любит. Любишь?

А я говорю:

— Люблю.

И тихо ее за шею обнял. Оба мы, думаю, тут на чужой стороне.

А дед мой, по всему видать, был колдун. Лежу я утром в кровати под пальмой. Он встанет, еще во дворе темно, еще звезды. Молока возьмет, нальет себе в стакан, хлеба отрежет большим ножом, молоко распивает и головой качает туда-сюда. Думает, я не вижу. А я все примечаю. Руки у него длинные, сам сгорбленный, молока напьется, из комнаты прочь пойдет и все головой мотает. Встану пораньше — и к тому дому, где печка. Подойду, гляжу в окошко, а он все у печи. И что-то колдует над оленьими рогами. Дом тот полон оленьих рогов, торчат они ветвисто над столом, на рогах бирки. Огонь в печи такой, что мне все дедово лицо видно, и все-то он головой качает и все что-то бормочет.

У деда был ученик, Васяткой звали. Вечером парень как парень: на гармошке играет, смеется, поет. А днем наденет фартук в крови и с дедом над печкой шурует: учится колдовать. И все они чего-то шепчутся. И вдруг засмеется дед, а во рту у него только четыре зуба, и все длинные. Ну, колдун и колдун!

Приезжали к деду из города Владивостока старики. Забирали рога. Все старые-старые, видать, такие же колдуны, как и он. Сидят. А в печи огонь. Курят. А от трубок дым сизый. И будто тонут ихние лица в сизом дыму, как в море.

Один раз в ночи подобрался я к дому и гляжу в окно. Дед сидит у низенького стола. Печь погасла. А перед ним — что б вы думали? Голова оленя! Только не живая. Мертвая. Глядят на деда пустые глаза, тянется к нему костяная мертвая морда оленья без шерсти. И только рога над оленьей головой живые, ветвистые. В руках у деда кривое шило, сшивает он снизу оленью морду, а сам головой качает туда-сюда. Колдун и колдун! Обманули мою маму, сказали: добрый человек, семерых внучат вырастил. Увидала бы она, как он в оленью голову шилом тычет! Ну, ничего, думаю, вернется мама, я ей все расскажу! Может, не долго ждать?

А он головой трясет. И днем трясет и вечером, когда домой вернется. Руки длинные ко мне тянет, по голове гладит, думает, я поддамся, а я — нет. Я хоть маленький, а понимаю. Посадит он меня к себе на колени, давай качать и приговаривает толстым голосом:

Так едут генералы,
Так едут генералы...

А потом голос потоньше сделает и шибче качает:

Так едут офицеры,
Так едут офицеры...

А потом опять голос густой, и качает все шибче да шибче:

А вот так казаки едут!
А вот так казаки едут!
По кочкам! По кочкам!
Бух в канаву!

Мне бы смеяться, а я боюсь. Зажмурюсь, ни рукой, ни ногой не шелохну.

И что это люди думают! Видели бы они, как он над своей пальмой колдует! Каждый листок вымоет. И все бормочет:

— Ты моя подружка, ты моя старушка. Мы, внучок, с ней много по свету колесили. Было мне десять лет, я ее, маленькую, черенком в кадку высадил. Мне десять лет было, а она черенок, как ты сейчас, внучок-черенок. А теперь вон какая вымахала! Мне семьдесят, а ей шестьдесят. Мне сто лет стукнет, а ей девяносто. И всю-то жизнь мы не расставались: куда я, туда и она со мной.

«А-а,— думаю,— и наискосок расти ты ее заколдовал! Она тебя боится, вон каждым листком дрожит».

И чего люди смотрят! Вечером к нему в гости ходят. «Иваныч»,— говорят. И рыбаки ходят, и рыбачки, и с завода приходят, и сам капитан раз был, и бабка дедова — все «Иваныч, Иваныч!» А если у кого на огороде не ладится, тоже к деду бегут: «Иваныч, как посоветуешь?»

Он семян отсыплет, а люди того не понимают, что зернышки тоже заколдованные. Придет помогать на чужой огород, на корточки сядет, длинные руки над землей раскинет, головой качает. Страшно мне, и я все больше из дому прочь.

Кому сказать?

Пошел раз к Светлане. Сидит она у себя в конторке и что-то пишет в толстую книгу. Сел я к ней на колени и думаю, как скажу. Пригнулся к самому уху и объясняю:

— Дедушка наш колдун.

А она мне шепотом:

— Факт, колдун! Тут на острове все колдуны, будь они неладны!

Взяла она меня за руку и повела к себе в гости. Каши дала с маслом, молоком напоила, ирисок в карман насовала. И домой повела. Шли мы с ней через оленью поляну, и вдруг я понял: она хозяйка над оленями. Они дикие, человека боятся, издалека на него глядят. А как только ступила она на поляну, они к ней.

— Они тебя любят? — спрашиваю.

— А как же? Я им каждое утро корм задаю.

Вот сейчас скажу ей, как дед тыкал шилом оленью голову. А потом поглядел на нее и жалко стало: испугается. Нет, не скажу!

С тех пор, где ни увижу Светлану, сразу к ней. Она все сидит скучная над своей толстой книгой. Или у клеток с лисами стоит, а сама будто ничего не видит. И на самом деле перестала она всех вокруг примечать. И деда нашего и Сашу-большого, только меня одного жалеет.

День прошел, два, и вовсе на острове стало Светланы не видать. Я ищу, ищу — нет ее. Мамы нет, а теперь и Светланы не стало. Пошел я рано утром на оленью поляну. Сел на камешек, а сам гляжу: может, придет к своим оленям корму задавать? Нет, не идет. А вместо нее две девушки корыто несут. В корыте корм и соль. Ушли девушки. Олени к корыту подошли тихонько так, наклонили морды, жуют. А морды у них задумчивые, жуют, будто нехотя, губы мяконькие, ноздри дрожат, а рога набок наклонились, будто прислушиваются к шагам, не идет ли Светлана. Нет, это не Светлана шла. Саша-большой. Увидел меня, засунул руки в карман и говорит:

— Ну?

А потом взял меня за руку, вздохнул и повел. К берегу повел. Он все вздыхал, а сам мою руку крепко держит. Чудно мне это было. С тех пор, как я ему Светланино письмо передал, он будто на меня сердился и никогда в мою сторону не глядел. А теперь за руку крепко держит, не отпускает.

Вот подошли мы к берегу. К тому самому, где рыбзавод, где катер из Владивостока прибывает, к тому самому, откуда я с рыбаками в море уходил. К тому самому, куда мама моя прибудет, чтоб меня с чужой стороны забрать.

Сели мы оба на камень. А день такой тусклый, небо серое, море серое. Саша-большой закурил трубку. А я стал подбирать камешки и кидать в воду. Идут мимо рыбачки, говорят:

— Ты что, зверовод, вроде бы заскучал? Не ждешь ли часом кого? Скоро катер из Владивостока.

— Сам расписание знаю.

— Ты все знаешь! Ты ученый! Однако, может, и наш брат другой раз не глупее тебя.

Саша только плечами пожал, не ответил. Ушли рыбачки. А мы все сидим. Я и говорю:

— Я озяб, дядя Саша. Я пойду.

А он: ни-ни! Куртку с себя снял и на меня надел. И зачем я ему нужен, думаю. То и глядеть в мою сторону не хотел, а теперь не отпускает. Долго мы так сидели. Рыбачий катер с моря вернулся. Выволокли сходни, и по трапу — капитан.

— Привет,— говорит,— Саша! Скучаешь, брат? Они на это мастерицы. А ты плюнь, плюнь! Тем более, приятель твой — человек пьющий, уважает перцовку, может, развеет твою тоску.— И в меня пальцем.

— Очень странно вы говорите, Иван Сергеич,— отвечает Саша-большой.— При чем тут тоска? О какой тоске речь? Гуляю с ребенком, воздухом дышу.

— Дыши, брат, дыши! — Хмыкнул и пошел прочь.

Потом идет мимо чужая тетка. Остановилась против нас и говорит:

— Ты, что, зверовод, не вздумал ли топиться? Как ни приду, ты здесь. Или море сторожишь? Или заскучал?

— Удивительное дело,— говорит Саша-большой,— шагу нельзя ступить! Видно, на острове дел мало, всем только одна забота: не скучает ли зверовод?

— Если у человека сердце, он все видит. И кто как поступает, тоже видит. На Жемчужном острове так. А в Москве? Или там по-другому? — Вынула тетка из кармана подсолнушки и пошла прочь.

И вдруг как вскочит Саша и ну метаться! Пометался-пометался, а я слышу: в море жужжит катер. Все ближе катер. И чудное дело: как стал владивостокский катер подходить к берегу, Саша с берега прочь. Я кричу:

— Дядя, а куртка, куртка?

— Отстань! — говорит.

А тут люди стали на берег спускаться. И вдруг идет по сходням мой дорогой человек. Еще не увидел я, а знаю: идет.

— Беги! — говорит Саша-большой и сам меня в спину толкает.

— Светлана! — зову.

Ступила она на берег, в руках чемоданчик.

— Светлана! — А сам ее за юбку хвать, как маму, когда маленький был, боюсь, что уйдет. Целую ее, по щекам глажу, в глаза смотрю. А Саша сердитый, синий, видать, совсем от холода покопел.

— А ты почему знал, что я приеду? — спрашивает меня Светлана.

— Он привел,— говорю.

Тут-то она его и приметила. И стала сердитая, не улыбается больше. Идет, в руке чемоданчик, а другой меня держит. Но чуть только она на большую дорогу ступила, Саша шварк — и за нами. Разжала ее рука мою, пошла она быстрее. И он за ней припустился. А про меня они забыли. И куртку забыли. Стою один на дороге и понять не могу. Сам привел. Сам в спину толкал. Сама целовала, по щеке гладила. Зернышком два раза назвала. А теперь взяли и бросили. От люди!

И вот остался я на острове один. Без Светланы. Остров большой. Деревья на нем шумят. Залит он осенним дальневосточным солнышком. Брожу я по острову. Скучно. Ребят нет. Выпилил мне дед-колдун деревянного человечка.

— Играй,— говорит.

Подарил две большие коробки, одна от табаку, другая с картинкой: корабль. Гвоздей дал. Маленький молоточек подарил. Хороший такой, совсем новенький. А мне все равно скучно. Сижу где-нибудь под деревом или возле кустов. Вспоминаю маму, наш дом владивостокский, наш двор и Андрюшку-рыжего. Хоть он меня и лупил, а вспоминаю. Там ребят было много, на нашем дворе.

«А какой,— думаю,— мой отец был? А может, он как Иван Сергеич был? Большой, черный?» Думаю, думаю, а вспомнить не могу.

Ежа поймал, домой принес. Только он играть со мной не захотел, колючки выпустил и спрятался под шкаф. Пробегали мимо издалека ланки. Летали олени. А детки ихние подросли. Бежали вслед за своими мамами. Морды набок, и жуют листки. И что ни день, то шибче надвигалась осень на остров. Стал весь остров желтый. Листья желтые, и трава желтая.

Одно скажу: скучно. Бабка? «Горе мое, наказанье мое!» — вот и весь ее разговор.

А то голову схватится мыть. И так ногтями скребет, будто хочет всю кожу содрать вместе с волосами. Я говорю:

— У меня в глазах мыло.

А она:

— Вот и ладно. Были черные глаза, а станут голубые.

И чего врет, будто я маленький!

Чуть я за порог, она тут:

— Чтоб далеко не ходил! Устала, бегавши за тобой, у меня ревматизм.

И еще чего придумала: как лягу спать, она мне чашку.

— Пей! От этого растут!

А как от него расти, если оно кислое? Я и сказал ей:

— Сама расти, не буду пить.

А она:

— Ты кому такие слова говоришь? Вот деду скажу, он тебе покажет!

Но не сказала. Сама деда боится.

Шел я как-то раз, шел. В гору. И так далеко зашел, что уж не слыхать мне ни шума моря, ни человечего голоса. Мне бы назад, а я вперед. И вижу: дальний дом передо мной. И летят из раскрытых дверей голоса. Ветер в траве шуршит. И будто страшно мне стало. И будто все это снится.

Гляжу, забор. Высоченный, из досок сбит. Толкнул калитку, вошел во двор и понял: это олений дом. Вот где они живут! Ни ланок, ни ланкиных детенышей, одни олени — рогатые, большие. Мечутся они, истоптали траву кругом. Морды вздымают, скрещивают рога. И нет во дворе деревьев, а словно весь двор из веток вербы, колышутся ветки и даже бьют об изгородь.

Пошел я к дому, тихо открыл дверь. И чудо! Гляжу и вижу: стоит в этом дальнем дому мой чужой дед, головой трясет. Не увидел меня, а, видно, почуял — шмыг в другую дверь.

А я дальше иду. Слышу топот. Олень копытами бьет. Крепко бьет. А самого оленя не видать. Много людей в этом доме было. Но все они будто заколдованные. Меня не видят. Страшно мне стало. А назад не могу. И думаю: видно, мне сон такой олений снится. Думаю, сейчас проснусь. И вдруг вижу: Светлана стоит спиной ко мне. Перед ней стол, на столе оленьи рога. Надевает она на оленьи рога дедкины колдовские бирки, блестящие такие. А в углу стоит Саша-большой. Смеется и что-то говорит, а я не слышу. Я к стенке жмусь. Увидел меня тут какой-то чужой старик, совсем чужой, и говорит:

— Ступай отсюда прочь!

А я — как бы не так! Жмусь спиной к стенке, совсем замер. И еще гляжу: посреди дома домишко, ну, будка вроде. И в будке окошко без стекла, пустое. И вдруг глянула в это окошко оленья голова, и высунулись из окошка оленьи рога, большие, ветвистые. И несется из домика человечий крик, и вдруг вижу я: сидит верхом на олене ученик дедов. Два какие-то старика связали оленью голову ремнями. Олень не шевелится, не стонет. Только глаз его стонет. Большой человечий глаз на меня глядит. Коричневый глаз. В больших ресницах. Дрожат ноздри у оленя. А старик, что голову его связал, хвать пилу и стал пилить оленю рога. Отпилил один рог, схватился пилить второй. Олень не стонет. Он гордый. Отпилил ему старик другой рог. На руках у старика кровь. И двигается пила, как будто он пилит сук. А сук сочится кровью. Кровь взвилась фонтаном над оленьей головой. Отпилил старик оленьи рога и кинул их Светлане. А она на них — колдовскую бирку. Как будто для того она оленя кормила и соль ему носила каждое утро, чтоб эдак бились его ресницы над коричневым глазом! Развязали оленя, я услышал, как шибко забились копытца о дощатый пол. Убежал олень. И тут я крикнул так громко, что если бы это сон был, проснулся бы я. Крикнул, а заплакать не смог. Побежал. Бегу из дома вон. Лечу вниз с горы. Упал. Коленку расшиб. Лежу, не шелохнусь. А под руками травинки. Зову: мама! А голоса своего не слышу. И вдруг подняли меня с земли чьи-то руки. Дед.

— Эх, ты! — говорит.— Сказывал я тебе, не ходи на правую сторону.

Так он мне говорит, а сам меня качает, ласково так. И заплакал я.

Первый раз. И через слезы увидел солнышко, будто цветное. А дед меня к себе все крепче жмет.

— Эх, ты,— говорит,— неразумное дитятко. Оно ж лекарство, звать его пантокрин. Оно людям силу вернет. А таится оно в оленьих рогах.

А я плачу.

— Глуп ты, вот ты кто! — говорит. А сам меня качает.— Мал ты, вот ты кто! — говорит.— Сквозь кровь и жизнь на земле и сила земли. Эх, ты, внучок-черенок, зернышко ты маленькое, сиротинка!

А я плачу.

— Да не плачь,— говорит,— олень не помрет. Рога, панты, по-нашему, отрастут, крепче будут. А я те панты, что отпилили, в печи просушу. Их в далекие города отправят, ученые люди рога истолкут, и порошок этот дадут больному. От него человеку сила приходит, здоровье ему прибудет.

А я плачу.

— На земле война,— говорит,— и людям силы нужны, мы им тоже силу шлем с нашего острова. И кончится война, а мы все слать будем, потому что наш промысел древний и конца ему никогда не будет. Как нету конца песне, как нету конца мысли. И силе конца нету. Вырастешь — сам поймешь и крови бояться не станешь.

Говорит он это, а сам качает меня и вниз с горки несет, мимо болота, мимо деревьев, а они уж зажелтелись навстречу нам. И не убил, как обещался, если пойду на правую сторону. Он, видно, шибко меня полюбил. Внес в свой дом и говорит:

— Хочешь, пальму тебе откажу? Помирать стану, велю: отдайте, мол, внучку-черенку мою пальму. Станешь ты по морям, как батька твой, плавать капитаном, а пальма с тобой. Вырастешь большой, будет тебе, к примеру, сорок шесть лет, а пальме сто. Может, к тем годам твоим буду я в земле лежать на этом самом острове, где родился, где отец мой для моряков маяк зажигал, и станут мигать тебе в темном море ночном наши огни, красные, желтые, синие. Дороги тебе большие откроются, и вспомнишь ты меня, старого...

Много лет с тех пор прошло. Мне уже семнадцать. А пальме моей семьдесят. Она у деда, он жив и долго еще жить будет. А я на корабле матросом плаваю. Деду письма пишу. Вот сейчас стою в Сингапуре и отсюда пошлю письмо. «Береги,— напишу,— мою пальму. Тут пальм много, а моя всех лучше. Привет тебе, дед, из Сингапура! С уважением — твой внук».

МЕРА ДУШЕВНОЙ ЩЕДРОСТИ

Вадим Кожевников.

Где-то на фронтовых перепутьях, во время марша, на привале нам показали кинокартину. Называлась она несколько неожиданно: «Март — апрель». Из титров можно было узнать, что фильм поставлен по одноименному рассказу Вадима Кожевникова.

Фильм понравился. Захотелось непременно прочесть и рассказ. Однако не скоро удалось раздобыть его. Но вот рассказ наконец найден и прочитан. Теперь явилось желание во что бы то ни стало прочесть все, что вышло из-под пера этого писателя, а вместе с тем явилась и горькая обида на самого себя: как же я мог не знать его раньше!..

Что же привлекает в произведениях В. Кожевникова? Чем пленяют они читателя?

Думается, прежде всего своей суровой сдержанностью, умением их автора управлять эмоциями героев. И жесты и слова их скупы, совершенно лишены внешней эффектности. А между тем читатель чувствует в них и кипение страстей и напряженную работу мысли.

Такая манера повествования как нельзя лучше соответствует тому общему, что может с наибольшей точностью характеризовать все творчество В. Кожевникова: изображение людей, обладающих высокой мерой твердости и в то же время людей простых, скромных, более всего на свете боящихся выставить себя напоказ. Один из сборников, куда вошли чуть ли не все произведения, созданные В. Кожевниковым на войне и в первые годы после войны, так и назван: «Мера твердости».

Это та самая мера, коей измеряется великий подвиг советского народа в минувшей войне.

Вадим Кожевников уже давно и хорошо работает в нашей литературе. В последние годы читатели узнали и полюбили его роман «Заре навстречу» — о славной ленинской когорте революционеров-подпольщиков.

В заключение хотелось бы подчеркнуть одно весьма важное обстоятельство: у В. Кожевникова есть прекрасное свойство: неистребимая любовь к людям, преображающим мир, постоянное удивление перед их воистину великими делами, что и наполняет его книги здоровым оптимизмом.

Сейчас Вадиму Кожевникову 50 лет. Он полон сил и обладает вполне достаточной мерой твердости и душевной щедрости, а также немалым запасом творческого опыта. Все это дает нам право ждать от очень талантливого писателя еще много-много хороших книг.

Мих. АЛЕКСЕЕВ

Интервью «Огонька»

МОСКВА, 1965 ГОД...

Макет одного из кварталов нового района Москвы — Новых Кузьминок.

В. ПРОМЫСЛОВ,
первый заместитель председателя Исполкома Моссовета

Недавно «сверстанная» семилетка Москвы — это гигантский план гармонического развития всех отраслей городского хозяйства столицы.

Как известно, на работы, включенные в семилетку столицы, ассигновано 50 миллиардов рублей — одиннадцатизначное число, заставляющее гостей из западноевропейских муниципалитетов с почтительным удивлением разводить руками.

Нас часто просят «пересчитать» рубли в жилую площадь. Пересчет довольно наглядный: в течение 1959—1965 годов Москва получит почти 20 миллионов квадратных метров жилья, или около 700 тысяч квартир. В среднем — около трехсот квартир ежедневно.

При этом следует учесть, что население Москвы в ближайшие семь лет будет увеличиваться только за счет естественного прироста. Ожидается даже некоторый отлив в города-спутники. Число жителей столицы будет ограничено пятью миллионами человек, как было в свое время предусмотрено генеральным планом реконструкции Москвы. Это позволит использовать всю новую жилую площадь для скорейшей ликвидации недостатка в квартирах. Успешное выполнение намеченной программы обеспечит резкое повышение средней жилой нормы на человека.

Семьсот тысяч квартир, запланированных семилеткой,— это в среднем семь тысяч типовых домов. Справиться с таким колоссальным заданием можно при одном условии: применять самые совершенные, индустриальные методы строительства. В нынешнем году общая площадь домов, собираемых из готовых узлов и деталей, составит миллион квадратных метров, а в следующем году она достигнет двух миллионов.

Такие крытые колхозные рынки будут построены в разных районах Москвы.

Скоро Моссовет предпримет строительство экспериментального жилого квартала из 20 зданий. Тут, в близком соседстве друг с другом, встанут дома, смонтированные из прокатных железобетонных панелей (кстати, первенец «прокатного» домостроения недавно вступил в строй), и дома из деталей, отформованных в специальных кассетных установках, и дома из крупных блоков и керамзитобетонных панелей. И, наконец, последняя новинка — дом из объемных элементов, каждый из которых представляет собой целую квартиру или даже целую секцию, сделанную на заводе. Недавно москвичи были свидетелями того, как мощный автотягач, получивший в кругу строителей название «домовоз», вез по улице Горького... двухкомнатную квартиру.

В экспериментальном квартале будет, между прочим, сооружен и дом с так называемой свободной планировкой. В нем четко ограничены межквартирные стены, а внутриквартирные перегородки могут быть размещены применительно к запросам семьи.

Москвичи упорно ищут наиболее экономичные, добротные и вместе с тем выразительные типы домов, с квартирами, предназначенными для одной семьи. Мы добиваемся максимального снижения цены квадратного метра жилья, полного устранения излишеств в проектировании и строительстве. Оговариваюсь: излишества заключаются не только в устройстве всяких колонн, портиков, вычурных карнизов. Их давно уже не найдешь. Но на стоимость дома влияет, например, его высота. Пять этажей — вот оптимальная этажность для Москвы. Ее мы и будем строго придерживаться.

Не секрет, что крыши старых систем — дорогие, требующие стали, — ежегодно съедают много десятков, если не сотен миллионов рублей. Пора кончать с такой безрассудной тратой денег. Надо делать железобетонные крыши, которые одновременно служили бы потолком верхнего этажа. Отсюда и название — бесчердачные совмещенные крыши.

В Москве около двух тысяч строительных площадок. Бесконечными потоками текут сюда с заводов всевозможные материалы и детали. Но их должно быть больше, гораздо больше! Для того, чтобы целиком удовлетворить запросы строителей, нужно расширить действующие предприятия, создать новые. На это ассигнуется миллиард шестьсот миллионов рублей. Намечено, в частности, пустить в ход 35 прокатных станов. После освоения они в состоянии будут дать в год столько железобетонных изделий, сколько необходимо для возведения сборных жилых домов площадью в 2 миллиона квадратных метров.

Отличительная особенность московской семилетки — ее комплексность. Наряду с жилыми домами запроектированы 256 школьных зданий, в том числе 56 школ-интернатов, больницы на 19 тысяч мест, детские сады и ясли на 100—115 тысяч ребят.

В городе появится 30 новых крупных кинотеатров, и среди них несколько особо вместительных — на 3 и 4 тысячи мест. Ведется проектирование зала на 5 тысяч мест.

Уже нынешним летом у южного входа на Выставку достижений народного хозяйства поднимется здание кинотеатра необычного типа — круговая кинопанорама. Экран длиной в 54 метра опояшет весь зал, рассчитанный на 300 человек. Зрители окажутся как бы в центре событий, разыгрывающихся в фильме. Все оборудование и аппаратура круговой кинопанорамы, спроектированные советскими конструкторами, выполняются на отечественных заводах. Фильм будет демонстрироваться при помощи десятков одновременно и синхронно работающих кинопроекторов.

В результате прокладки второй нитки газопровода Ставрополь — Москва и строительства газопровода Шебелинка — Брянск — Москва подача газа к 1965 году увеличится по сравнению с минувшим годом в 3,5 раза. Сплошная газификация жилых домов, заводов и фабрик, коммунальных предприятий, теплофикация тысяч и тысяч зданий внесут коренные изменения в топливно-энергетическое хозяйство столицы. Почти полностью прекратится завоз угля и дров.

Сотни новых площадей, улиц, проездов, бульваров, парков появятся на карте столицы. В 1965 году уже никто не назовет Юго-Западный район молодым. Все 30 его кварталов к тому времени окончательно сформируются. А ныне зарождающиеся, мало кому известные районы, такие, как Фили — Мазилово, Волхонка — ЗИЛ, станут «зрелыми». Туда протянутся линии метро.

Семилетка принесет Москве 40 километров линий метро, кольцевую автостраду протяженностью 100 с лишним километров, еще два моста через Москву-реку, десятки путепроводов. К привычным стоянкам такси прибавятся стоянки, обозначенные буквой «В»: отсюда пассажиры отправятся в путь по воздуху, на вертолетах.

...Возьмем в руки воображаемый путеводитель по Москве 1965 года. Среди достопримечательностей столицы вы увидите много такого, что сегодня существует лишь на ватманах проектировщиков. В 1965 году вы сможете обозреть монументальное здание Дворца Советов, воздвигнутое среди великолепного четырехсотгектарного парка на Юго-Западе; величественную статую Ленина на бровке Ленинских гор; сверкающий металлом обелиск в честь запуска первого искусственного спутника Земли перед зданием МГУ; памятник Карлу Марксу напротив Большого театра; конную фигуру Суворова на площади Коммуны; великолепные здания для Третьяковской галереи и Музея Советской Армии...

Вы проедете под колоннадой обновленных Триумфальных ворот, тех самых, что когда-то стояли у Белорусского вокзала (они хранятся теперь в Донском монастыре) и которые предполагается поставить при въезде в Москву, на Кутузовском проспекте.

Тысячи москвичей смогут отдыхать на песчаных пляжах открытого плавательного бассейна в районе Кропоткинской набережной. Еще более разрастется комбинат спорта в Лужниках: к его сооружениям прибавятся закрытый теннисный корт и тренировочный каток с искусственным льдом.

Уже сегодня претворяются в жизнь цифры семилетнего плана. Москвичи сделают свой город самым красивым в мире.

«Огонек».

А. М. Грицай (СССР). ИВА ЗАЦВЕЛА.

Палитра весны

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН.

Войтех Седлачек (Чехословакия). АПРЕЛЬ.

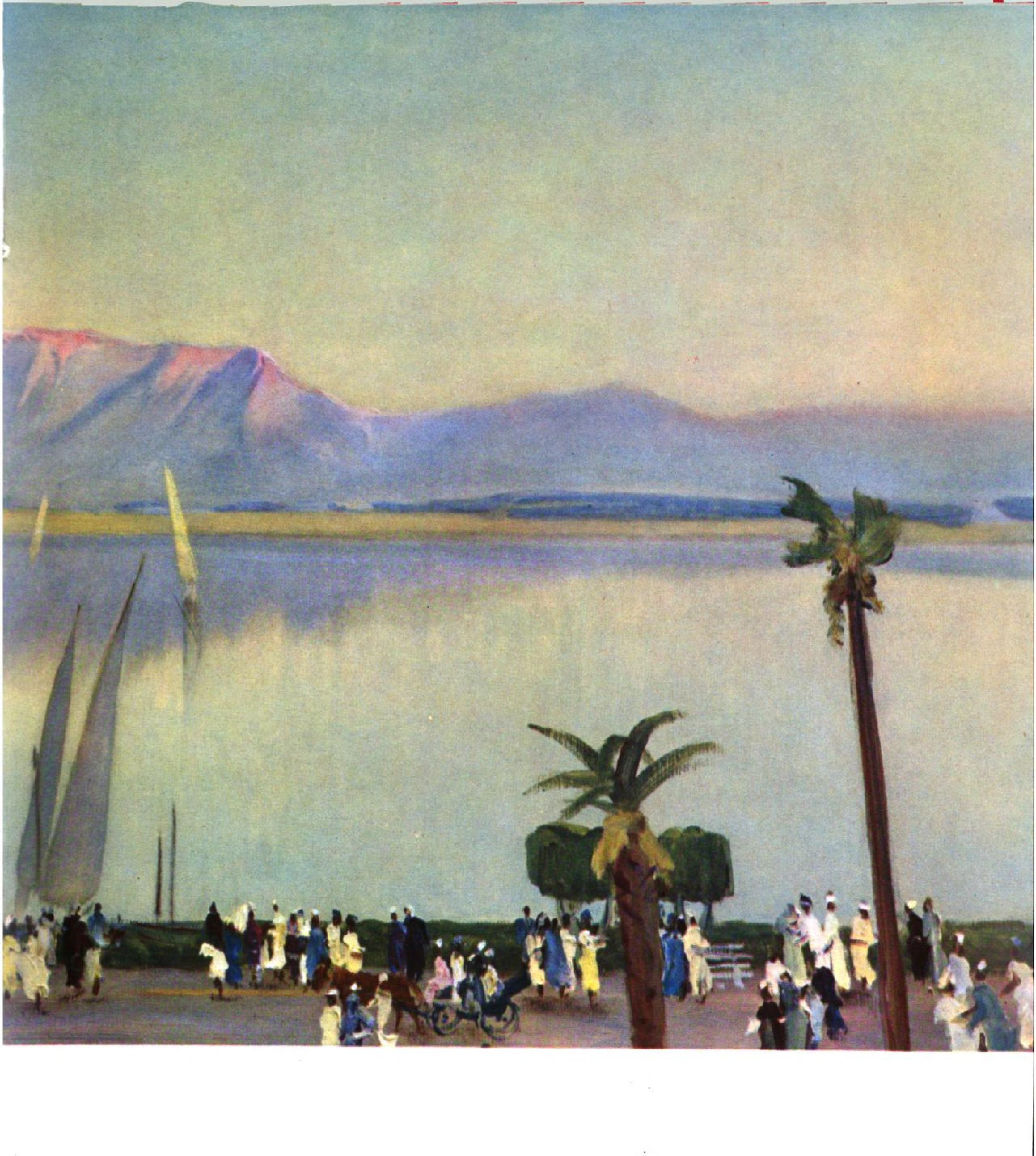
Петко Абаджиев (Болгария). МАРИЦА ПОД ПЛОВДИВОМ.

Чен Чжон Е
(Корея).

ДЕРЕВНЯ
В МАЕ.

Ким Ри Ен (Корея). ВЕСНА.

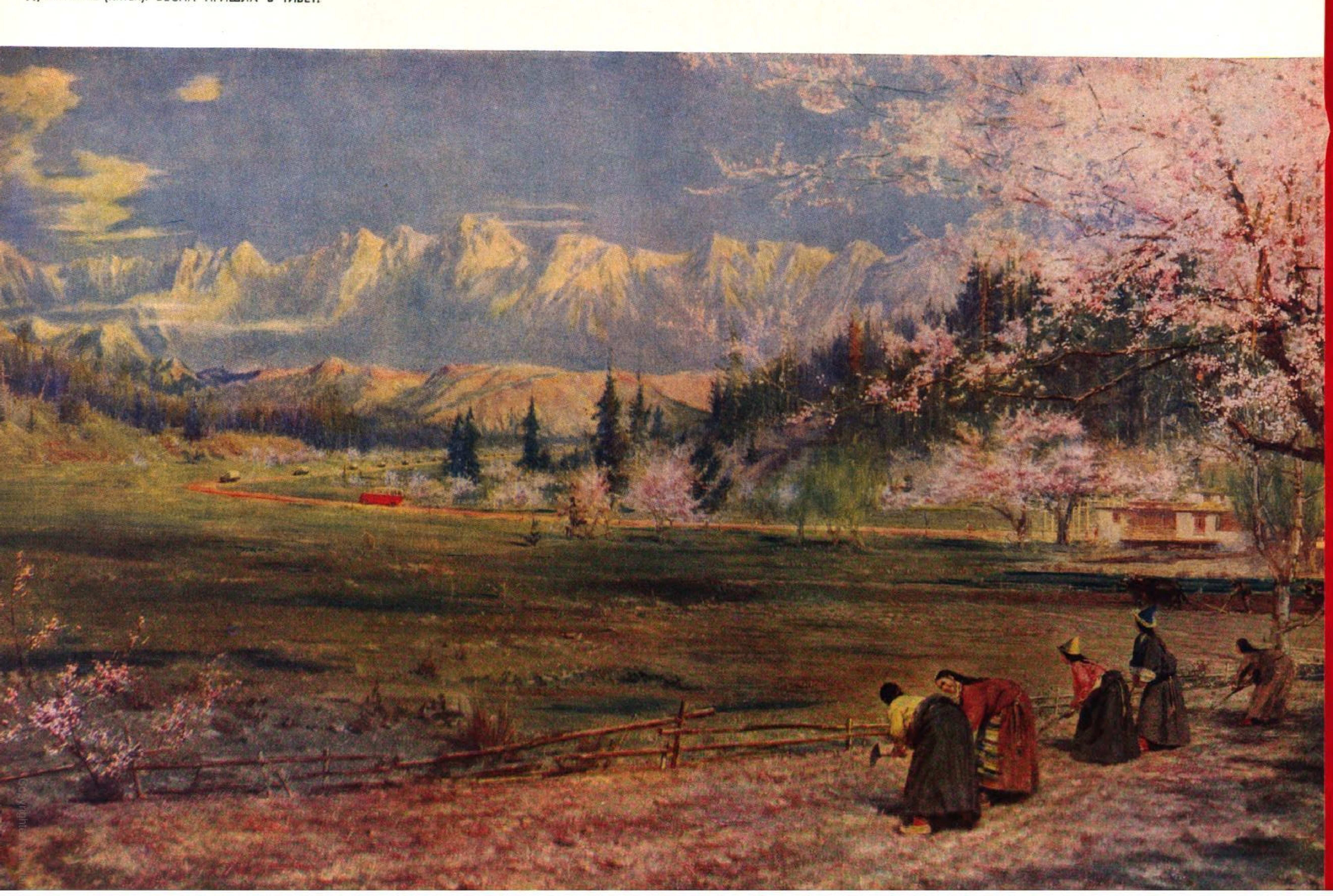
Я. Д. Ромас (СССР). ПРАЗДНИК ВЕСНЫ В ЛУКСОРЕ.



Сюй Тянь-минь (Китай). ПОСАДКА РИСА.

В. Ф. Стожаров (СССР). В ПОРТУ ИГАРКА.

Дун Си-вэнь (Китай). ВЕСНА ПРИШЛА В ТИБЕТ.



Властимил Рада (Чехословакия). ИДЕТ ВЕСНА.

Балбарын Гомбосурэн (Монголия). УЛИЦА УЛАН-БАТОРА.

ЛИРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Любомир **ДМИТЕРКО**

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

* * *

Рокфеллер-центр на взгляд сравню
С бельмом иль опухолью рака.
Идем по Пятой авеню.
Чем дышат люди тут, однако?

Нет, тут не люд живой сидит,
А роботы иль марсиане.
Сюда и птица не летит.
А что тут птица делать станет?

* * *

Я видел Чехова портрет
В американской школе.
А дальше, словно пестрый бред,
Реклама — моды, что ли.

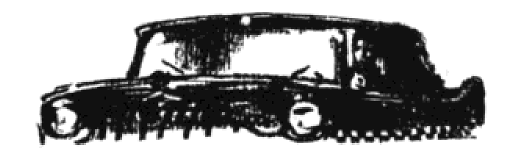
Найдешь и здесь учителей,
Что в детях разум будят.
А если так, то на земле,
Наверно, правда будет.

Пускай живет реклама мод.
Коль жизнью разум правит.
Я думаю:
и здесь народ
Свой к правде путь направит.

* * *

Итальянец песню распевает
За рулем такси.
А люди тут
И внимания не обращают:
Итальянцы, все они поют...
В этой бездне городской огнистой
Тонет все, теряя цвет и лик:
Горе,
звуки песни голосистой,
Тихий шепот,
громкий смех и крик.

Тут никто тебя не замечает.
Силы нет?
Так падай же во тьму.
Итальянец землю вспоминает,
Ту, чей голос сердце разрывает,
Что приснилась, может быть, ему!



* * *

Роскошь здесь, куда ни посмотрите,
А витрины аж глаза слепят!
Что же «сестры» тут на каждом «стрите»
С жестяными кружками стоят?

На больницу жертвуйте, мол, центы!
Поминают божью благодать...
Вот бы взять с Рокфеллера проценты
Да на те больницы и отдать!

Здесь, где все продажно и подкупно,
Богачам не жизнь, а сущий рай.
Но леченье бедным недоступно —
Захворал, так лучше помирай.

На асфальте,
что сияньем залит,
Крик души —
протянута рука.
А машины мчатся,
толпы валят,
Но никто не бросит медяка!

* * *

Схож Уолл-стрит по виду с западнею,
Как ущелье темное, стеснен.
Прямо в горло города живое,
Как во флягу пробка, ввинчен он.

Стар он. Злобно лязгает зубами
Банковских решеток и замков.
Мы стоим, как карлики...
Над нами
Стены рвутся ввысь до облаков.

Видно, здесь настроили громадин,
Чтобы спрятать солнце от людей.
Холоден, бездушен, беспощаден
Блеск витрин железных и дверей.

Горе тем, кто вырваться не может,
Тем, кто гибнет в этой западне.
Я счастливец. Мне всего дороже
Путь обратный, путь к родной стране!

* * *

В Вашингтоне осаждают гиды —
Безработные или студенты.
Только кликни —
все покажут виды:
И конгресс и залы президента.

Снимут вас, хоть их никто не просит,
За мгновенье изготовят фото
И с визитной карточкой подносят:
Видно, жить не сладко без работы.

А кругом — рекламы мельтешенье.
Бары — чище всякого содома.
Бродят безработные, как тени,
Близ большого каменного дома.

* * *

Перед нами «Правда». Свежий номер.
Будто утра луч нам заблестел;
Распахнули в Родину окно мы —
В край великих дум и славных дел.

Будто мы не тут, за океаном,
Будто вновь мы в воздухе родном,
Исполинским семилетним планом
С вами, братья, дышим и живем,

Покоряем горы, домны строим,—
Вот она, счастливая судьба!
Так встают солдаты дружным строем
В час, когда в поход зовет труба!

* * *

Явились три студентки как-то раз
Под вечер на беседу к нам. Две белых
И черная. О чем-то просят нас.
О чем? Понять я сразу не сумел их.

Смеются. Говорят наперебой,
Что Горького, Толстого изучают.
Им книг бы...
Знанья жаждою живой
Глаза у них доверчиво сияют.

Мы рады тем, чьи помыслы чисты.
Завертываем книги им в пакеты.
Пусть мира, дружбы светлые мосты
Растут между народами планеты!

Перевел с украинского
Владимир **ДЕРЖАВИН**.

ГРОМ В АПРЕЛЕ

Из нового романа

В. КОЧЕТОВ

Рисунки В. БОГАТКИНА.

Командир батареи полковых пушек, еще не снявший зимнего ватника пожилой лейтенант, объяснил Гудкову, как настроить по глазам окуляры, отступил за его спину и, потеснив там ефрейтора-телефониста, сел на сырое кирпичное крошево.

С полуразбитой колокольни Пулковской церкви, на которой был оборудован НП артиллеристов, и без того в ярком апрельском дне виделось чуть ли не до Гатчины и Красного Села, а сильные стекла стереоскопической трубы придвигали дымную солнечную даль настолько, что, думалось, шагни — и ты там, на холмистых полях, за линией врезанных в грязный снег и в морозный торф наших и немецких траншей, блиндажей, зигзагообразных ходов и землянок.

Гудков узнавал повороты и перекрестья знакомых дорог. Проеденные до асфальта проталинами, над которыми теплой зыбью ходил полуденный воздух, дороги казались прочерченными пунктиром. Снег сошел с косогоров, и по ним с одного на другой черными тучами не спеша перемещались грачи и вороны; с южным ветром оттуда летели тяжелые, душные запахи, от которых поташнивало. Мертвые деревни над дорогами, выставив ребра стропил, смотрели вокруг пустыми глазницами выбитых окон. В немецких траншеях точно и позабыли об осторожности, о маскировке, там шла встревоженная суета. Солдаты бегали с досками, тащили на плечах бревна — остатки деревень и селений,— серыми цепочками выстраивались у входов и передавали один другому ведра. Их укрытия, не очень-то рассчитанные с осени на столь долгую жизнь, захлестывала весенняя вода, весело льющаяся с холмов и косогоров. С нашей стороны, распугивая измокших гансов, время от времени щелкали выстрелы снайперов; со стороны немцев по снайперским позициям ответно били минометы.

Гудков повел трубой влево.. Изрубленный снарядами вокзал станции Александровская. Дорога в Пушкин под кронами старых лип. Колючая проволока от ствола к стволу, и на ней рыжие лохмотья мятого железа — маскировка, за которой неслышно скользили конные подводы... Над темными кущами парков — башня Охотничьего замка, за нею — купол дворцовой церкви, точнее, скелет купола: позолоченные листы сорваны.

Как бы хотелось проникнуть взглядом сквозь это сплетение голых деревьев, ветвей, сучьев туда, на бульвар Киквидзе, где возле длинных кирпичных казарм стоял когда-то одноэтажный деревянный домик, в котором сорок лет назад родился Сергей Иванович Гудков, секретарь райкома партии одного из самых индустриальных районов Ленинграда! Цел ли домик, жив ли, существует? Или вот так же...— Гудков проследил взглядом за облаком пожара, медленно всплывавшим над районом Александровского дворца...— вот так же давным-давно ушел в дым?..

— Спасибо, товарищ лейтенант! — сказал, пожимая руку артиллеристу. — С помощью вашей техники побывал в родных местах.

— А мои родные места — Новгородчина, — заговорил лейтенант, спускаясь вслед за ним по кое-как сколоченной лестнице с колокольни.— Уж когда придется там побывать... И придется ли?

— Ну что вы какой пессимист! Если не верить в победу, зачем тогда и жить?

— В победе никто и не сомневается... — Лейтенант спрыгнул на землю возле Гудкова. Прислушался к визгу мины. Но было поздно искать укрытия. Жарко рванул близкий разрыв, швырнувший и секретаря райкома и командира батареи в битые грязные кирпичи, к фундаменту церкви. За первым разрывом ударил второй, подальше.

— Пожалуй, что и все, — сказал лейтенант, подымаясь с земли и отряхиваясь. — Вас не задело? Дайте спину почищу. — Он поскреб щепочкой пальто Гудкова. — В ушах звенит. Это они на всякий случай. Беспокоящий огонь. Так я что говорю? Сомнений в победе ни у кого и нет. А доживешь ли до нее, вот вопрос.

Лейтенант поднял из-под ног скрученный, в цепких шипах и в трещинах, искрящийся осколок, перебросил с ладони на ладонь, подал Гудкову. Осколок еще жегся, и Гудков тоже покидал его на ладонях.

Потом они сидели в землянке командира дивизиона, слушали патефон — по случаю воскресенья, как сказал хозяин землянки, — и ели колбасу с хреном.

— Я очень хорошо помню,— утверждал веселый капитан,— на баночках печатали до войны: двадцать граммов хрена равны для человека суточной норме витамина «С».

— Тогда я, кажется, уже того... перебрал.— Гудков отложил вилку. — Но невозможно оторваться. Чудесный продукт! Почему мы, когда можно было, не ели его ложками? Где вы это раздобыли?

— А здесь, на огородах. От села-то от знаменитого, от Пулкова, почти ничего не осталось. Своими глазами можете видеть: голое место. А хрен растет. Уже кое-где листочки на припеке пробиваются. Наш повар копает и скоблит ножом за отсутствием терки. Вот... — Капитан нагнулся, достал из-под нар два толстых ветвистых корня.— Если не обидитесь таким подарком, рад буду презентовать. Савельев, — сказал он кому-то, — запакуй, друг, десяток корешков да снеси в машину товарищу секретарю райкома.

Вместе с капитаном долго стояли возле землянки среди огородных гряд, на которых и в самом деле в теплых проталинах меж пластами грязного рыхлого снега, высверливаясь из земли, лезли зелено-красные буравчики первых побегов хрена.

Землянка была врезана в склон холма недалеко от дороги. Дорога вела в Ленинград, широкая и ровная. Гудков указывал по ее направлению, водя рукой:

— Вот он, наш район. За железнодорожной линией уже и граница с пригородным. Там завод электромашин... А вот обувная фабрика... Левее — вагоностроительный...

— Трубы-то, трубы!.. Не дымят. Воздух над городом, что в деревне. — Капитан сказал это не без горечи. — Небо голубенькое... Чистый ситчик!

— Задымят, скоро все задымят, — ответил

Гудков, всматриваясь в это небо, под которым четким силуэтом обозначался огромный притихший город. — Уже вон дымят. — На Выборгской стороне, за Нарвской и Невской заставами по-мирному выбрасывали в воздух копоть своих кочегарок еще в феврале и в марте стряхнувшие ледяной сон заводы и фабрики.

На обратном пути, трясясь в «эмке» по выщербленному асфальту, Гудков все время видел перед собой это дыхание Ленинграда и мысленно подсчитывал ожившие трубы: одна, две... восемь... тринадцать... Маловато еще, маловато! Вновь переживал позавчерашний разговор в Смольном, в городском комитете партии, о том, что надо энергичнее налаживать жизнь района, пускать все какие только можно предприятия, исправлять поврежденный водопровод, давать электрический ток в дома... Жить надо, жить. Кончилась страшная, голодная и холодная зима, с мертвецами в цехах, с мертвецами в квартирах, с мертвецами на саночках и просто на тротуарах, на метр покрытых снегом и льдом. Мертвых на улицах уже давно нет, зато живых сколько!..

Сыпались осколки льда из-под ломов и кирок, летели брызгами, рождая радуги на мостовых; истощенные люди двигались медленно, экономя силы, движения их были скупы, но из глаз уже уходили и голодное озлобление и тупое зимнее равнодушие — глаза вновь смотрели не назад, а в будущее. Прокопченные дымом печурок ватники, перепоясанные веревками вытершиеся пальто, меховые жилеты, клетчатые пледы, повязанные со спины на грудь; валенки, кирзовые сапоги, боты, фетровые и резиновые; шапки с ушами, шапочки шерстяные, пестрые платки, шляпы с лентами и шляпы с цветочками — все было почищено, заштопано, заплатано для первого выхода населения на весенние улицы для расчистки трамвайных путей. Гудков отослал вперед машину, ходил среди работавших, скользя на ворохах сколотого льда, расспрашивал бригадиров, как чувствуют себя люди, достаточно ли в бригадах лопат, ломов, носилок.

Увидел директора одного номерного завода Федосенко. Обрадовался. Много лет дружили они с Федосенко, еще с комсомольских времен. Случилась в ту пору история, особенно сроднившая Сергея Гудкова и Степана Федосенко. Лет двадцать назад, если не больше, комсомольская ячейка механического цеха, не очень разобравшись в причинах поломки станка, на котором работал молодой строгальщик Гудков, чуть было в спешке не исключила его из комсомола. Все были за исключение, дружно подняли руки. «Единогласно, значит», — подвел итог секретарь ячейки. «Нет, не единогласно. Я против!» — послышался голос. Оглянулись: Степан Федосенко. Тут же хотели исключить и его: «за противопоставление себя коллективу». Но кто-то из членов партии, присутствующих на собрании, вовремя остановил разгорячившихся ребят. Потом, когда разобрались в деле как следует, выяснилось, что никакой вины за Гудковым не было. Федосенко хвалили: молодец, принципиальный парень! Гудков его дружеской помощи забыть никогда не мог.

— Степан! — окликнул он старого друга. — Ну, как оно?

— Красота! — ответил Федосенко.

Оба поняли друг друга. Стояли посреди проспекта, щурились от солнца, плескавшегося в лужицах на льду, радовались жизни.

— А что? — Федосенко кивнул в сторону большого когда-то красивого здания, в котором до обстрелов и бомбежек размещались райсовет и райком партии. — Скоро и в свой кабинет вернешься.

Окна кабинета Гудкова под самой крышей, на верхнем этаже, как, впрочем, и все остальные окна во всех этажах, были заделаны фанерой и досками; над ними свисали длинные сосульки, с которых буйно текло на ступени у главного входа.

— Зайдем, посмотрим? — предложил Гудков.

— Зайдем!

Они нашли сторожа. Гудков показал свое удостоверение. Сторож провел их через какой-то запасной, пожарный ход внутрь здания, в вестибюль.

— А тут уж мы сами. Спасибо. — Гудков почти бегом поднимался по лестнице на свой райкомовский этаж. Ступени и здесь оплыли грязным, будто проржавевшим льдом. Текла, видимо, крыша, пробитая осколками. В коридорах стояла сырая стужа подземелий: солнце не могло пробиться сквозь фанеру окон, дневной свет едва проникал в щели меж досками.

В кабинете Гудкова приналегли вдвоем, распахнули окно, обе рамы: и внутреннюю и наружную. Солнце шагнуло через подоконник на паркет, засыпанный кусками штукатурки, прошлось по заиндевелым стенам, легло на ставшее серым от пыли и тоже заваленное штукатуркой сукно большого секретарского стола, за которым было когда-то так удобно и так уютно...

Кроме этого стола, нескольких стульев и огромной карты Советского Союза, ничего в кабинете больше не было. Карта еще хранила на себе покосившиеся красные флажки на булавках, которыми до октября Гудков отмечал линию фронта. Вокруг Ленинграда флажки стояли тесно, у самых окраин; вскоре после того, как они здесь сдвинулись, райком переселился в бомбоубежище под одним из соседних зданий. Унесли туда и мебель из кабинета, кроме стола, которому тесно было бы под землей, и все привычные для Гудкова мелочи.

Четыре года провел в этой большой комнате Гудков. Чего только тут не было, чьи только судьбы не прошли через кабинет секретаря райкома, какие только не решались тут вопросы!.. Вот здесь, возле двери, обнялись в последний раз с братом Шуркой... Шурка погиб еще в августе в бою под Веймарном. Студент-ополченец. Да разве один Шурка ушел отсюда на фронт?! И многие из них уже никогда сюда не вернутся.

— Нет, не скоро. — С большим запозданием ответил Гудков на слова Федосенко. — Умершие здания оживлять трудно. И трубы, должно быть, все перелопались, и электропроводка сгнила, и крышу чинить надо.

Затворили окно, обе рамы — и наружную и внутреннюю, затворили дверь кабинета; миновав длинный коридор, добрались до зала заседаний.

Странно, но зал пострадал совсем немного. Если вставить стекла, протопить помещение да стереть пыль...

— Может быть, даже и топить не надо, — сказал Федосенко. — Только стекла вставить. Солнце само нагреет. Ведь всегда, если днем заседали, приходилось шторы опускать. Забыл, что ли?

— Знаешь что, — спросил Гудков, — ты хрен любишь?

— Как-то в этом плане не думал. — Федосенко вопрос удивил. — Насколько я помню, обычно он с чем-нибудь... А вообще... — Зрительная память вызвала из прошлого, которое сейчас казалось таким бесконечно далеким, вид больших — и круглых, и овальных, и

совсем вытянутых — тарелок с аккуратно, один к одному, уложенными кусками осетрины, холодной телятины, студенистыми кругами холодцов, поросячьими боками; хрен подавался к ним, именно к ним. Федосенко ощутил его острый запах, и так явственно, что вот-вот слеза пойдет. — А вообще... — повторил он, проглотив нарисованное памятью, — вкусная штука!

— У тебя время есть?

— Немножко. До шести. В шесть у нас партком.

— Заедем ко мне? Угощу кое-чем.

Они нашли «эмку» на соседнем дворе, забрали пакет с корнями хрена и пешком дошли до дома, где жил Гудков. Всю зиму Гудков спал там же, где и работал, а в последние недели все чаще наведывался в свою заброшенную с эвакуацией жены в Сибирь, осиротевшую квартиру. У него уже образовалось действующее хозяйство: керосинка, чайник, чашки и ложки, пакеты пшенных и гречневых концентратов, банки с консервами, сухари. Он вполне мог пригласить гостя, если гость не слишком прожорлив.

— Разжигай-ка, брат, керосинку, — сказал Гудков Федосенко, — а я поищу терку. Там, у артиллеристов, скоблят ножом. Но это неправильно. Не то качество. На терке надо.

Терка нашлась среди кухонной утвари, сложенной в бельевую корзину. Задача заключалась теперь в том, чтобы отмыть корни от земли, но так, чтобы воды на это ушло минимальное количество, хорошо бы стакан, самое большее — два, потому что водопровод до четвертого этажа не подавал и воду таскали ведром со двора, из дворницкой. Федосенко предложил чистить корни зубной щеткой. Дело пошло успешно; воды, правда, истратили все равно много: земля была клейкая и, намокнув, размазывалась, наподобие колесной мази.

— Суглинок это или что? — сердился Федосенко.

Терли на терке поочередно. Иначе было не выдержать. Мало того, что от запаха хрена слезы текли неудержимыми струями и даже переходили в нечто подобное отчаянному насморку, но еще страдали и пальцы. Оба изодрали руки.

— А знаешь, это совсем нелегко, домашнее хозяйство, — рассуждал Федосенко. — Действительно же, наших женщин надо вызволять из кухонной кабалы. Это что ж такое! Это ведь почти легкие ранения. — Он зализывал языком ссадины на пальцах. — Просто надо поломать голову и придумать приспособления, которые бы не калечили человека. Такие генераторы строят! А безопасную терку сделать не можете, конструкторы!

Они заговорили о том, что война помешала разработке конструкций еще более мощных электрических машин. Уже было многое сделано, и, видимо, будет делаться еще больше. Все это надо иметь в виду, чтобы в случае чего завод сразу же смог перейти на выпуск новой продукции.

Так или иначе, хрен был истерт, в него добавили уксусу из разысканной в шкафах трехгранной бутылки. Пожалели, что нет сметаны. Гудков открыл баночку мясных консервов.

— Не думай, — сказал он, — это не американская тушенка. Это наше, настоящее. Из Казахстана. Подарок. Еще со дня Красной Армии берегу.

Федосенко так же, как Гудков минувшим днем, не мог оторваться от хрена, который поместили в хрустальной вазочке для варенья.

— Ты извини, пожалуйста, — говорил он, то и дело запуская вилку в вазочку. — Выше моих сил. Я не знаю, где остановиться. Если тебе жалко, ты отними у меня это насильно.

— Ешь, завтра еще натрем! — Гудков в раздумье помешивал ложечкой чай. — Понимаешь, не идет из головы вид нашего зала заседаний. Ведь пустяк дело... А как замечательно было бы провести там пленум с активом! Представь себе, Гитлер воображает, что мы тут все передохли, а кто жив остался, от земли носа поднять не может, в щелях сидит, ждет смерти, и вдруг бы в нашем зале — пленум с активом! Задачи района... Подводим итоги... Планы на будущее... Живем, работаем, боремся! Не только не собираемся сдаваться, а силы готовим для удара, для наступления, для победы. — Гудков даже привстал. — Хлеба прибавили, «Дорога жизни» через Ладогу действует, разные другие продукты везут. Это — громадное дело! Но моральный фактор!.. Он не меньше весит, чем хлеб. В ноябре, в декабре почти совсем не было хлеба. А держались, стояли, выстояли. На моральном факторе. Это фактор величайший из величайших, Степан. Он утраивает силы людей, увеличивает мощь их оружия.

— А что ты меня агитируешь?

— Это я себе говорю. Пленум бы райкома... В нашем зале. Дух бы как у актива поднялся!

— Нельзя, Сережа, нельзя, — ответил, утирая глаза, Федосенко. — Разнюхают гансы, да и накроют тяжелой артиллерией зал заседаний. Вот тебе и пленум. Вот тебе и актив.

— Да я это понимаю, понимаю. Но все-таки.

В районе Урицка и Стрельни — любой ленинградец безошибочно определял эти направления — один за другим хлопнули два раза в ладоши. Завыли снаряды дальнобойных орудий, и разрывы встряхнули дом. Звякнуло на кухонных полках, упала швабра за дверью, качнулась лампочка под потолком. Еще хлопнули в ладоши — снова вой, и еще два разрыва...

— Заметили людей на улицах, — сказал Гудков. — По проспекту бьют.

Федосенко посмотрел на часы.

— Опоздали. Работаем до четырех. А сейчас около пяти уже. Я пойду, Сергей Иванович. Спасибо за угощение. — Он покрутил на столе вазочку. Вазочка была пуста.

Гудков сидел перед секретарем обкома, членом Военного совета фронта.

— Придумал ты хорошо, — говорил секретарь обкома, рассматривая осунувшееся, усталое лицо Гудкова, лицо, на котором по-прежнему молодыми и беспокойными были только глаза. — Это людей подымет, знаешь, как! Но вот чем тебе помочь, чем помочь?.. И стекла, говоришь, уже вставили?

— Вставляем. Печки-времянки сложили, топим для просушки. Народ работает, ног под собой не чует. Один у нас, столяр-краснодеревец, уж и с постели не вставал, к смерти готовился. Сказали, мебель подремонтировать надо: где отсырела, где потрескалась, — поднялся, пришел со своим инструментом и про смерть позабыл.

— Нашел! — секретарь обкома ударил ладонью по столу. — Когда ты собрался проводить пленум?

— В следующий вторник. Часиков бы в двенадцать дня. Вопрос один: о восстановлении района, о нашем дальнейшем участии в обороне города, о планах. Вопрос подготовлен. Доложил бы я. Желающих выступить в прениях хоть отбавляй. Ко мне вот наша заслуженная учительница приходила, Голубева, вы ее знаете. У нее всю зиму школа работала — десятый класс. Экзамены, говорит, скоро; приглашаю районных руководителей послушать моих учеников. Хочет рассказать о школе на пленуме. Или Федосенко... У него вопрос о том, чтобы начать проектирование электрических машин новых мощностей. Окончится война — чтоб сразу пустить в производство...

— Понятно, понятно, — весело перебил секретарь обкома. — О дне, о часе договорились. Оповещай товарищей. Ты, помню, частенько критиковал обком. А зря. Вот обком тебе и поможет. — И он снял трубку телефонного аппарата, связывающего его со штабом фронта.

Штор, как до войны водилось, не опускали: их просто не было на окнах. Зал, у которого южная стена почти целиком состояла из стекла, переполняло щедрое солнце. Люди шли на пленум районного комитета партии, как на праздник. Кроме членов райкома, были приглашены партийные работники с предприятий, хозяйственники, товарищи из райсовета, инженеры, представители воинских частей, расположенных на территории района.

Входя в зал, все радовались солнцу, радовались тому, что заседание будет происходить не под землей, а при свете яркого весеннего дня.

— Запела бы, честное слово, запела, — говорила окруженная людьми учительница Голубева. — Как бывало перед комсомольскими собраниями: «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка...» Да голос пропал за эту проклятую зиму: четыре раза ангиной болела. Уроки случалось проводить при температуре за тридцать восемь. И даже тридцать девять однажды у меня было.

— А все-таки немножко жутковато, — сказал кто-то, указывая рукой на огромные окна. — Самый юг. Оттуда ведь и лупят.

— Так ведь объясняли же всем, что меры будут приняты.

— Ну какие могут быть тут меры! Вчера на Обводном трахнуло — ловко как-то по первому этажу угодило — вся стена повалилась. А дéла-то — один снаряд. Один-единственный.

— Ерунда! — сказала Голубева. — Наши ребята, и те перестали всего этого бояться.

— Так я же не в смысле страха. Не за себя...

В районе Стрельни и Урицка дважды хлопнули знакомые всем ладоши. Снаряды пошли стороной. Разрывы были далекие, едва слышные, где-то на Петроградской. Но все насторожились, подтянулись, ожидающе смотрели на Гудкова, появившегося за столом президиума. Разговоры утихли.

Немецкие пушки все яростнее ухали то на одном участке фронта, то на другом, в воздухе выло. Немецкие артиллеристы знали о весенних работах на улицах города, метили в улицы, в людей с кирками и лопатами, эти люди были для них не менее страшны, чем люди с автоматами и снайперскими винтовками.

Может быть, немцы знали и о том, что на двенадцать часов в прифронтовом районе Ленинграда, в этом ничем, кроме хрупкого стекла, не защищенном зале Дома Советов, назначено заседание районного штаба большевиков? Может быть, командиры немецких орудий в Урицке и Стрельне смотрят сейчас на часы, следят за ходом минутных стрелок?

Возможно, и так. Резиденты врага в городе есть. На днях органы разведки выследили одного из них, немца-жестянщика, с тысяча девятьсот тринадцатого года по заданию германского генерального штаба лудившего и паявшего кастрюли в своей мастерской, в подъезде под лестницей на Васильевском острове. Он ничем не проявлял себя в первую мировую войну, он был еще тогда, в предвидении, приготовлен для второй.

Да, в осажденном врагом городе все возможно.

Гудков смотрит на часы, на сверкающие окна, за которыми, как и несколько дней назад, льет весело и неуемно; на безоблачное небо, в котором, оставляя за собой два белых волнистых хвоста, в высокой голубизне ходит самолет, неизвестно, наш или немецкий. Он представил себе колокольню Пулковской церкви, десятки других наблюдательных пунктов артиллерии вдоль линии обороны Ленинграда, аэростаты наблюдéния на тросах, поднятые в воздух самолеты-корректировщики...

— Товарищи! — сказал он. И голос его пропал в обвальном грохоте. Пол встряхнул людей, сидевших на стульях, в окнах выпало несколько стекол. На миг показалось, что уже все окна летят брызгами и само здание рушится.

Кое-кто не выдержал, поднялся на ноги. Но Гудков уверенно стоял за столом, побледневший и радостный.

А грохот рос. Ревело справа, слева, где-то впереди, возле Автова, на Средней Рогатке... Фронт громыхал, дрожала земля, и звенели стекла в металлических рамах.

— Товарищи! — повторил Гудков, повышая голос. — Разрешите наш очередной пленум считать открытым. Будет немного шумно, но это ничего. Этот гром в апреле — артиллерия Ленинградского фронта. Это солдаты и офицеры корпуса контрбатарейной борьбы обеспечивают наше заседание. Они бьют по батареям противника, принимая ответный удар на себя, чтобы мы с вами смогли плодотворно поработать сегодня. Вот видите, нет на свете такой силы, которая бы помешала большевикам осуществить то, что они задумали. И не будет.

Голос его дрогнул; все, не сговариваясь, поднялись с мест, и в звоне стекол, в грозовых раскатах возник «Интернационал». С особым чувством люди пели о великом громе, который в эти минуты, там, за линией недалекого фронта, рвал небо над сворой прищлых псов и палачей.

ЗРИТЕЛЮ ВЕСЕЛО

Молодые герои «Трехминутного разговора». Людмила — Л. Люлько, Витя — А. Кириллов.

НАША СВЕРСТНИЦА

Окончился спектакль В. Левидовой «Трехминутный разговор», который показывает Ленинградский театр комедии в постановке Н. Акимова, П. Суханова, и мы заспорили.

О чем спектакль?

Девушки склонялись к тому, что главный разговор здесь идет о любви — любви большой, настоящей, которая переделывает человека, заставляет его пересмотреть свои поступки, перебороть недостатки, задуматься серьезно о своих идеалах. Парни уверяли нас, что главная тема пьесы — выбор профессии, приобщение нас, молодежи, к творческому труду.

Говорили долго, много, горячо... Спектакль взволновал нас. В нем, правда, в легкой, комедийной форме, говорилось о близком и важном — о выборе жизненного пути. Мы сами еще недавно решали проблемы, с которыми столкнулась героиня комедии Людмила, и поэтому, вероятно, можем судить, насколько правдив ее образ. И тут нам хочется сказать самые теплые слова актрисе Л. Люлько, которая играет Людмилу, нашу сверстницу.

Она проявила столько хорошей актерской фантазии, жизненной наблюдательности, вкуса, юмора, так правдиво, весело, увлеченно и вместе с тем мастерски рисует характер своей героини, что кажется, будто ты давно уже знакома с Людмилой.

Поражаешься, сколько красок нашлось у актрисы и как, ни на минуту не забывая о жанре комедии, сумела она таким многогранным сделать образ. А ведь материала у нее, собственно, было не так уж много.

Мы эту девушку запомним надолго!

Л. ЛИСИНА, студентка МГУ.

ЮНОСТЬ ДУШИ

«Серебряная свадьба» в Театре имени Н. В. Гоголя. Кузьмин — А. Краснопольский, Вера, дочь Чеботарева, — Е. Вишневская.

Есть такие люди: голова у них седая, а сердце молодое, страстное, полное энергии и жажды творчества.

Вот именно такой человек, строитель железных дорог Алексей Денисович Кузьмин, появился в семье профессора Чеботарева. Друг юности профессора, он словно сдул с него осевшую было пыль самоуспокоенности и мещанства, воскресил в его душе интерес к окружающей жизни, заставил вспомнить Чеботарева о его большой любви к жене, а кстати, и о том, что на днях у них серебряная свадьба. Под влиянием Кузьмина вернулась былая жажда деятельности и к жене профессора, Любови Семеновне...

Комедия Ц. Солодаря «Серебряная свадьба» в Театре имени Н. В. Гоголя, поставленная В. Токаревым, — спектакль веселый и поучительный. В нем много смешных положений, актерских удач. Зритель, безусловно, унесет где-то в сердце желание быть похожим на героя спектакля, до пожилого возраста сохранить юность души.

С. НЕВЗОРОВА, врач.

АКТИВНАЯ ПОЗИЦИЯ

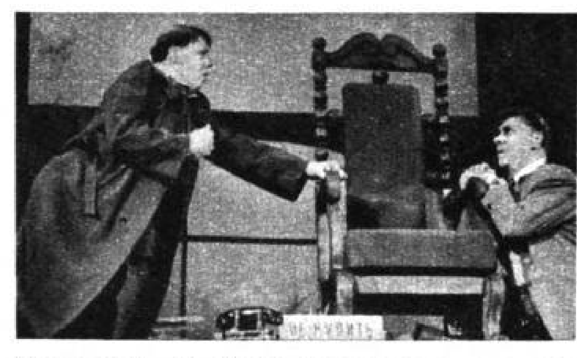
Сюжет новой комедии Сергея Михалкова, «Памятник себе», развивается, как это и полагается комедии, в обстоятельствах неожиданных.

Герой комедии Кирилл Спиридонович Почесухин оформляет на свое имя, так сказать, в предвидении будущего, могильный памятник — мраморное кресло внушительных размеров. Жуликоватый директор кладбища Вечеринкин списывает памятник как «бесхозный», и Кирилл Спиридонович становится счастливым обладателем мраморного, в прожилках, кресла. Внушительный памятник настолько приходится Почесухину по душе, что он днюет и ночует на кладбище, приводя в порядок место своего будущего захоронения...

Однажды, притомившись, Почесухин засыпает в кресле. Во сне он встречается с бывшим владельцем мраморного постамента, своим однофамильцем К. С. Почесухиным, купцом 1-й гильдии. Эта «встреча» позволяет автору во всей полноте обнаружить жизненную философию героя-мещанина и главную — обличительную — мысль произведения.

И пьеса С. Михалкова и спектакль Театра сатиры, поставленный В. Плучеком (художник — Э. Стенберг), остро разоблачают мещанство, какие бы формы оно ни принимало, под какие бы маски ни пряталось.

Театр находит множество точных, метких деталей, чтобы обнаружить перед зрителем всю степень невежества своих героев. Вот, например, урна, которая стоит в кабинете у Почесухина прямо перед его столом с грозной табличкой: «Не курить!». Все курят и, бросая окурки в урну, то и дело промахиваются. Однако хозяина кабинета это нисколько не смущает. Невозмутимо достает он длинную канцелярскую линейку и, не сходя со своего внушительного председательского кресла (точный слепок «памятника»), подгребает пепел и окурки к подножию плевательницы.



Вечеринкин — В. Лепко расхваливает памятник. Почесухин — А. Папанов в упоении.

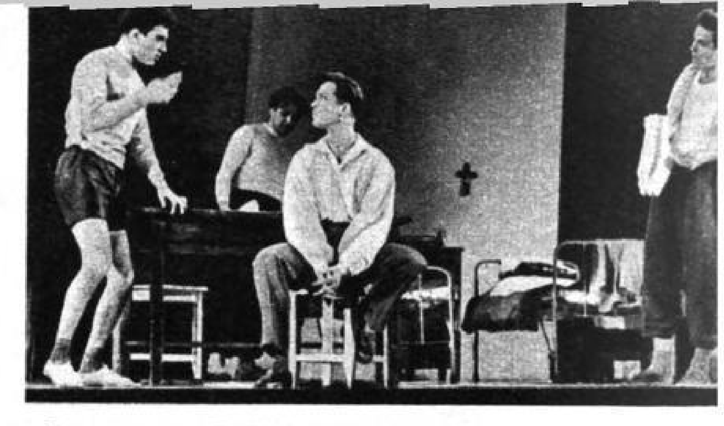
Фото А. Гладштейна.

Жест — удивительно почесухинский. Так же по-почесухински звучат слова «симвóл», «кладбúще», «помпозный памятник» и т. п.

Язык Почесухина характеризует у С. Михалкова человека чудовищно некультурного. Но ведь все обстоит куда сложнее и серьезнее, хотят сказать зрителю и театр и автор. Слова можно произносить и правильно. Но могут ли правильно поступать те люди, в чьей душе полное равнодушие к идеалам и принципам, которыми одушевлено наше общество? А сущность мещанства — главная, скрытая сущность — именно в этом равнодушии!.

Почесухин в исполнении А. Папанова — характер преувеличенный, фигура, может быть, даже не очень реальная. Но приглядимся, не сидит ли частица почесухинского мещанства в бюрократах, волокитчиках, перестраховщиках? Ведь и Вечеринкин в исполнении Лепко, мелкое кладбищенское «начальство», и пьяница парикмахер Топтунов в исполнении А. Козубского потому так и льнут к Почесухину, что чуют в нем своего покровителя, близкого им по духу...

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ



«Внук короля» Л. Шейнина в Центральном театре Советской Армии.

Фото И. Ефимова.

ЗАНИМАТЕЛЬНО О ВАЖНОМ

Красочная, жизнерадостная музыка композитора Карена Хачатуряна сразу вводит нас в живую, бодрую (несмотря на военную пору) обстановку студенческого общежития МГУ.

Так начинается спектакль «Внук короля» Л. Шейнина, поставленный в театре Советской Армии режиссерами Д. Тункелем и А. Шатриным.

В университете будет учиться молодой иностранец Митчел Морхауз, сын журналиста и... внук табачного короля. Мать Митчела (актриса О. Малько) оплакивает судьбу сына. Но его отец, честный и прямой человек (Н. Гарин), и дед (А. Попов) хотят, чтобы Митчел пожил среди русских, понял их, изучил...

Митчел (В. Сошальский) попадает в дружную семью студентов. Они не «агитируют» Митчела, не посягают на его убеждения, но сама жизнь советских людей — лучший пропагандист советской действительности.

Митчел не становится коммунистом, но, вернувшись на родину, он расскажет правду о нашей стране, о том, что с советским народом можно и должно жить в мире!

Театр многое сделал, чтобы убедительно воплотить мысли автора. Режиссеры нашли интересный прием, раздвинувший рамки сцены. По краям сценической площадки сидят студенты и студентки: они принимают живое участие в происходящем, волнуются и переживают вместе с героями. Они же в темпераментном, радостном ритме убирают и обставляют сцену, будто сами разыгрывают перед нами этот веселый и интересный спектакль-обозрение.

Л. ЕРЕМИНА, библиограф.

БЛИЗ ДИКАНЬКИ...

Веселый луч прожектора выхватывает забавную фигурку аиста. Аист сгибает лапу, раскрывает клюв и... объявляет о спектакле. И зал сразу настраивается легко и весело. Это оживление царит до конца представления пьесы В. Минко «На хуторе близ Диканьки».

Украинский драматург в новой комедии рассказал о том, как живут советские люди в знакомом нам по повести Гоголя хуторе близ Диканьки. В центре спектакля образ романтического мечтателя и бездельника Гения, которого сама жизнь заставляет в конце концов заняться полезным трудом и полюбить свою скромную профессию. По-моему, очень хорошо, что автор сделал Гения закройщиком — «мастером красоты». Он тем самым как бы говорит нам: «Посмотрите-ка, сколько радости может принести людям человек, избравший даже самое ординарное занятие, если он по-настоящему влюбится в свое дело!»

А театр? Московский театр драмы и комедии — постановщик спектакля А. Плотников, художник Г. Лебедева и весь коллектив — вложил в свою работу много выдумки. Взять хотя бы сценку, когда Гений засыпает, взволнованный рассказом о делах и днях хутора близ Диканьки; куклы, возникшие над его постелью, разыгрывают сцены, которые снятся юноше. А сколько в спектакле песен, задорных плясок, как приятно его непритязательное и остроумное оформление!

Видно, что актеры с увлечением играют спектакль, поэтому увлеченно смотрят его и зрители.

Л. КУЗНЕЦОВА, художник.

Сцена из спектакля Московского театра драмы и комедии «На хуторе близ Диканьки» В. Минко.

Фото В. Фабисовича.

Петко с «Красного путиловца»

Петко Манолов. 1927 год.

Которую уж неделю Наталья Александровна Ершова-Манолова ездила по Болгарии из села в село, из города в город. С трудом удавалось урвать минутку, чтобы черкнуть домой несколько строк. А дома — в Москве и Ленинграде — волновались дочери Маргарита и Виктория: ведь мать впервые отправилась посетить могилу отца — Петко Манолова.

На Кировском заводе, бывшем «Красном путиловце», многие хорошо помнят черноглазого стройного юношу-болгарина. Он приехал в Ленинград в 1926 году с группой политэмигрантов, стал работать кузнецом и вскоре прослыл энергичным вожаком молодежи.

Весенним солнечным днем двадцать девятого года Петко повстречался со студенткой медицинского института Наташей Ершовой. Молодые люди полюбили друг друга, поженились, поселились в производственно - бытовой коммуне, которую организовал и возглавил Манолов.

Петко очень любил Страну Советов, привязался к заводу, но никогда не забывал свою родину.

В 1933 году Болгарская компартия отозвала Петко на нелегальную партийную работу. Наталья Александровна осталась в Ленинграде с двумя дочками.

Прощаясь, он сказал семье:

— Победим фашистов, и я вернусь за вами.

Жестокой и длительной оказалась эта борьба. Петко возглавлял подпольный обком. Скрываясь от преследований, коммунисты часто уходили в катакомбы. Несколько раз Манолов попадал в руки фашистской полиции, но с помощью верных друзей ускользал от смерти. Последний раз его арестовали в ноябре 1936 года.

С волнением следили ленинградцы за сообщениями печати о процессе «47 антифашистов». Среди них был и любимый Петко. Рабочие-кировцы навещали семью Манолова. Советская общественность поднялась на защиту болгарских революционеров.

Но спасти Петко не удалось. Телеграмма из Вены, опубликованная в «Красной газете», сообщала, что в городе Стара-Загора казнены крестьяне-антифашисты: Петко Манолов, Коста Дзьнов, Христо Курдов...

Только после Великой Отечественной войны товарищи Манолова разыскали в Ленинграде Наталью Александровну и вручили ей письмо мужа, которое он написал перед казнью.

«Мои милые, любимые Наталья и дети Мая и Вава,— писал Петко.— До последних дней я жил с надеждой увидеть вас, но верховный кассационный фашистский суд подтвердил смертный приговор, и сегодня его приведут в исполнение. Палачи, жаждущие рабочей крови, уже засучивают рукава... Милые мои, когда до вас дойдет мое последнее письмо, меня уже не будет в живых...

Хорошая моя Наточка, ты знаешь, что я умираю за великое дело пролетариата, которому принадлежит светлое будущее. Поэтому горе не должно тебя сломить... Когда подрастут Вава и Маечка, ты им скажешь, почему я вернулся в Болгарию и за что фашисты меня повесили...

...Мысленно прижимаю вас к своей груди и горячо целую. Желаю вам здоровья и успехов в борьбе с нашим общим классовым врагом.

Ваш друг и отец Петко Манолов»...

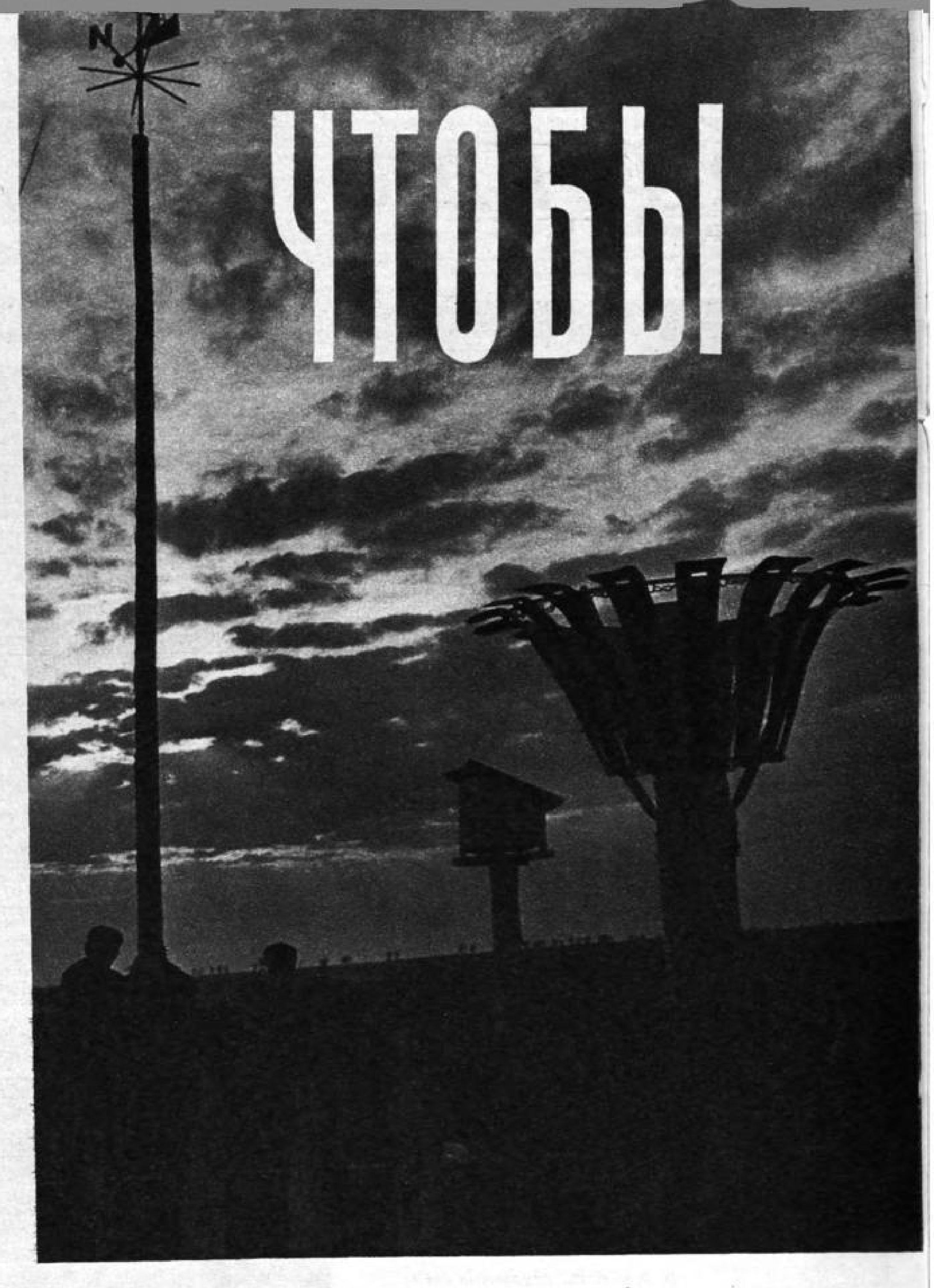
А теперь, в марте 1959 года, в квартире Ершовых-Маноловых в новом доме на проспекте Стачек Наталья Александровна рассказывает о своей поездке в Болгарию. На пограничной станции Русе ее встретил друг Петко, сидевший с ним в тюрьме, ныне секретарь Президиума Народного собрания Болгарии Тачо Даскалов. Он рассказал о мужественной смерти революционера. Петко шел на казнь первым, с высоко поднятой головой. Когда палачи набросили ему на шею петлю, он воскликнул: «Скоро всем вам, фашистам, конец, наша победа близка!»

Во многих селах Стара-Загорского округа побывала Наталья Александровна. Всюду ее встречали, как родную, расспрашивали о семье. Услышав, что обе дочери Петко получили университетское образование, болгары говорили: «Хорошо!» Много нового узнала Наталья Александровна о своем любимом муже от его сестер.

Перед отъездом в Ленинград правительство Народной Республики Болгарии передало Наталье Александровне награды, которыми Петко Манолов награжден посмертно: орден Народной Свободы I степени и медаль за участие в сентябрьском восстании 1923 года.

К. ЧЕРЕВКОВ

Н. А. Ершова-Манолова в Болгарии.



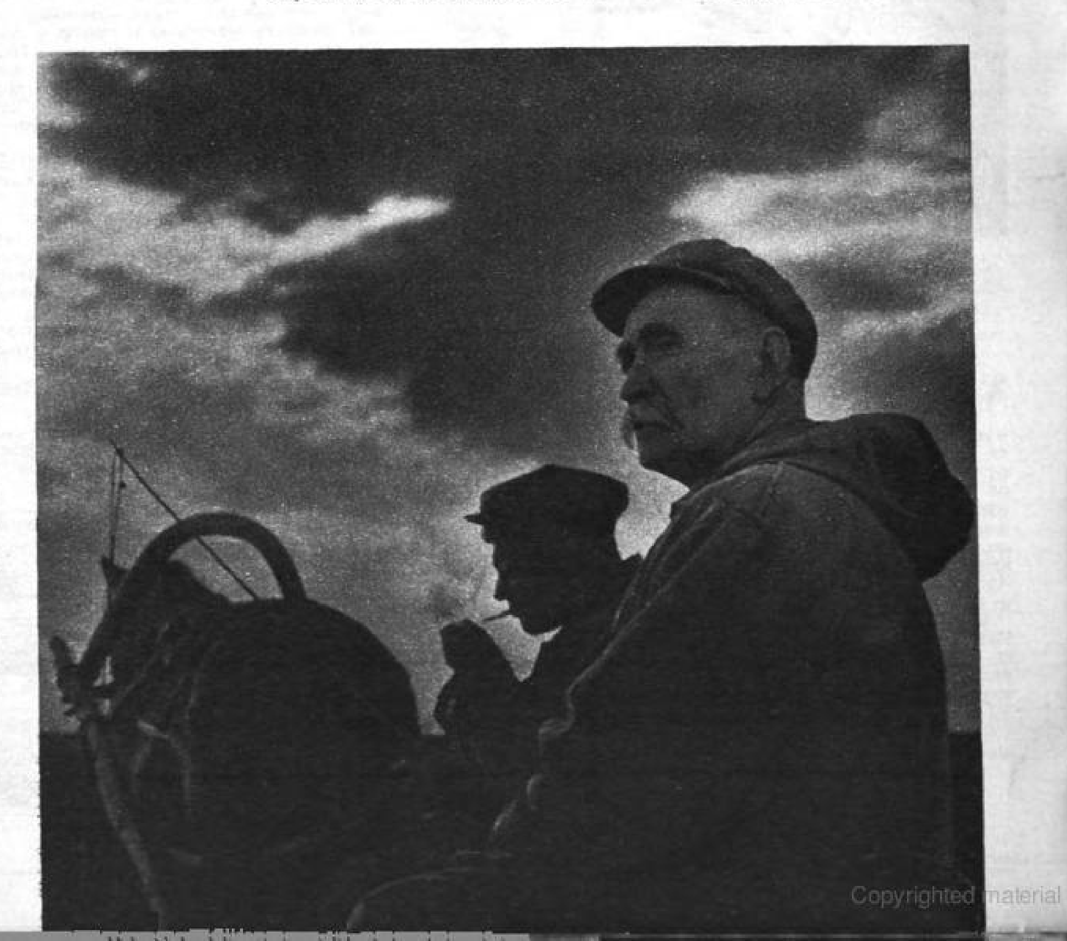
ЧТОБЫ

И. ТУНКЕЛЬ,

В. ПОЛЫНИН

Устин Никитич Чабан, наблюдатель агрометеопоста в колхозе «Социалистический путь», Черкасской области, ежедневно в восемь утра выходит на метеоплощадку и ведет наблюдения. Почему интересуют его скорость и направление ветра, максимальная и минимальная температура воздуха, количество выпавших за сутки осадков, атмосферное давление? Зачем он выезжает в поле и с помощью специальных приспособлений и приборов измеряет температуру почвы и содержание в ней влаги? Кажется, и без приборов — по десяткам едва заметных примет — хлебороб, встречающий свою семьде-

На дальние поля.



ЗНАТЬ ТОЧНО

Сколько в почве влаги? Чем гадать, проще проверить.

сят первую весну, мог бы угадать: какая будет завтра погода, поспела ли для сева земля, уродятся ли нынешний год озимые.

Но судите сами. Чем определять влажность почвы на глаз и на ощупь, не лучше ли взять пробу почвы с помощью бура и на лабораторных весах выяснить эту величину с точностью до одного процента? А ведь знать степень влажности почвы очень важно, без этого не улучить момента, когда выгодно закрыть влагу и разбросать удобрения! Без этого не быть богатому урожаю.

Другой случай. В тех хозяйствах, где пока нет собственных агрометеопостов, сеять начинают, как правило, по указанию из областного или районного центра. Но разве можно предусмотреть в областном центре все микроклиматические особенности каждого колхозного поля! Даже растений не бывает в природе двух одинаковых, не только двух полей! А каждая культура, особенно теплолюбивая, имеет свои капризы: сахарную свеклу лучше всего сажать при температуре почвы 6—7 градусов, картофель — при 8—10, кукурузу, хлопчатник, просо — при 10—12, томаты, гречиху, рис, табак — при 14—16 градусах. Ошибка на один градус приведет к потере многих центнеров. Так зачем же доверяться осязанию? Не проще ли иметь в каждом хозяйстве щуп-термометр?

Да мало ли можно привести подобных примеров!

...Что ни год, появляются на полях колхозов и совхозов тысячи новых постов. Несложные по оборудованию, недорогие по стоимости, простые в пользовании, они оказывают неоценимую услугу полеводам. И для того, чтобы наши урожаи не зависели от милостей природы, а подчинялись точным научным расчетам, создаются агрометеорологические посты на полях.

Заморозки не застали врасплох.

Установлено: озимая пшеница не погибла в морозы.

Давайте ТОРГОВАТЬ!

Старший инженер Н. А. Ковалева и старший товаровед В. А. Свиркова осматривают образцы обуви, закупленной в Чехословакии.

В «Союзнефтеэкспорте» подписывается контракт на поставку в Чехословакию нефти и нефтепродуктов. Слева направо: генеральный директор торгового объединения «Хемапол» Франтишек Мареш, директор конторы этого же объединения Иозеф Кепка, сотрудник аппарата чехословацкого торгового советника в Москве Ян Симандел, директор конторы «Союзнефтеэкспорт» Владимир Григорьевич Тогонидзе, председатель Всесоюзного объединения «Союзнефтеэкспорт» Евгений Петрович Гуров.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Ф. Короткевича.

«Давайте торговать, так как торговля сопутствует мирному сосуществованию»,— под бурные аплодисменты сказал Н. С. Хрущев на обеде в его честь в Лейпцигской ратуше.

«Давайте торговать!» — этот призыв нашел широкий отклик в деловых кругах многих стран.

Мы посетили руководителей внешнеторговых организаций Советского Союза, осуществляющих на практике призыв «Давайте торговать!», чтобы узнать, как торгует наша страна с другими государствами.

Танкеры бороздят моря

— Готова ли сводка? — этими словами начал свой рабочий день Евгений Петрович Гуров, председатель Всесоюзного объединения «Союзнефтеэкспорт», садясь за письменный стол в кабинете на двенадцатом этаже высотного здания, что на Смоленской площади в Москве.

Вот она, сводка, рассказывающая о том, как идет погрузка нефти в портах Советского Союза для экспорта в другие страны. Под погрузкой в Туапсе, Новороссийске, Одессе, Батуми стоят семнадцать танкеров. Куда повезут они советскую нефть и нефтепродукты, заслужившие мировую славу? Читаем: «Марокко, Уругвай, Федеративная Республика Германии, Великобритания, Швеция, Исландия, Объединенная Арабская Республика, Италия, Франция, Финляндия, Германская Демократическая Республика...»

— Ежедневно из советских портов уходят в другие страны пять—семь танкеров, груженных нефтью и нефтепродуктами,— поясняет Евгений Петрович.— И ежедневно в пути к портам и пограничным станциям находятся десять тысяч цистерн с грузом, предназначенным на экспорт.

Мы узнаем, что торговля нефтью с капиталистическими странами возросла за последнее семилетие почти в десять раз, что страны социалистического лагеря полностью покрывают потребности за счет своей продукции, и в этом решающее значение имеет нефть Советского Союза.

— Каковы перспективы на этот год?

— Этот год,— отвечает Евгений Петрович,— показывает особенно большой рост экспорта советской нефти и нефтепродуктов. Так, Швеция удвоила свои закупки, нами заключены контракты с крупным концерном «Юнсон», с объединением шведских кооперативов «Ойл консументор» и другими фирмами. Экспорт в Италию возрастет более чем в два раза.

В это время дверь кабинета открылась, и Гурову передали телеграмму. Прочитав, он сказал:

— Из Копенгагена, от владельцев датской фирмы «Ойлсмит». Они были в Москве и закупили сто пятьдесят тысяч тонн мазута. Вот что пишут господа Бергенсон и Бьерре Петерсон: «Возвратились вчера после приятного полета и пользуемся случаем поблагодарить вас за радушный прием и гостеприимство».

Евгений Петрович рассказал о том, что датский рынок был до последнего времени монополизирован крупными нефтяными концернами, которым удавалось держать в стране цены на нефтепродукты выше, чем в соседней Швеции, где есть независимые нефтяные фирмы. Но едва только начались переговоры с датчанами о поставке им советской нефти, как концерны поспешили снизить свои цены.

— Случай на датском рынке,— заключил Гуров,— показывает, как добросовестно ведет торговлю наша страна, и объясняет, почему в деловых кругах многих капиталистических стран проявляется большой интерес к торговле с нами.

— А разговоры о пресловутом «демпинге»?

— Недавно у меня брал интервью один английский журналист. Он задал мне этот вопрос. Я ответил ему словами Никиты Сергеевича Хрущева: «Мы решительно выступаем против демпинга, стоим за справедливые цены. Советский Союз торгует на базе мировых цен. Не в наших интересах продавать по бросовым ценам товары, в которые вложен труд советских людей». Басня о «советском демпинге» была вытащена на свет божий известными монополистическими кругами. Американская фирма «Дау кемикл», которая якобы купила у нас бензин по демпинговым ценам, опровергла в печати эту ложь. В итоге кампания, затеянная монополистами, не принесла им никакой пользы, зато послужила рекламой для советской нефти.

Евгений Петрович перелистал бумаги, лежавшие перед ним на столе, и протянул две вырезки из иностранных газет.

— Но это не все. Теперь уже пишут, что цены на советскую нефть якобы выше мировых цен.

Действительно, газеты Буэнос-Айреса «Кларин» и «Расон» писали пятнадцатого марта этого года, касаясь закупок нефти в СССР, что «цены, установленные соглашением, превышают цены, существующие в настоящее время на основных мировых рынках». Агентство Рейтер в сообщении от четырнадцатого марта этого года, говоря о советской нефти, обронило фразу: «По слухам, цена советской нефти выше мировых цен».

Евгений Петрович улыбается:

— На самом деле нет, конечно, ни «демпинга», ни «высоких» цен. Советская нефть приобретает все больше потребителей потому, что она высокого качества, продается по нормальным ценам, и еще потому, что чем больше товаров покупают в нашей стране, тем больше можно товаров продать и нам. При экономическом спаде в ряде капиталистических стран это условие играет немаловажную роль.

Нашу беседу прервал продолжительный телефонный звонок.

— На проводе Осло, фирма «Норексим».

— Гуров слушает!..

После разговора Гуров вызвал одного из своих сотрудников:

— Заготовьте контракт на продажу норвежской фирме «Норексим» дополнительно сто тысяч тонн мазута.

Когда сотрудник вышел, Гуров продолжал:

— Норвежские фирмы проявляют повышенный интерес к со-

ветской нефти и нефтепродуктам, как, впрочем, и фирмы многих других стран. В течение года к нам в Москву приезжают представители сотен фирм и организаций как из капиталистических, так и из социалистических стран.

Спустя некоторое время в кабинет вошел генеральный директор чехословацкого торгового объединения «Хемапол» Франтишек Мареш. Они встретились с Евгением Гуровым, как добрые, старые товарищи...

Росчерки пера на контракте — торговая сделка совершена.

— В добрый час! — сказал товарищ Мареш.

Вести из Лондона и Парижа

Напряженно протекает рабочий день во Всесоюзном объединении «Техмашимпорт», занятом закупкой во многих странах комплектных заводов и оборудования для химической промышленности на весьма крупные суммы.

С десятками фирм США, Англии, Западной Германии, Франции, Швейцарии, Бельгии, Италии, Швеции, Финляндии, со всеми демократическими странами ведутся переговоры и заключаются контракты на поставку в Советский Союз химических заводов, крупных установок и многочисленного оборудования.

Мне привелось присутствовать на одних таких переговорах.

Пять англичан во главе с мистером Ральфом Чайльзом представляли английскую машиностроительную компанию «Платт-Бразерс». Речь шла о крупной сделке — о поставке оборудования для завода по изготовлению изделий из синтетических волокон мощностью в пятьдесят тысяч веретен.

Мистер Ральф Чайльз и его коллеги согласовывали с советскими специалистами технические вопросы и требования, предъявляемые к будущему заводу.

Перед отъездом на родину английские предприниматели были приняты заместителем председателя «Техмашимпорт» Сергеем Степановичем Смирновым. Англичане не первый год знают этого представителя советских деловых кругов: он неоднократно заключал контракты на поставку оборудования в Советский Союз. Фирма «Платт-Бразерс» давно поддерживает деловые отношения с нашей страной.

— Нас в данном случае особенно интересуют три вещи,— сказал Сергей Степанович,— качество — это должно быть самое современное оборудование,— и приемлемые для нас цены, и сроки поставки.

— Какие вы ставите сроки?

— Часть оборудования мы хотим получить в этом году и полностью закончить поставку в 1960 году.

— Мы все это укажем в нашем предложении, которое вышлем из Лондона.

— Мы ждем, что оно будет интересным. Учтите, пожалуйста, что у нас уже есть ряд предложений от других фирм из разных стран.— Сергей Степанович улыбнулся.— Заказ получит тот, кто даст лучшее предложение.

— Я очень рад,—ответил мистер Чайльз и тоже улыбнулся,— что у вас много предложений, потому что, получив наше, вы сможете лучше оценить его выгодность...

...Мистер Чайльз согласился ответить на ряд моих вопросов.

— Приходилось ли фирме выполнять такие большие заказы?

— Года четыре назад мы выполнили еще более крупный, и это тоже был заказ для Советского Союза.

— Выгодны ли они для компании?

— Нет сомнения! Этот новый крупный заказ, если он будет нам передан, отразится, естественно, на увеличении производства, на загрузке наших предприятий и на занятости населения.

Об одном заказе, данном английской фирме «Райстафа», напомнил телефонный звонок из Лондона.

— Здравствуйте, Евгений Гаврилович! — сказал Смирнов, подняв трубку.

На другом конце провода был Евгений Гаврилович Лопато, директор шинного завода, сооружаемого в Днепропетровске. Оборудование для него поставляет фирма «Райстафа». Сумма этого заказа — около 160 миллионов рублей.

Группа советских специалистов во главе с Е. Г. Лопато находится в Лондоне. Оборудование уже поступает в Днепропетровск.

Из разных стран прибывает в советские порты оборудование для химических заводов. И еще больше ожидается в ближайшие месяцы. Американская фирма «Интертекс корпорейшн» поставит три комплекта оборудования для производства искусственного меха, западногерманская фирма «Байер» готовит для Советского Союза две установки по производству мольтопрена — губчатого пластмассового материала, идущего для матрацев, кресел, диванов.

О последних контрактах, заключенных с различными фирмами, мы узнали из телефонного звонка, раздавшегося из Парижа.

— У телефона Кленцов!

Председатель Всесоюзного объединения «Техмашимпорт» Влас Андреевич Кленцов вместе с группой специалистов ведет деловые переговоры с фирмами ряда стран. Из Западной Германии он приехал во Францию.

— Какие контракты подписаны? — спросил его Смирнов.

— В Западной Германии заключен контракт с фирмой «Басф» на поставку комплектного оборудования завода по производству ацетилена, с фирмой «Циммер» — на установку для производства пленки из непластифицированного полихлорвинила,— последовал ответ.

Разговор закончился фразой:

— Хорошо, они выедут на днях, Влас Андреевич!

Речь шла о специалистах по производству сахара. Советский Союз закупает оборудование для нескольких десятков сахарных заводов. Большую часть их поставляют Польская Народная Республика и Чехословацкая Республика. Вместе с тем заказ на изготовление оборудования для нескольких заводов, из которых каждый должен перерабатывать по пять тысяч тонн свеклы в сутки, будет передан фирмам капиталистических стран при условии предоставления ими кредита. Согласие на это уже выразили деловые люди Англии, Западной Германии, Франции, Австрии. Для переговоров с ними и выедут специалисты сахарной промышленности.

Путь советских машин

Директора итальянской фирмы «Капитини» синьора Пьеро Капитини и акционера фирмы синьора Ганца Матчека мы встретили в типографии издательства «Правды»: фирма «Капитини» интересуется полиграфическим оборудованием, особенно наборными и строкоотливными машинами производства Ленинградского совнархоза. Синьоры только накануне приехали из Ленинграда. Машины действительно оказались первоклассными, но хотелось еще посмотреть их в действии, а заодно и ознакомиться с такой мощной типографией, как типография издательства «Правды».

Синьор Пьеро Капитини — большой знаток полиграфического оборудования. Обходя цеха, он удовлетворенно качал головой и подробно расспрашивал о работе отдельных машин.

В тот же день Пьеро Капитини подписал вместе с председателем Всесоюзного объединения «Машиноэкспорт» Виктором Ивановичем Родновым агентское соглашение о том, что фирма «Капитини» берет на себя продажу советских полиграфических машин, а также и контракт на закупку в счет соглашения некоторого количества этих машин.

...Я провел несколько часов в кабинете В. И. Роднова, и передо мной раскрылись те бесчисленные пути, по которым машины, изготовленные советскими людьми, идут в страны всего мира. Доброй славой пользуются машины с маркой «Изготовлено в СССР».

В послевоенные годы в связи с общим подъемом советской промышленности сильно возрос экспорт машин и оборудования.

Какие же советские машины и оборудование идут за границу?

На этот вопрос В. И. Роднов ответил:

— Мы экспортируем машины для нефтяной промышленности, электротехнической, горно-шахтное, энергосиловое, подъемно-транспортное и другое оборудование.

Он протянул красочные проспекты, на которых были изображены красивые и умные машины, изготовленные на советских заводах. Вот экскаватор с гидравлическим приводом, а вот дренажно-дисковая машина. Яркими красками отливает сдвоенный штифтовой барабан, фрезерный бровкорез...

— В последние годы,— рассказывает В. И. Роднов,— мы продаем наши машины и высокоразвитым индустриальным странам. Нашими клиентами являются фирмы США, ФРГ, Франции, Австрии, Италии. «Машиноэкспорт» экспортирует советское оборудование в сорок две страны. Благодаря высокому качеству и современной конструкции изделий наших машиностроительных заводов спрос на них сильно возрос на мировом рынке. Мы имеем теперь деловые отношения более чем с пятьюстами фирмами капиталистических стран!

На столе В. И. Роднова лежал контракт, подписанный со шведской фирмой «Эсаб». Она купила лицензию на право производства и продажи электросварочного оборудования, разработанного советским Институтом электросварки имени академика Патона. Советские инженеры поедут в Швецию, чтобы обучить своих коллег разработанному в СССР методу, завоевавшему мировую славу.

Что ж, экспорт передовой научно-технической мысли — тоже неплохой вид экспорта!..

Для широкого потребления

Бесконечен список товаров, которыми торгует Всесоюзное экспортно-импортное объединение «Разноэкспорт». Одни привозятся из заморских стран для советских людей, другие переплывают моря и океаны, чтобы порадовать советскими изделиями жителей далеких стран.

Что же это за изделия? Самые разнообразные: сотни тысяч советских велосипедов распродаются в странах, раскинувшихся от Индии до Греции, советское оконное стекло доставляется в Канаду и на Цейлон, русские электрические лампочки светят в домах Исландии и Объединенной Арабской Республики, а русские спички известны всему миру — от Новой Зеландии до Южной Африки, от Эфиопии до Голландии...

Добрую славу завоевали на мировом рынке советские часы. Мы экспортируем свыше одного миллиона штук часов в год.

Растет импорт товаров народного потребления.

— Ввоз этих товаров увеличился с 1955 по 1958 год почти в четыре раза,— говорит заместитель председателя Всесоюзного объединения «Разноэкспорт» В. К. Крутиков.

В этом году в наших магазинах будет много швейных изделий из Чехословакии и Китайской Народной Республики, в том числе габардиновые пальто для женщин и мужчин; много дамских платьев, костюмов и белья пришлет нам Германская Демократическая Республика; самые разнообразные заграничные товары, вплоть до дамских шляп, новейших фасонов, смогут купить советские потребители.

...Широко развернулась торговля нашей страны со странами всего мира — взаимовыгодная торговля. Все убедительнее звучит мирный клич:

— Давайте торговать!

Абубакар Абди, переводчик А. Лордкипанидзе, Вардойо Искендер и Басуки Зайлани (слева направо) на кинофестивале стран Азии и Африки. Фото А. Палехова.

Песня сердца

Вл. НИКОЛАЕВ

Недавно я был на студии, где готовились дублировать фильмы, только что полученные из-за рубежа,— те, которые в нынешнем году должны увидеть советские зрители. В зале погас свет. На экране замелькали титры в сопровождении очень красивой и очень знакомой мне мелодии. Признаться, я даже вздрогнул... Я думал увидеть неведомых мне героев, а встретился вновь с добрыми друзьями—индонезийцами. Мы познакомились на международном кинофестивале стран Азии и Африки в прошлом году.

...Индонезийцев легко разыскать даже в самой большой и пестрой толпе: почти всюду они появляются в своих черных бархатных шапочках, которые напоминают пилотки и чрезвычайно идут к смуглым лицам.

Индонезийские делегаты — профсоюзный деятель Вардойо Искендер, киноактер Басуки Зайлани и кинорежиссер Абубакар Абди — в Ташкенте держались со всеми приветливо. У каждого из них за несколько дней фестиваля появилось немало искренних друзей. Я особенно близко сошелся с режиссером Абубакаром Абди.

В этом спокойном, неторопливом и рассудительном человеке чувствовалась большая внутренняя сила. Всегда дельные и меткие замечания Абди обычно подчеркивали его удивительную невозмутимость. Но однажды на мой обычный вопрос: «Как жизнь?» — он вдруг ответил:

— Волнуюсь.

Для меня это было полнейшей неожиданностью. Я спросил:

— И сильно?

— Наверно, как все другие в подобных случаях,— ответил Абубакар.— Ведь сегодня просмотр начинается нашими фильмами...

Сначала мы смотрели несколько интересных документальных картин. А потом показали центральный в индонезийской программе фильм «Туранг». Одним из режиссеров этого фильма был мой друг Абди.

Пока на экране шли титры, наши сердца сразу же покорила необычайно красивая, напевная мелодия... Многие индонезийские песни пользуются у советских людей заслуженной популярностью. В любом уголке нашей страны поют: «Индонезия, страна моя...» Но мне показалось, что песня из фильма «Туранг» по задушевности и красоте нисколько ей не уступает. Удивительно органично сливается эта песня с содержанием фильма.

«Туранг» повествует о незабываемых походах и боях партизан Индонезии против голландских колонизаторов.

...В небольшой городок въезжает крестьянская повозка. В ней — Кембарен и Русли. Кембарен постарше и, видно по всему, поопытнее. Русли помоложе, позадорнее... Повозка следует по улицам городка, пересекает базарную площадь и останавливается возле домика, где Кембарен и Русли получают у верного человека оружие и боеприпасы для партизан. Кембарен укладывает оружие осторожно, озираясь по сторонам, а Русли делает это беззаботно, посвистывая.

Казалось бы, дела идут как нельзя лучше. Но почему-то в мелодию, сопровождающую фильм, вплетается щемящая тревога. Невольно начинаешь ждать беды...

...Бежит проселочная дорога. Навстречу ей расступаются живописные заросли джунглей. И снова видна одинокая повозка со знакомыми уже нам людьми... Но вот объектив кинокамеры скользит по зарослям, покрывающим холм, за которым угадываются горы. В поле нашего зрения вдруг оказывается наблюдательный пункт голландских колонизаторов. Повозка замечена! О ней уже успел сообщить предатель Джендам, которого не заметили герои, когда получали оружие, да и мы, зрители, не придали никакого значения фигуре, мелькавшей в базарной толпе.

Колонизаторы перехватывают повозку. Кембарен убит на месте. Русли спасается бегством. Но он ранен.

Грустит и жалуется песня, берущая за сердце. Отряд не получит оружия, которого с таким нетерпением ждут партизаны. Измученный Русли докладывает о предателе, и командир решает переменить место партизанского лагеря. Но отважный юноша не может следовать дальше. Ему приходится остаться в ближайшей деревне. Преданно ухаживает за Русли юная Типи. Только она да ее отец поднимаются на чердак к раненому партизану...

Но в село врываются колонизаторы. Они зверски грабят и насильничают, жестоко расправляясь с мирными жителями.

...Приходилось ли вам на выжженной поляне, где кругом обгоревшие пни, пепел да зола, вдруг увидеть цветок, тянущийся к солнцу? Так и в драматически напряженном сюжете фильма расцветает лирическая тема любви. Маленькие ловкие руки Типи перевязывают раны Русли, подносят питье к его пересохшим губам. И теперь уже нежно, лирично звучит знакомая мелодия. Наступает момент, когда ведет ее не оркестр, а девичий голос, словно идущий из самого сердца. Этой песней в фильме сказано все о любви. Ненужными оказались объятия и поцелуи, заверения и клятвы...

Когда Русли начинает выздоравливать, в село приходят партизаны. Юноша просит командование зачислить в отряд и его любимую Типи. Командир смущен: до сих пор девушек в партизаны не брали. Однако сама жизнь решает этот вопрос: оккупанты вновь атакуют партизан. Храбрые люди принимают бой, и в этом бою погибают Русли и Типи...

Остатки отряда уходят в горы, чтобы продолжать борьбу за независимость страны... Сопровождая финальные кадры, торжественно звучит знакомая мелодия теперь уже как боевая песня.

Я неоднократно разговаривал с Абубакаром Абди о создании фильма. Он рассказывал мне об активном участии офицеров и солдат Суматры в постановке «Туранга». Местные крестьяне терпеливо и подолгу снимались в массовках, а потом, когда фильм был готов, приезжали за сорок — пятьдесят километров, чтобы увидеть на экране самих себя...

В наших разговорах мы часто вели речь не только о киноискусстве, но и о жизни. Ведь фильм потому и получился столь искренним и взволнованным, что многим из его участников самим пришлось воевать против колонизаторов. А биография моего друга Абубакара Абди имеет самое прямое отношение к этому фильму.

Отец Абубакара имел деревоотделочную фирму в Медане. Старик считал, что деловому человеку следует подальше держаться от политики. Он ладил и с японскими и с голландскими колонизаторами. Взгляды Абубакара были совсем иными. Юноша твердо решил уйти в партизаны.

Что было, когда об этом узнал отец!.. Ведь Абубакар — старший сын в семье, а значит, и наследник фирмы!.. Но, несмотря на протесты и угрозы, он покинул родной дом, ушел в горы и создал там отряд самообороны. Из этого отряда вырос целый батальон.

Солдаты и их командир, юный Абубакар, специализировались на перевозке оружия из-за границы. Абубакар великолепно водил парусник, но и на суше его батальон доставлял немало хлопот врагу. Сам командир неоднократно выходил минировать дороги, жечь мосты... Так же, как это показано в фильме «Туранг», отряду приходилось жить в джунглях, скрываясь от преследования врага...

Абубакар — атчинец. Есть такая область в Индонезии — Атче. И надо знать, что атчинцы — люди свободолюбивые, упорные в борьбе. Тридцать лет голландцы покоряли Атче: власть их была там установлена позднее, чем в других местностях страны. Хитрый колонизатор Ван Моок решил сыграть на гордых чувствах атчинцев: он объявил о созыве в Сингапуре учредительной конференции по созданию «свободного» Атчинского государства. Тогда Абубакар сел в парусник и отправился в Сингапур, разыскал здесь своих земляков и сказал им все, что думал о затее колонизатора. Это был прямой мужской разговор начистоту. Конференция не состоялась.

Работая над фильмом «Туранг», Абубакар вложил в него то великое чувство ненависти индонезийского народа к колонизаторам, которым до краев наполнено и его сердце.

Кстати, я несколько раз просил растолковать мне слово «Туранг», чтобы поточнее перевести его на русский язык. И, как это ни странно, ставил Абубакара в затруднительное положение.

— «Туранг» можно перевести как «патриоты».

Я записал слово в блокнот, но Абубакар подумал и сказал:

— Нет, это неточно...

Потом еще подумал и сказал:

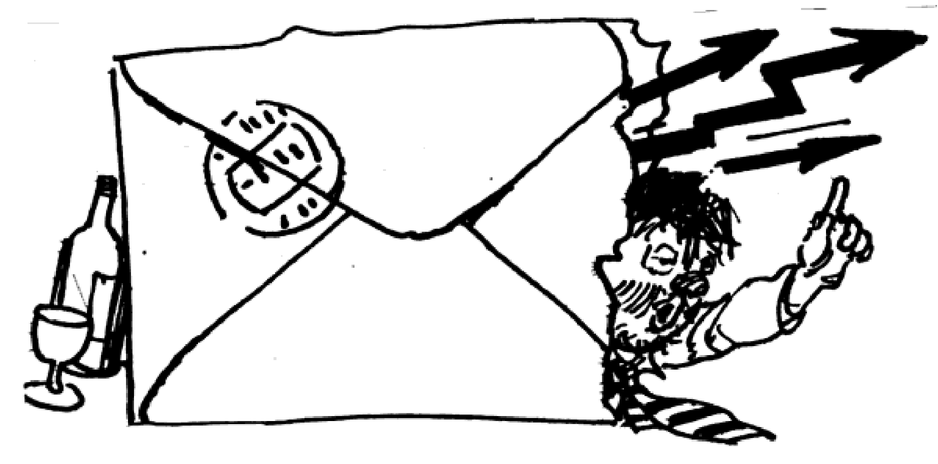
— Туранг — понимаешь, то, без чего жить нельзя.

Я снова спросил: без чего же именно жить нельзя?..

Абубакар начал перечислять то, без чего, по его мнению, нельзя жить:

— Без родины, без любви, без народа... Но это особенная песня. Я бы сказал,— с усилием подбирая слова, продолжал Абубакар,— что это песня сердца — гневного и любящего, чистого и щедрого...

И, пожалуй, более точное определение подобрать невозможно.



Как я впервые написал фельетон и что из этого вышло

Ол. КОВИНЬКА

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Кто в первый раз приносил рукопись, тот меня поймет. Со мною было, как со всеми: то в жар бросит, то мороз по коже пробежит...

— Тема хорошая. Актуальная,— заявил редактор.— Нам эта тема подходит. Пьянство — большое зло! Что это у вас вначале: «Свекольная нового урожая идет хорошо»?

— Это,— объяснил я,— тетка Олена дала шифрованную телеграмму: наварила, мол, из свеклы полную бутыль...

— Ага. Ясно. Все ясно.

И редактор наставительно ткнул пальцем в рукопись:

— Вот сюда соли добавьте. Сюда перцу. А вот сюда горчички... Хорошо, если бы вы еще и на это место соли посыпали. И соли посыпали и горчицей хорошенько смазали. Не повредит. Пусть попечет...

Посолил я, как мне посоветовали. Хорошо поперчил и горчицей усердно смазал. Напечатали мой фельетон. И начали «проперченные» персонажи меня самого горькими словами парить:

«Что же это вы рисуете? Что же вы изображаете? Написали, будто я перед зеркалом кричал: «Тьфу

на тебя, сатана! Сгинь!» Это ложь! Верно, я кричал, но кричал жене. «Василина! — говорил я.— Погляди-ка и ты, голубка, что за пугало из зеркала на меня смотрит! Лохматое, мохнатое!» А жена и говорит: «Меньше заливай, а то, ейбогу, оно на тебя еще и лаять начнет...» Когда второй раз будете писать о лукавом соблазнителе, прошу этот факт реально исправить. Напишите, как я на самом деле с зеркалом разговаривал. «У-у!..— сказал я.— Нализался! Насосался! Да еще из зеркала глаза вылупил? Бессовестный! Извините за почерк».

Второе письмо опровергало мой фельетон по-другому:

«Эх, вы! Никак не войдете в мое весьма трудное райпотребительское положение. Поймите, стою, торгую, продаю всякий сельскохозяйственный инвентарь: сапоги, ведра, вилы, хомуты... Ну, понятно, и эту... Ту, что в бутылках... Прицепили мне ее, как нагрузку. Говорят, что с ней и инвентарь охотнее идет и она легче плывет. Возьмет человек сапоги, глянет на подошвы и скажет: «А давайте чего-нибудь такого, чтоб они не скрипели...»

С той нагрузки и пошло... Присылает один председатель записочку: «Авксентий! Лечи! Не сгибается поясница! Подателю сей цидульки передай того лекарства, что и вчера передавал: двухсотграммового «цуцика» и колбасы граммов триста. Медицина утверждает, что сам «цуцик» без колбасы поясницу не выпрямляет...»

Второй председатель присылает второго посыльного. И резолюция иная: «Дорогуша! Зубы болят, хоть криком кричи. Выручай! Капни по десять граммов на каждый зуб. Не возражаю, если и по двадцать... Может, они, проклятые, скорее онемеют. Расходы запиши в графу «смазывали спицы в потребсоюзе...»

С полгода так мотали душу: дай и дай. А потом приходят с арифмометром: крути-верти — тысяча недостачи! Вот вам и Авксентий! Вот вам и дорогуша! А вы гогочете? А кто виноват?»

И еще одно письмо пришло: «Слушайте, товарищ, что же вы меня так недостойно в фельетоне размалевали? Такое написали, что и не разобрать. Я занимаю пост. Хороший пост, ответственный. Иду я на собрание. Не могу же я туда прийти, чтобы от меня, извините, как из бочки, несло. А чем заедать? Вот вам и закавыка. Конечно, вы правильно пишете, что я перед собранием сухое пшено в рот набрал. А что же делать? Пробовал я чай жевать. Ерунда! Чай не перебивает запаха. Не перебивает запаха и лавровый лист. Жевал я и пырей, и полынь, и сирень — не берет, отдает! Вот вы пишете: сдерживайся и воздерживайся... А вот чем загрызть — такой инструкции никто и не напишет... Хоть бы коротенько написали, сколько нужно прожевать сухого пшена на сто граммов водяного... Недавно я делал среди молодежи доклад «Культура в быту», так, поверите, килограмма полтора изжевал. Даже икота напала. До каких пор так страдать?.. До свидания!»

Получил я письмо абсолютно опровергательное. Письмо начиналось небесным громом:

«Чтоб тебя мать сыра земля не приняла! Чтоб тебя утром бури укачивали, а вечером лихорадка подбрасывала! Ну да, я варю! Для человеческого удовольствия варю...

Кто хоть раз попробует моей «священной», лихорадка ему в пуп, если не упадет он с ног! Вот какая моя продукция! За что же меня критиковать? Вчера по вашей пакостной заметке пришел ко мне сельсовет и говорит: «Ой, тетка, у вас и в самом деле целое заведение! Значит, о вас, тетка Олена, не напрасно написали?» Сама себе думаю: чтоб вас коромысло по спине писало и расписало! Кто же мне убытки оплатит? А? Вас спрашиваю. Я ведь одной закваски двухведерную бочку заквасила!»

Четвертое опровергательное письмо просило почтить старинное лечение:

«Мне одна бабушка посоветовала: по глазам, говорит, вижу, одно парное молоко тебе не поможет. Раз голова кружится, пей молоко с пивом. Это тебе, говорит, самое лучшее исцеление. Попьешь неделю, говорит, две — одышку как рукой снимет... Попил я две недели, не снимает. Тогда другая бабушка другой рецепт дала: пей, говорит, молоко с перцовкой. Сделай, говорит, по старинному обычаю. Нарежь в глиняную миску старого сала. Намни туда и хлебца. Хлеба не жалей: сколько влезет, столько и мни. Накроши всяких трав: крапивы, лопухов и щавелю. Все это обильно полей водочкой-перцовочкой и со словами: «Господи, помоги!» — начинай исцеляться... Начинай внутрь проталкивать. Толкай без ложки. Хочешь болесть изгнать, не стесняйся. Без стеснения наклоняйся, хватай губами и употребляй. И у тебя никогда не будут дрожать колени. Задрожат, еще наливай. Две мисочки — это мужская порция. Опрокинешь — колени выправятся и сам, сердечный, на ноги станешь, выправишься...

Всю эту мешанину я дома из мисочки хлебал, а вы черкнули, что я на дворе из корыта хлебал. Это форменная клевета: вас ввели в заблуждение. Объясняю, как дело было. Да, колени мои задрожали. Не выдержали фасона, зашатались и в темноте толкнули меня в свиную посудину — поросячье корыто, которое кто-то специально для подрыва авторитета поставил перед самым порогом. А вы этого не приняли в должный факт. Прошу вас, возьмите фактическое: мои колени всегда, как подходишь к дому, изменчиво сгибаются. Сами падают и меня, проклятые, валят на пол. С покорной просьбой к вам бывший завфермой Напьющий».

Были и другие коротенькие, лаконичные, но полные возмущения письма:

«В какой это я чайной чертиков на полу ловил? Действительно, я, как начитанный человек, за столом выкрикивал: «Классики! Вы писали правду: черти есть! Вот глядите, даже двое прыгают на моем галстуке!»

«Вы не туда загнули! Кто же против песенного фольклора? Я же ничего... Я ведь только у ограды ногами выбивал и новую песню пел: «Ой, горе той чайке, которой не дают по чарке. Кабы они горе знали, они бы и по две давали...» Песню нужно уважать...»

«Уточняю... Не я — земля шаталась, а я, не выдержав подземного толчка, упал сверху на начальника. Все разы он на меня падал, а в это воскресенье какая-то лихорадка меня попутала и непочтительно на него толкнула. Что же касается хомута, то никто меня не принуждал. Я сам добровольно нацепил хомут, затянул супонь и для развлечения под аккомпанемент балалайки громко заржал...

А то, что на лугах жеребята откликались, так это они тоже хотели выпить...»

Но самым симпатичным было последнее письмо:

«Сатирический фельетон в газете радует нас, как ясное солнышко. Оттачивайте свое перо, разоблачайте пьянчуг. Мы, доярки, любим юмор, как любим и повеселиться в компании. Вот наша подруга Галя недавно вышла замуж. Хорошо повеселились, хорошо погуляли. Не без того — и винца выпили, и попели, и потанцевали. На природе, у кудрявых верб, гуляли. По-людски сделали. Желаем вам творческих успехов! Доярки».

Вот и все. И это было для меня самым дорогим, самым близким.

Перевел с украинского Е. ВЕСЕНИН.

Борис ЛАСКИН

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

Вы, случайно, не знаете Верочку Порошину? Нет?.. И даже никогда не видели ее? Хотите, я вас с ней познакомлю?.. Хотя нет, не стоит. Поздно уж вам, молодой человек, с ней знакомиться. Просто я вам покажу ее. Вон она сидит, в сквере на лавочке, позади вас. Только вы не сразу оборачивайтесь.

Ну что?.. Красивая девушка? А вы заметили, обратили внимание, какая у нее улыбка?

Знаете, бывают люди — большие любители без всякой причины хмуриться. Но это они, конечно, больше так, для пущей важности. И, наоборот, есть люди, которые без доброй улыбки и дня не проживут. И не то, что они такие уж необыкновенно смешливые. Нет, это у них просто так, как говорится, от душевного здоровья. От настроения хорошего.

Вот и Верочка по этой причине улыбается.

Знаете, говорят: «Как взглянет— рублем подарит». Если бы Верочка так действовала: улыбнуться — рубль отдать,— ей бы зарплаты самое большее на три дня хватило. И не думайте, что у нее такая зарплата маленькая. Вовсе нет.

Почему я вам столь подробно про ее улыбку говорю? А вот почему. Некоторые считали, что улыбка очень ей в работе мешает. Да-да, серьезно...

Но я вам, кажется, не говорил, где она работала. А работала она у нас, в первом троллейбусном парке. Билетным контролером. Может быть, вы обратили внимание, что я сказал не «работает», а «работала». Дело в том, что Верочка подала заявление об уходе. И если вы спросите, в чем причина, я вам отвечу: основная причина — улыбка. Да-да, улыбка!..

Есть у нас в троллейбусном парке Миша Барабанов, водитель. Он Верочке так говорил:

— Ну, как может чувствовать свою вину безбилетный пассажир, когда вы подходите к нему и, нежно улыбаясь, говорите: «Гражданин, платите штраф!» Первая мысль у пассажира какая: прощай пятерочка!.. Лезет он за деньгами и видит, между прочим, вашу необыкновенную улыбку. Тогда он тоже начинает улыбаться и заводит лирическую беседу с целью отвлечь внимание и так далее...

И Верочка, бывало, руками разводит:

— Ну, что я могу сделать, товарищи, если у меня такой характер и мне улыбаться хочется!..

А Барабанов ей:

— Пожалуйста, улыбайтесь. Только сперва штраф получите, квитанцию выдайте, а уж потом пусть человек любуется на вашу улыбку и забывает о своей небольшой утрате в виде пяти рублей. Вы просто-таки недооцениваете, Верочка, исключительную силу своей улыбки. С таким личным оружием вы совершенно спокойно можете директором магазина работать.

— Это почему же?

— Потому. Придет обиженный покупатель: дайте, мол, жалобную книгу! Вы ему книгу подадите и улыбнетесь прямой наводкой. Как он вашу улыбку увидит — конец! Откроет книгу и напишет благодарность. Это я вам точно говорю.

А Верочка ему:

— Ладно. Раз такое дело, буду штрафовать со строгим лицом. Вот с таким. А улыбаться буду только в обеденный перерыв, в выходные дни, Первого мая и Седьмого ноября!..

Сказала, а сама опять улыбается.

И вот теперь, представьте, после этого разговора случилось одно событие. Стоит Верочка на остановке у Красных Ворот. Народу много, весеннее оживление, часы «пик». Подходит троллейбус. Верочка, конечно, не как пассажир стоит. Как контролер. Стоит и видит: троллейбус остановился, и из задней двери навстречу всей очереди молодой человек пробирается, руками, как пловец, загребает. Соскочил, отряхнулся, и тут Верочка аккуратно так его за плечо берет и говорит:

— Гражданин, одну минуточку...

Он оборачивается и, знаете, прямо замирает. А Верочка смотрит на него, видит: интересный парень, статный, глаза карие, с огнем...

И начинается у них такой разговор:

— Вы нарушили правила, гражданин.

— Кто?.. Я?

— Да, вы.

— Лично я?

— Лично вы,— говорит Верочка и вдруг улыбается.

Тогда парень тоже улыбается и так задумчиво говорит:

— Ну что ж, если я нарушил, я готов за это дело ответить по всей строгости закона.

— Повезло молодому человеку,— это уж кто-то из очереди замечает. — Знает, где правила нарушать.

Тут все засмеялись, а Верочка говорит:

— Вам придется уплатить штраф, гражданин.

А этот парень смотрит на нее и, знаете, как во сне:

— Штраф уплатить? Пожалуйста. Я очень рад. Даже, можно сказать, счастлив.

Роется он в карманах дольше, чем надо, деньги ищет, а на остановке тем временем продолжается разговор:

— Сейчас голубчик раскошелится!

— Не будьте наивным человеком. Таких красивых не штрафуют. Особенно в весенний период.

— Безусловно. Давайте поспорим, она ему сейчас опять улыбнется и скажет: «В следующий раз прошу не нарушать!»

Подходит еще один троллейбус, все уезжают, а парень все стоит и делает вид, что деньги ищет. Тогда Верочка говорит:

— Я вижу, что у вас нет с собой денег. Я запишу ваш адрес, и вам пришлют повестку.

— Пожалуйста. Запишите. Но пока к нам туда дойдет повестка...

— Куда это к вам «туда»?

— В Братск. На строительство ГЭС.

— А вы что же, там работаете?

— Да. Вот прилетел на несколько деньков в командировку и сразу, как видите, правила нарушил. Но ничего, я очень рад!..

— Бывает,— говорит Верочка, а сама прячет книжку с квитанциями,— бывает, торопишься куда-нибудь и не видишь, где передняя дверь, где задняя... Знаете что, вы уж не ищите деньги. Я вас на этот раз отпущу. Но вы, пожалуйста, больше так никогда не поступайте.

Говорит это Верочка, а на парня почему-то не смотрит. То ли смутилась, то ли еще что. А он, знаете, глаз от нее оторвать не может.

— Вы что же,— говорит,— хотите, чтобы я просто так ушел?.. Ведь я же... этот... как его... нарушитель!

А Верочка плечами пожимает.

— Я думаю, от меня не зависит, уйдете вы или нет. А то, что вы нарушитель, я ведь вам, по-моему, уже внушение сделала...

— Правильно. Сделали. Но внушения, я считаю, мало. Таких нарушителей, как я, учить надо. Воспитывать!..

Верочка улыбается:

— Воспитывать?.. Вы мне лучше скажите: у вас на строительстве принимают людей только со специальностью или там поучиться можно на курсах?..

И тут парень так обрадовался, даже руками всплеснул:

— Конечно, есть курсы!.. Что за вопрос!.. Сибирь! Масштабы! Размах! Поедем!.. Я вас обидеть не хочу, но ваша профессия себя, можно сказать, изживает. Народ стал сознательный. Безбилетный пассажир — большая редкость!

А Верочка улыбается:

— Да, но еще некоторые через заднюю дверь норовят выйти...

— Правильно. Но я лично больше не буду. Честное слово!.. Как же я позволю себе нарушать правила, когда рядом со мной...

— Что?

— Когда, говорю, рядом со мной, на одном строительстве, будет учиться и работать такая... такой строгий бывший контролер!

...Знаете, я не стану вас задерживать. Вы уже, наверно, сами все поняли. Тем более, и понять-то нетрудно. Но я вам все же коротко скажу. Познакомились молодые люди и на днях уезжают вдвоем. Куда? В Сибирь, на Братскую ГЭС.

Помните, я вам говорил, что в улыбке хорошего человека большая сила заложена.

А сейчас, если хотите, вы подойдите к Верочке и пожелайте ей успеха в будущей работе и счастья в жизни. Она, безусловно, скажет спасибо и так улыбнется, что, уж поверьте мне, вы забудете все на свете!

В несколько строк

Борис ТИМОФЕЕВ

Арбуз задумался: «Природы я продукт,
Но кто я все же: овощ или фрукт?»
— Не в этом суть,— услышал он в ответ,—
А главное: созрел ты или нет?..

Лев Кролика ловил, но не поймал.
(Тот был увертлив, хоть и мал.)
Но Лев иначе объяснил причину:
— Мне с мелочью возиться не по чину...

Червяк, забравшись в яблоко с трудом,
Сказал: «Как мило! Здесь и кров и пища.
Живя, могу я есть свое жилище,
Питаясь, увеличиваю дом!..»

Гадюка говорила у ручья:
— Чистейшую пью только воду я...
На это старый Уж сказал ей деловито:
— Ты от того не меньше ядовита!

— Давай нырять! —воскликнул Лягушонок...
Посмотрим-ка, кого здесь ждет успех...
— Неинтересно,— отвечал Мышонок,—
Попробуем, кто разгрызет орех...

Ленинград.

Весеннее...

ПЕРЕСТАРАЛСЯ...
Рисунок **М. Вайсборда.**

ПОСЛЕДНИЙ РАУНД.
Рисунок **Вл. Гальба.** Ленинград.

← ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БОЛЕЛЬЩИКА.
Рисунок **Г. Пирцхалава.** Тбилиси.

БЕЗ СЛОВ.
Рисунок **Ю. Качмарчука.** Польша.

ДУЭЛЬ КАРИКАТУРИСТОВ.
Рисунок **Вл. Гальба.**

Первые игры

Начался чемпионат Советского Союза по футболу

В шести городах одновременно раздались судейские свистки, и шесть игроков — центры нападения — сделали первые удары по мячу. Начался футбольный сезон: розыгрыш очередного двадцать первого чемпионата Советского Союза.

Первые матчи всегда бывают полны весеннего вдохновения и спортивного азарта. В них все волнует: и траектория полета мяча, и запах свежей травы, и радостный шум на трибунах.

В эти дни любители футбола спешат на стадионы, как на встречу с другом после долгой и томительной разлуки. Они аплодируют каждому удачному удару и охотно прощают друзьям промахи, неловкости и даже нервозность. Но особенно радует зрителей молодой футболист, который впервые вошел в строй, встал рядом с опытными мастерами и сразу же обратил на себя внимание.

Каждый раз по весне мы видим не только молодых футболистов, но и новые клубы, которые входят в строй сильнейших коллективов и становятся в ряд с прославленными командами.

В нынешнем сезоне такая честь выпала на долю спортивного клуба военного округа из Ростова-на-Дону. Жребию было угодно свести новичков в первом же матче чемпионата со своим старшим братом— командой Центрального спортивного клуба Министерства обороны.

Можно с уверенностью сказать, что никакая команда в первых матчах не может полностью проявить свои возможности. Весенний отпечаток чувствуется в каждом движении футболистов: неточные передачи, удары мимо ворот, неумелая игра телом, головой, редкие рывки. Весной класс игры команд в значительной степени нивелирован. В начале сезона большую роль играют компоненты, компенсирующие недостаточную техничность, комбинационность и отсутствие правильного тактического мышления на поле. И этими компонентами оказываются энтузиазм, который выражает энергию, воля к победе и хорошая физическая подготовленность.

Отчетный матч был очень показательным в этом смысле. С одной стороны, мы видели опытную команду ЦСК МО, но не созревшую еще для серьезной борьбы и без волевого заряда, а с другой — перед нами предстал молодой коллектив, который хотя и не показал нам крупного футбола, но зато проявил такую неутомимость и желание добиться победы, перед которой не устояли даже видавшие виды московские армейцы. Ростовчане преподали урок трудолюбия на футбольном поле, когда каждый игрок знал, что ему делать, и не искал ни минуты покоя. Особенно хочется отметить точную, расчетливую игру центра нападения В. Понедельника, создавшего ряд очень острых ситуаций в атаке, а также неутомимого Ю. Мосалева, который, покидая свое место левого крайнего, появлялся в самых неожиданных местах и ставил в тупик московских защитников.

В игре же москвичей появились несвойственная им леность и какое-то безразличие. Временами казалось, что они искусственно охлаждают накал борьбы. И если защитники и отчасти полузащитники в какой-то степени выполняли свои функции, то нападающие попросту не понимали, что происходило на поле.

В. Стрешний неоправданно, без учета действий своих партнеров, рвался вперед без мяча, в расчете, видимо, на хорошую передачу. Г. Апухтин на правом крае никак не мог справиться с защитником В. Гейзером, а Ю. Беляев на левом крае упорно ждал удобного момента, которого так и не дождался. Кто-то на трибуне резонно заметил об игре москвичей: «Гром раскатистый, а дождик мелкий». В результате — поражение со счетом 0 : 2.

Не будем бередить старые раны оборонительной тактики. Хотелось бы заметить, однако, что в коллективе ЦСК МО до сих пор большое внимание уделялось защитным линиям, разрабатывались схемы, применялись различные варианты. Сам по себе этот факт не вызывает никакого сомнения. Больше того, это дало свои положительные итоги: защита армейцев играет стойко и надежно. Но этим решена лишь половина задачи, причем решена не за счет качества, а за счет количества игроков.

Пора бы теперь подумать об атакующих функциях команды и, в частности, о таких полузащитниках, которые бы не только помогали форвардам, но и сами включались в атаку. Таких игроков в команде ЦСК МО пока нет.

У китайцев есть хорошая поговорка: «Каждая неудача делает нас умнее». Может быть, поражение поможет тренерам ЦСК МО найти более правильную ориентировку на будущее. Без этого очень трудно будет вести борьбу с командами, претендующими на призовые места.

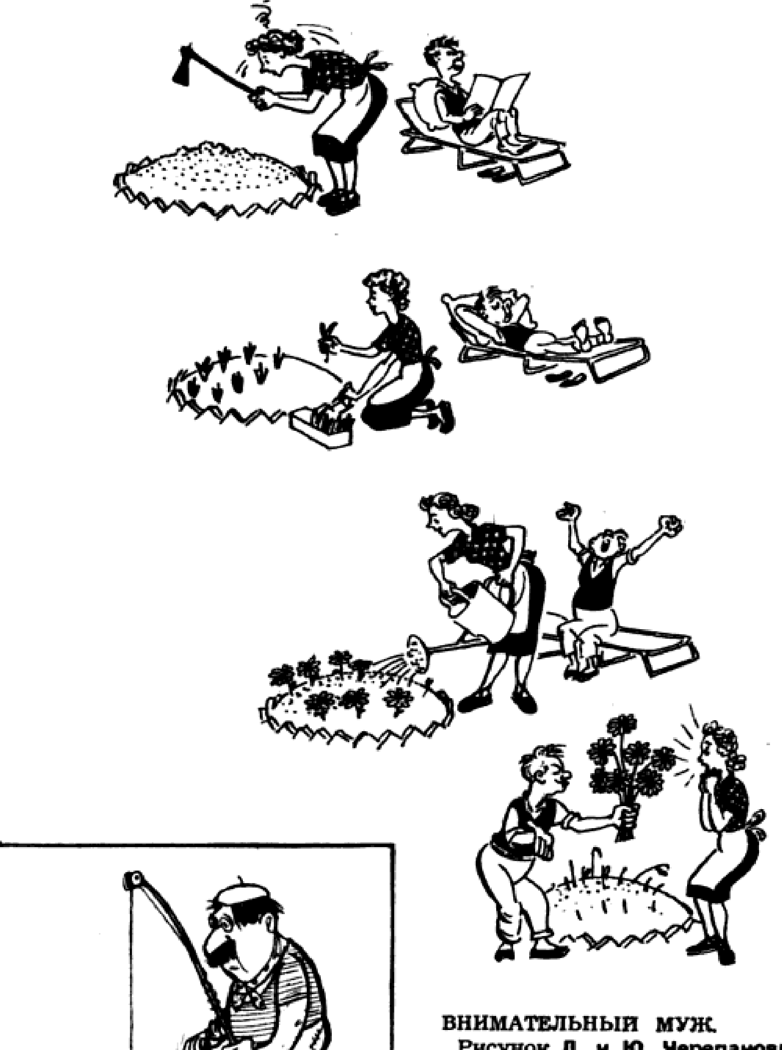
В этот же день состоялись еще пять матчей в пяти других городах. В турнирную таблицу вписаны первые единицы, двойки и нули.

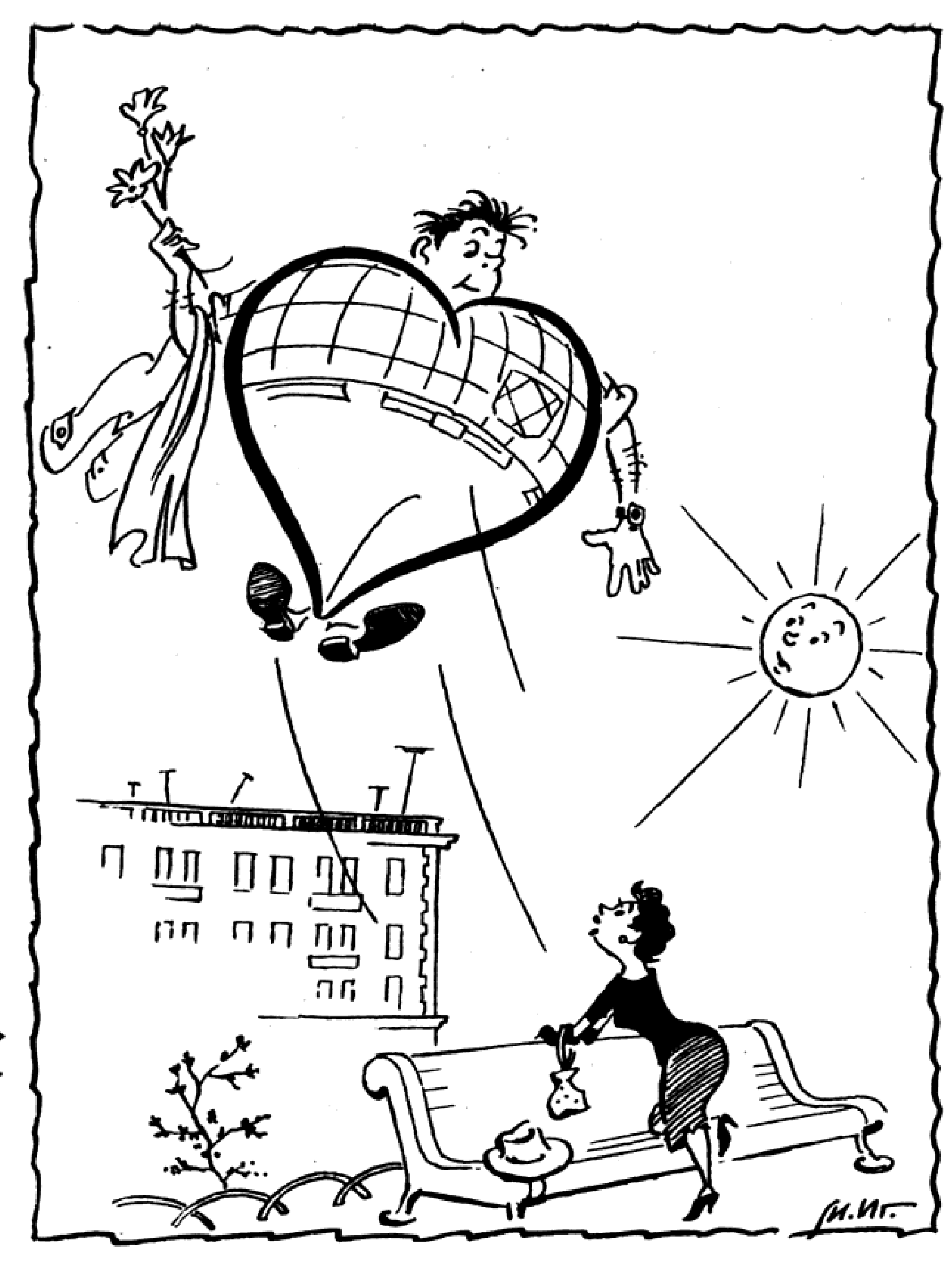
...Сегодня второй тур чемпионата. В Москве открытие сезона. Встречаются старые соперники — «Спартак» и «Динамо». Рассчитывать на большое число голов здесь тоже трудно. Но борьба этих клубов всегда проходит в интересной и напряженной схватке.

М. МЕРЖАНОВ

Ростов-на-Дону.

Прорыв ростовчанина Ю. Мосалева.
Фото Г. Осокина.





ВНИМАТЕЛЬНЫЙ МУЖ.
Рисунок Л. и Ю. Черепановых.

ОТ ИЗБЫТКА ЧУВСТВ. →
Рисунок И. Массина.

НЕОЖИДАННЫЙ УЛОВ.
Рисунок А. Фауста. ФРГ.

Земная краса

О. ДРИЗ

Чего только нету, чего только нету
В коробочке плоской моей!
Все краски земные, зарницы, рассветы
Хранятся под крышкою в ней.

Там, в чашечке желтой, барханы пустыни,
Застывшее море там, в чашечке синей,
Всех в мире морей ледяней.

Там тень, что еще ни за кем не бежала,
Там луч, что еще не светил никому,
Там прячется месяц острее кинжала,
Который еще не рассеивал тьму.

Пушистые тучи свернулись клубками,
Под ними гроза притаилась и гром,
А рядом речушка забилась под камни,
Еще не пришлось ей играть серебром.

Чуть сбрызну я краски живою водою,
Как тотчас проснется земная краса.
Вот солнышко всходит тропой голубою,
Над крышкой поднявшись, плывет в небеса.

Я кисточкой красное с белым мешаю,
И вот уж зарделись румяна земли,
И тени ночные, свой путь завершая,
Попрятались, в темных углах залегли.

Кто хочет, увидит своими глазами,
Как в зной паутинки над лугом сплелись,
Как жук шевелит на былинке усами,
Дрожит на осинке в безветрие лист.

Кто хочет, увидит своими глазами,
Как лайка по бусинкам красным следов
Подбитую дичь догоняет, как замер
Якут-следопыт средь таежных снегов.

Вот в синее море я кисть опускаю.
На кончике каплей повисла волна;
Вот с кисточки солнечный дождик стекает —
С улыбкою слезы в родстве издавна.

Коробка моя — не коробка, а чудо:
Отыщешь в ней все, что задумаешь ты;
Вон в чашечке той отдыхают верблюды,
А в этой резвятся на воле киты.

Глаза лишь раскрой и любуйся досыта
Цветистой, веселой, живой красотой...
Но вот уже кисточка чисто отмыта.
Давно ей в коробку пора, на покой.

Уж солнышко, света раздав нам с
излишком,
Как дверь, за собою захлопнуло крышку,
Погасла вечерней зари полоса.
И вот тишина наступила в коробке.
Там ночь. Пограничник шагает по тропке...
Там спит безмятежно земная краса.

Перевод с еврейского Т. СПЕНДИАРОВОЙ.

ИЗ ИСТОРИИ КАМНЕЙ

Академик А. Е. Ферсман, крупнейший советский минералог, поражал всех разнообразием своих научных интересов. Многогранность обширных знаний, глубокая специализация его работ по минералогии и геохимии не мешали ему охватывать в целом широчайшие области смежных наук, видеть их взаимную связь и пути в будущем. Была одна область, увлекавшая ученого особенно сильно. В обширном «каменном царстве», где он работал всю свою жизнь, среди бесконечного разнообразия минералов, руд и горных пород любимыми А. Е. Ферсмана были цветные камни. Ученики А. Е. Ферсмана шутили, что он хотел проникнуть в душу самоцветов. Красоту сверкающих самоцветов и причудливо пестрых мраморов А. Е. Ферсман воспринимал как ученый и как художник, перед которым вставали туманные видения прошлого, яркие образы будущего. Чувства прекрасного будили в нем научное предвидение. А. Е. Ферсман создал книгу о декоративном и драгоценном камне — «Очерки по истории камня».

Ниже публикуется неизданный очерк А. Е. Ферсмана.

О. ПИСАРЖЕВСКИЙ

Изумруд Каковина

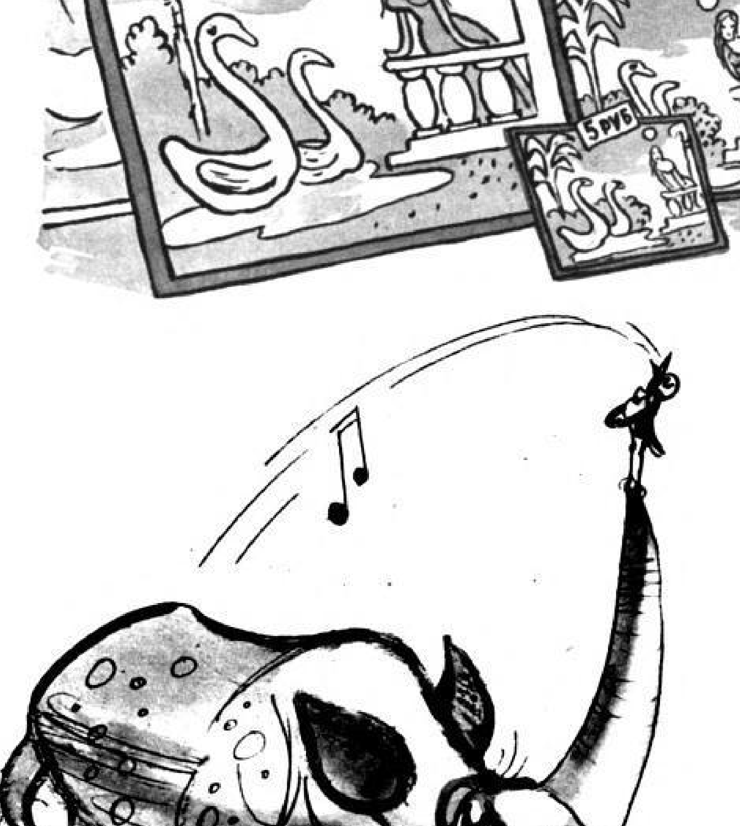
История одного из крупнейших в мире кристаллов изумруда, о котором я хочу рассказать, интересна особенно потому, что в ней известны и начало и конец: и первая находка камня и его последующая судьба.

В 1831 году командир Екатеринбургской (ныне Свердловской) гранильной фабрики обер-гиттенфервальтер Яков Иванович Каковин доносил «Кабинету Его Величества», что им лично сделано открытие изумрудов на Урале. Он не утаил при этом, что нашли изумруд в корнях вывороченного бурей дерева местные крестьяне. Но, желая выслужиться, он проявил исключительную энергию и в снег и в стужу направился сам в болотистую тайгу и подтвердил находку первого русского изумруда.

СВЕРХСКОРОСТНОЙ РЕПОРТАЖ.
Рисунок **Вл. Гальба.**

— СКАЖИТЕ, А ЭТО ОРИГИНАЛ?
Рисунок **Л. Самойлова**, Рига.

СПОСОБ, РЕКОМЕНДУЕМЫЙ РОДИТЕЛЯМ.
Рисунок **Вл. Гальба.**



ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ.
Рисунок **Вл. Гальба.**

ВСТРЕЧА У РЕКИ.
Рисунок **А. Фауста.**

Особенной величиной, яркостью окраски и приятной мягкостью тона отличались камни с одного прииска, названного Сретенским и расположенного на лесистой горушке над рекой Токовой.

Среди этих камней в 1834 году командиру Каковину был привезен огромный изумруд. Его вес достигал по тогдашней мере пяти фунтов — два с лишним килограмма. Кристалл красиво лежал среди блестящего слюдяного сланца. Одна грань камня была как бы отшлифована самой природой, и взор уходил глубоко в темную зелень камня, прозрачного и чистого, как настоящий дорогой самоцвет.

Но не только этот камень понравился честолюбивому директору фабрики. Еще много других камней решил он не посылать с серебряными караванами к царскому двору. Запыленными и грязными держал он их в ящиках под кроватью и за иконами и, как скряга, накапливал богатства, не зная, для кого и для чего.

Ходили легенды, что он начал тайные переговоры с торговцами из немецкой стороны. Наконец слух об алчности Каковина дошел до Петербурга, и оттуда был прислан строгий контролер. Очень скоро он убедился в неправильном ведении дела, а «друзья» директора подсказали, где искать утаенные камни. Царский чиновник тотчас отыскал спрятанное и не без гордости сделал донесение императорскому двору. Отобранные из утаенных Каковиным камни были записаны, уложены в ящики и на специальной тройке отвезены в Петербург.

Самого Каковина с пристрастием допрашивают, сажают в Екатеринбургскую тюрьму, снова допрашивают, но через несколько дней находят его повесившимся в камере...

А отвезти изумруды в Петербург командируется молодой мастеровой фабрики Перминкин, своеобразный уральский самородок, впоследствии смелый, энергичный искатель камней Прибайкалья. Перминкин отвез камни директору департамента уделов Льву Алексеевичу Перовскому, придворному магнату, страстному любителю камня. Л. А. Перовский уже давно собирал свою коллекцию. Новые прекрасные изумруды вполне подходили для нее, и наш изумруд во второй раз останавливается на своем историческом пути ко двору и остается в коллекции Льва Алексеевича Перовского.

Трудно сказать, какова была судьба этого камня в те далекие годы, когда страсть к собиранию минералов считалась в петербургском высшем обществе хорошим тоном. Так или иначе, за деньги или в уплату за карточный долг, изумруд попал к князю Кочубею, крупному помещику, прожигателю жизни, но вместе с тем большому любителю и знатоку самоцветов. Кочубей нежно лелеял свою коллекцию и постоянно пополнял ее новыми прекрасными образцами. Среди диковинок этого собрания наш изумруд занимал первое место. Желая сохранить камни потомству, Кочубей перевез коллекцию в свое имение в Полтавской губернии, в знаменитый хутор Диканьку.

Прошло много десятков лет. Потомки князя разорили имение и себя. Начались крестьянские восстания, и трудно было уберечь помещичье гнездо и сохранявшиеся в нем коллекции. В народном гневе сожжен был дом, коллекция была разбросана по саду, отдельные штуфы бериллов были брошены в пруды. Нелегко было вновь собирать эти минералы. Но все же после долгих поисков почти три четверти коллекции были найдены, в том числе и наш изумруд. Все они были вымыты и уложены в ящики.

Молодой гордый князь не хотел оставлять коллекцию на родине. Он ставил интересы своего кармана выше интересов страны и перевез коллекцию в Вену, где нанял особое помещение и предложил ее для продажи музеям Европы и Америки.

Но Россия не могла уступить иностранцам этой коллекции русских камней. Академия наук подняла этот вопрос в Государственной думе. После долгой борьбы были отпущены деньги, и академик В. И. Вернадский и автор этих строк были командированы в Вену для осмотра коллекции и ее оценки. Цена оказалась очень высокой. Один только наш изумруд был оценен в 50 тысяч австрийских гульденов, а вся коллекция по нашей оценке превышала стоимость 150 тысяч золотых рублей.

Но указ о покупке был подписан, и коллекция поступила в распоряжение Академии наук. Особоуполномоченный Академии бережно уложил в Вене в определенном порядке всю коллекцию, и в один из ящиков вместе с бериллами попал и изумруд. В особых вагонах ящики были доставлены в Петербург, перевезены в музей, и — о, ужас! — два ящика оказались похищенными в пути.

Известие поразило всех нас как громом. Никакими деньгами нельзя было компенсировать ценность этих уникальных камней — оригиналов научных исследований русских минералогов — или нашего изумруда. С трепетом взялись мы за список камней, находившихся в отдельных ящиках, и скоро с радостью убедились, что пропало два ящика с наименее ценными минералами, тогда как самые важные, особенно ящик с топазами и изумрудами, были целы.

Я вспоминаю торжественную картину, хотя с тех пор прошло много, много лет...

Приемочная комиссия в составе трех академиков: В. И. Вернадского, А. П. Карпинского (покойного президента Академии наук) и Ф. Н. Чернышева, знаменитого геолога, директора Геологического комитета, и мы, хранители музея, открывали образцы и передавали их академикам. Я помню простую фигуру в черном сюртуке — Александра Петровича Карпинского, занимавшего председательское место, и сидевшего рядом с ним в сверкавшем орденами вицмундире с лентой академика Феодосия Николаевича Чернышева, а по другую сторону, около нас,— Владимира Ивановича Вернадского, с увлечением, почти нервно рассматривавшего подаваемые ему кристаллы и отмечавшего их в каталоге.

Так был принят в собрание Минералогического музея Академии наук знаменитый изумруд Каковина, самый большой в мире изумруд весом 2 226 граммов.

История этого камня закончена. Отныне он принадлежит всей Советской стране.

Академик
А. Е. ФЕРСМАН

ПОКА МЕДВЕДЬ СПАЛ...
Рисунок
Л. и Ю. Черепановых.

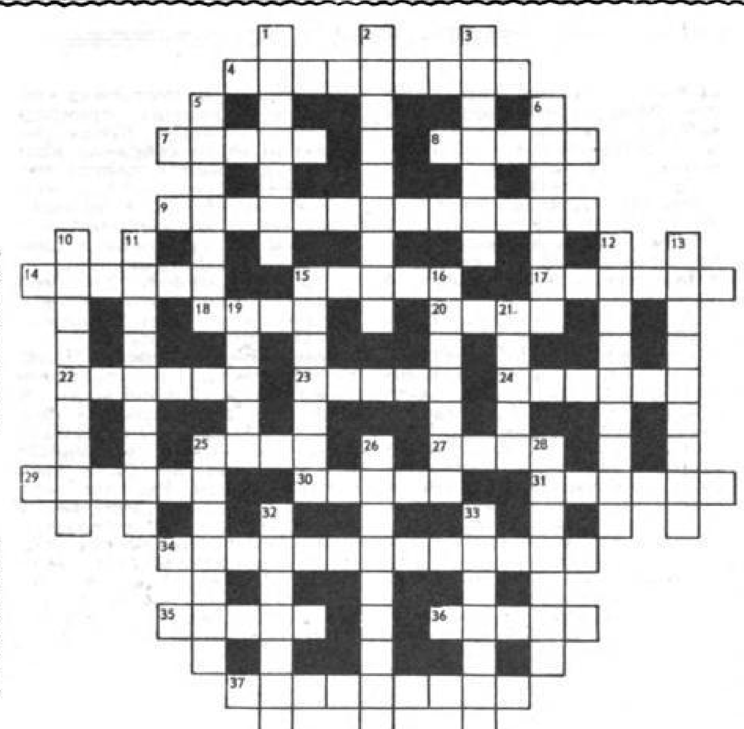
Единственный случай, когда инспектор рыбнадзора принял действенные меры.
Рисунок **И. Шикова.**

— Почему ты никак не достроишь свою фабрику, сынок?
— Потому что часть материалов я отдал брату. Он строит себе дачу.
Рисунок **Х. Пихо.** Таллин.

ПОДАРОК.
Рисунок **В. Соловьева.**

ДИКИЕ КАБАНЫ: «БАТЮШКИ, КТО ЭТО ТАК НАСВИНЯЧИЛ?»
Рисунок **В. Гливенко.** Киев.

КРОССВОРД



По горизонтали:

4. Комедия Д. И. Фонвизина. 7. Стеклянные шарики. 8. Город в Киргизской ССР. 9. Музыкальное сопровождение. 14. Крупнейший кинорежиссер и актер. 15. Один из народов, населяющих Балканский полуостров. 17. Сладкое кушанье. 18. Словесное состязание. 20. Атмосферная влага. 22. Сетчатая оболочка глаза. 23. Жилье в древней Руси. 24. Лиственное дерево. 25. Планета. 27. Единица измерения освещенности. 29. Страница типографского набора. 30. Стиль плавания. 31. Порт на Енисее. 34. Рыба, обитающая в реках тропической Америки. 35. Одна из отраслей естествознания. 36. Пищевой продукт. 37. Исполнитель былин.

По вертикали:

1. Вид сельскохозяйственных угодий. 2. Курорт в предгорьях Карпат. 3. Приток Оки. 5. Автор «Посмертных записок Пиквикского клуба». 6. Советский живописец, график и скульптор. 10. Романс М. И. Глинки. 11. Герой комедии Н. В. Гоголя. 12. Фигура высшего пилотажа. 13. Деталь ткацкого станка. 15. Художественный прием. 16. Горный массив на Урале. 19. Сосуд для питья в Средней Азии. 21. Медоносное растение. 25. Континент. 26. Член сельскохозяйственной артели. 28. Исчезновение звука в середине слова. 32. Стебель травы. 33. Часть шлема.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17.

По горизонтали:

9. Белила. 10. Лесков. 11. Фейерверк. 12. Тремоло. 13. Апофема. 15. Платан. 17. Аргамак. 18. Пастер. 22. Бериллий. 23. Апостроф. 24. Циолковский. 25. Нотариус. 27. Креветка. 28. Ректор. 31. Арбенин. 32. Рангун. 37. Картина. 38. Стартер. 39. Грейпфрут. 40. Нансен. 41. Аттика.

По вертикали:

1. «Природа». 2. Плафон. 3. «Челкаш». 4. Вискоза. 5. Беседа. 6. Дейтерий. 7. Преграда. 8. Момент. 14. Канатоходец. 16. Термостат. 19. Серпантин. 20. Алхимия. 21. Солитер. 26. Стрежень. 27. Критерий. 29. Каркас. 30. «Одиссея». 33. Адаптер. 34. Готика. 35. Вагнер. 36. Эстамп.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33, Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00689. Подписано к печати 22/IV 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 606. Заказ 787.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ТРЕУГОЛЬНИК ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

(Бонн — Париж — Рим). Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

Цена номера 3 руб.